

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАФЕДРА ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ
КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ТВЕРСКОГО КРАЯ:
СВАДЬБА**

Сборник научных статей и публикаций

**Памяти Н. П. Кудряшова
(1924–1998)**

ТВЕРЬ 2014

УДК 930.1(470.331)
ББК Т521(2Рос-4Тве)-534
Т65

Редакторы:

*М. Л. Логунов, А. А. Петров,
Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская*

Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924–1998):

Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская;
сост. Л. М. Концедайло, М. Л. Логунов, С. В. Моряков, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская,
Э. Ф. Шафранская. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. — 132 с.

ISBN 978-5-7609-0925-1

Настоящий сборник посвящен 90-летию со дня рождения тверского собирателя и популяризатора фольклора Н. П. Кудряшова, уроженца Ржевского уезда. Среди песен, которые записывал Николай Павлович, есть и свадебные, поэтому этот сборник посвящен тверскому свадебному обряду. Свадьба — один из важных этапов человеческой жизни в традиционном обществе, однако в настоящее время — к началу XXI в. — он значительно изменился. Изменилось и отношение к браку, поэтому наш сборник ориентирован и на репрезентацию свадебного обряда XX в., и на привлечение внимания общества к вопросу о том, что такое свадьба сегодня. Основную часть сборника составляют тексты песен и описания обрядов западных (Торопецкий), южных (Ржевский) и северо-восточных (Бежецкий, Кашинский) районов Тверской области. Впервые публикуется ряд материалов из архива кафедры истории русской литературы филологического факультета Тверского государственного университета, личного фонда А. Г. Кирсанова из Государственного архива Тверской области (ГАТО), а также тексты из архивов краеведов и фольклористов.

Для фольклористов, краеведов, этнографов и широкого круга читателей.

УДК 930.1(470.331)
ББК Т521(2Рос-4Тве)-534
Т65

ISBN 978-5-7609-0925-1

© Редакторы М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская, 2014

© Коллектив авторов, 2014

© Тверской государственный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.	4
Н. П. КУДРЯШОВ: ЛИЧНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ	
<i>С. В. Моряков.</i> Николай Павлович Кудряшов: человек и собиратель.	5
<i>Л. М. Концедайло.</i> Человек из песни.	10
ПО СЛЕДАМ Н. П. КУДРЯШОВА	
Свадебные песни Ржевского района из коллекции <i>С. В. Морякова. Подготовка текстов С. В. Морякова, Т. И. Пиценко.</i>	12
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ТВЕРСКОЙ СВАДЬБЫ	
<i>А. А. Петров.</i> История собирания и изучения свадебного обряда Торопецкого края.	30
Свадебный обряд Тверской губернии 1920-х гг. по материалам личного фонда А. Н. Вершинского в ГАТО. <i>Вступительная статья и публикация И. А. Михайловой.</i>	46
Кашинский свадебный обряд по материалам личного фонда В. Г. Шоминой в ГАТО. <i>Вступительная статья и публикация Ю. С. Заострожной.</i>	55
<i>О. М. Кузьмина.</i> Ржевская свадьба в записях XIX века.	71
ТВЕРСКАЯ СВАДЬБА В АРХИВАХ	
Свадебные песни Торопецкого района из архива кафедры истории русской литературы ТвГУ. <i>Подготовка текстов А. А. Петрова.</i>	75
Свадебный обряд Кашинского района по материалам архива кафедры истории русской литературы ТвГУ. <i>Вступительная статья и публикация А. С. Дмитриевой.</i>	86
Записи свадебного обряда Бежецкого уезда в фонде <i>А. Г. Кирсанова. Вступительная статья и публикация А. А. Петрова.</i>	103
КНИЖНЫЕ РАРИТЕТЫ	
<i>М. А. Веневитинов.</i> Старинное изображение обряда смотрин в городе Торопце. <i>Подготовка текста А. А. Петрова.</i>	125

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящий сборник посвящен памяти собирателя и популяризатора фольклора Николая Павловича КУДРЯШОВА, уроженца Ржевского уезда Тверской губернии. Кроме того, что Николай Павлович собирал, он еще и исполнял песни. В его репертуар входили в том числе и свадебные ржевские тексты, которые мы представляем в данном сборнике.

Свадьба — один из важных этапов человеческой жизни в традиционном обществе, однако в настоящее время — к началу XXI в. — свадебный обряд значительно изменился. Изменилось и отношение к браку, поэтому наш сборник ориентирован и на репрезентацию свадебного обряда XX в., и на привлечение внимания общества к вопросу о том, что такое свадьба сегодня.

Основную часть сборника составляют тексты песен и описания обрядов западных (Торопецкий), южных (Ржевский) и северо-восточных (Бежецкий, Кашинский) районов Тверской области. Впервые публикуется ряд материалов из архива кафедры истории русской литературы филологического факультета Тверского государственного университета, личного фонда А. Г. Кирсанова из Государственного архива Тверской области (ГАТО), а также тексты из личных архивов краеведов и фольклористов.

Одна из задач, поставленная перед составителями, показать при структурной схожести свадебного крестьянского обряда (баня, венчание, застолье и пр.) его локальные отличия. И это, думается, нам удалось, т. к. мы находим местные свадебные обычаи со сковородой в Ржевском районе, с шапкой — в Торопецком и с гаданием на ложках на девичнике — в Кашинском районе.

Это уже третье издание из серии «Традиционная культура Тверского края», которую в 2013 г. начал выпускать университет при активном участии краеведов-фольклористов и студентов филологического факультета.

Мы надеемся, что данное издание будет полезно не только узкому кругу специалистов, но также будет востребовано широким кругом читателей.

Н. П. Кудряшов

Составители

Н. П. КУДРЯШОВ: ЛИЧНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ

С. В. Моряков

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ КУДРЯШОВ: ЧЕЛОВЕК И СОБИРАТЕЛЬ

В часе езды от Ржева по осташковскому тракту на волжском берегу расположилась деревенька Климово. Здесь, у подножия Рождественских гор, в Тихвинских хуторах 30 апреля 1924 г. родился Николай Павлович Кудряшов. В большой крестьянской семье он был последним, шестым, ребенком. Первые трое родились до Империалистической войны, а остальные братья после возвращения отца из германского плена. Старший брат Иван, 1908 года рождения, знал много обрядовых песен и играл на гармошке. Александр и Георгий не уступали ему, один стал «духовиком» (музыкантом духового оркестра) и жил потом в Твери (Калинине). Вся семья была певческой, что и не мудрено, потому что отец до Первой мировой войны служил регентом в Тихвинской церкви, что стояла за Волгой ровно против хутора. Там и начались первые уроки хорового пения. В 1938 г. умерла мать, а на другой год отправили Николая по разнарядке в школу фабрично-заводского обучения в Ленинград. «Терпи сынок», — вспоминал слова матери Николай. «Бывало убегу в свободную минуту в лес и горланю там песни, а в школе рядился старухой в художественной самодеятельности и пел “Жагалушку жагливую”, — вспомнил Николай Павлович, — какая там музыка, какие мечты стать артистом? Решили — плотник и точка». Как рассказывал Н. П. Кудряшов, около года он проработал на Васильевском острове на заводе, как вдруг — война! Рыли окопы под Ленинградом. Начались бомбежки, артобстрелы. Завод со всеми людьми эвакуировали в Казань. Поезд шел мимо Калинина, вот он дом — рукой подать, но во Ржеве уже были немцы. Призвали летом сорок второго. Трехмесячные курсы — и стал командиром отделения. Боевое крещение прошел под Вязьмой, где немец ожесточенно дрался на Ржевско-Вяземском рубеже, это было что-то страшное. Затем Западный фронт, Первый Украинский, где было первое ранение в руку, первый орден, который вручал молодой тогда генерал-майор Иван Данилович Черняховский. Подо Львовом серьезно ранило, в госпитале в Виннице удалили глаз, долго переходил из одного госпиталя в другой. Дослуживал в Баку в зенитном полку, который готовили к войне с Японией. Демобилизовался летом 1945, вернулся в Климово — ни кола, ни двора. Чудом остался дом деда Гриши. «Старший брат с женой, трое ребятшек, батька, я, — да что тут вспоминать!» Пешком за пятьдесят верст по 15 килограмм носили зерно бабы для посева. Разруха. Голод. Хорошо, что была пенсия по инвалидности, 48 рублей.

В 1948 г. поехал поступать в Калинин. «Директором музыкального училища тогда был Николай Пименович Ившев, — вспоминал Николай Павлович. — Прослушивал директор меня у себя дома на Володарского, в коммуналке. Спел я ему “Меж крутых бережков” тенором. “У-у-у! Хорошо, молодец! Я Марии Васильевне Сидельниковой скажу, уроки тебе даст”, — я обрадовался». «Ходил к Марии Васильевне на сольное пение. Позже с ней и с мужем ее, Николаем Николаевичем, стали как родные. И на фронте, и в Калининне попадали мне всё хорошие, душевные люди», — говорил Николай Павлович. «Потянуло на дирижерское отделение. Что ж, — директор не возражал. Преподавал, помню, такой немец Таубе. На последнем курсе музыкального училища женился».

Уже когда работал в доме культуры Редкинского опытного завода, стал задумываться о создании народного коллектива. В шестидесятые годы в области чуть ли не в каждом сельском совете были хоры. Сохранились записи Антонины Алексеевны Никоновой, много лет работавшей в доме культуры «Пролетарка», из которых видно, что в Калининской области насчитывалось до 400 певческих коллективов. Николай Павлович мечтал создать коллектив, который бы работал исключительно на местном тверском материале.

В 1964 г. родился ансамбль «Тверской родник». На первую же репетицию пришли девчата веселые, голосистые, сразу было видно, что дело пойдет. Н. П. Кудряшов стал руководителем и хормейстером коллектива. Он всегда с теплотой отзывался о солистах ансамбля, долгие годы выступавших на разных концертных площадках области: В. Крупениной, К. Соколовой, К. Кошелевой, М. Бутузкиной, баянисте А. Балашове и многих других.

Заслуги руководителя в создании ансамбля несомненны, но, как вспоминал Николай Павлович, без людей, которые от станка спешили в любую непогоду на репетиции, несмотря на бытовые неурядицы, не порывали с коллективом, ничего бы не получилось. Большую помощь оказывало руководство Редкинского завода. «Никакие подачки и спонсоры не смогут оказать существенной помощи культуре области, как это было во времена советской власти, когда не только государство, но и предприятия содержали огромные Дома культуры, финансировали культурно-просветительскую работу», — вспоминал Николай Павлович, сравнивая перестроечный период с «советскими застойными» годами. Вот когда и пригодились записи, сделанные на его малой родине в Ржевском районе в Шолоховском сельском совете. Больше тридцати песен стали постоянным репертуаром ансамбля.

Н. П. Кудряшов
(2 курс училища), 1950 г.

Вся жизнь Николая Павловича была связана с песней, со сценой. Через него, соприкасаясь с ним в течение долгой жизни, прошло много людей, которых он учил, направлял, давал профессиональные советы, подсказывал. В этом году исполняется 90 лет со дня его рождения, и есть немало людей, которые могут сказать в его адрес много теплых слов. Человек жив, пока живет о нем память. Директор Конаковского городского Дома культуры им. В. В. Воровского Светлана Владимировна Чернявская вспоминает, как в начале 1970-х гг. вернулась она на родину в Редкино и пришла в ансамбль: «В том, что я пою, большую роль сыграл руководитель хора Н. П. Кудряшов. Я не стеснялась учиться у талантливых людей, с которыми меня сводила судьба. И так было всегда. Училась сама и других учила». К. А. Невенчаный, художественный руководитель ансамбля «Ельничек», что в Доме культуры «Пролетарка», хорошо знал Николая Павловича. В репертуаре его ансамбля есть песни, записанные Н. П. Кудряшовым, он бережно хранит и записи учителя. Евгений Иванович Комаров, создатель и руководитель танцевального коллектива «Тверичане», стоявший у истоков конкурса, посвященного нашей землячке, главному балетмейстеру хора им. М. Е. Пятницкого Т. А. Устиновой, был близок Николаю Павловичу. Ему как никому известно о сотрудничестве автора книги «Фольклорные танцы Тверской земли» с Н. П. Кудряшовым¹. Книга вышла в 2002 г., но уже ни автор, так мечтавшая подержать ее в руках, ни соавтор — Николай Павлович, не дожили до презентации, которая прошла в Московском Центральном доме работников искусств.

Я познакомился я с Николаем Павловичем в 1993 г. через Л. М. Концедайло — ведущего специалиста по фольклору Тверского областного Дома народного творчества (ТОДНТ), куда ее тщанием весной того же года был принят на работу и выполнял одну из главных своих задач — *сохранение преемственности*. Задолго подготовив нас для встречи, свела она наши руки в рукопожатии. Вот так произошло «рукобитие» двух земляков с полувековой дистанцией поколений. «Я давно хотела вас представить друг другу, — говорила Людмила Михайловна, — Николай Павлович — наш человек». Тогда я был молодым и жадно впитывал жизнь, Н. П. Кудряшов же был седым стариком с огромным жизненным багажом за плечами. Узнав от меня в подробностях то, что я, будучи на практике летом 1983 г., жил и записывал песни и предания в его родных местах, он несказанно обрадовался. Он слушал мой рассказ, а душа его мысленно была на родине. Радовался и дивился он тому, что я застал его односельчан — знаменитых песенниц-сестер Проворовых, заводную Копку — Капитолину Егоровну Дмитриеву, Наталью Михайловну Морозову, что жила на краю и дом у ней с «мазанином». Она так и выговаривала — «мазанин», который стал ее визитной карточкой. Живя два месяца в соседнем Шолохове, я записал много песен, которых не было в собрании Николая Павловича, и это для него было интересным. К тому времени, будучи пожилым, он давно уже не был в родной деревне Климово, и любая весточка, любое воспоминание о его дорогой родине волновали его сердце. Встречи с Н. П. Кудряшовым были всегда короткими, мы никак не могли наговориться вволю, когда я приезжал по работе в ТОДНТ, и Людмила Михайловна заранее оповещала нас о встрече.

Последние годы не были для Николая Павловича безоблачными, давало свои проблемы, тяжело болел сын, но главное — было беспокойно на душе. Он думал и говорил о той же преемственности, о сохранении песенной традиции, из которой

¹ Устинова Т. А. Фольклорные танцы Тверской земли. Записаны Т. А. Устиновой в Тверской губернии в 1938 г. Тверь: Типогр. Алексея Ушакова ТУШ, 2002. 160 с.

**О. А. Ковалева (с дочерью), И. Н. Некрасова,
С. В. Моряков, Е. Ю. Гимаева, Л. М. Концедайло,
Л. К. Королёва, Н. П. Кудряшов, 1994 г.**

вырастает музыкальная культура нации. Весной 1994 г. были мы в Тверском музыкальном училище им. М. П. Мусоргского, где студенты показывали программу, построенную на местном (тверском) материале, реконструировали народную свадьбу. Николай Павлович сначала молчал, потом стал заметно волноваться, толкать меня локтем, желая поскорее выйти вон, чтобы не видеть происходящего на сцене. Он сетовал

не на студентов, а на их руководителей, которые сами не поняли сути дела и не научили ребят. «Как так можно, — говорил он, — народную песню нужно прочувствовать, пропустить через душу...» Замечу, что в то время мода на фольклор опять активизировалась. Он чувствовал легкую фальшь в людях через слово, через песню, через подготовку студентов. Я мысленно был на его позиции, но нельзя было сильно волновать старика, и я успокаивал Николая Павлович, говоря, что время отметет всё чуждое, главное же, что пытаются, поют. «Я тоже в своей работе с коллективом делал различные аранжировки, искал новые решения, я никогда не пытался просто механически воспроизвести записанный вариант песни, — говорил Н. П. Кудряшов, — но надо пропустить через сердце, чтобы песня жила, а не была просто концертным номером». Потом всей толпой мы сфотографировались в сквере у стен училища.

Уже когда проработал Николай Павлович три десятка лет и двадцать два года посвятил своему детищу — ансамблю Дома культуры «Химик» Конаковского района «Тверской родник», решил он написать письмо в Москву в государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных: «Меня очень беспокоит то, что собранные и записанные мною песни... погибнут, после того, как я уйду с работы. Пока некому у нас в области передать опыт, нет молодых фольклорных коллективов, нет единого центра по сохранению тверского песенного наследия...», — писал Н. П. Кудряшов. Ему ответила тогда на страницах газеты Т. Старостина. Начиналась статья словами: «Из Калинина пришло письмо...» В 1974 г. в этом же институте начал складываться вокально-инструментальный ансамбль «Русская песня» под руководством Н. Г. Бабкиной, который с 1994 г. стал самостоятельным, а в 2000 г. был реорганизован в музыкальный театр фольклора «Русская песня». В середине 1980-х гг. и приезжает Н. Г. Бабкина со своим коллективом в Редкинский Дом культуры за песнями к Н. П. Кудряшову. После встречи и знакомства Бабкина писала в «Советской России»: «Мы счастливы и благодарны, что участники хора “Тверской родник” поверили в нас. Поверили, что мы сможем перенять у них народную песенную эстафету. Мы уехали от них обогащенными, с живыми впечатлениями и репертуаром...» Шли годы, Николай Павлович следил за своей великой

и известной «ученицей», помню, не раз замечал, что его «Овечушки-косматушки» сыграли свою роль в судьбе артистки... Случилось так, что пришлось Кудряшову в сложной жизненной ситуации поехать на поклон в столицу, но вышло как в одной из записанных им русских песен: «Ты мне не отец, а бродяга, / Уйди же, уйди же ты прочь!» Я хорошо знаю, как его это обидело, но на отношение к творчеству московских артистов это вряд ли повлияло. Спустя время Н. П. Кудряшов не раз сокрушался по поводу исполнения столичными фольклористами русской песни. Он не принимал никаких компромиссов, что касалось фольклорной традиции, и, как я теперь понимаю, был абсолютно прав. Для многих исполнителей «от фольклора» прошлое народа, песенная традиция, переходя от поколения носителей к ним — преемникам, не становится их судьбой, прошлое для них становится всё больше беллетристикой. Главная же проблема в этом творческом процессе преемственности — проблема достоверности. Именно по этой причине, когда Николай Павлович принес мне большую общую тетрадь с песнями, надеясь, что после него они не пропадут и, быть может, будут опубликованы; среди них оказались лишь те тексты, которые он записал в ржевских деревнях с фиксацией простых напевов без каких-либо обработок. «Меня всё время тянуло домой, в деревню особенно, когда что-то не ладилось и было беспокойно на душе, — говорил он, — как узнают, что я приехал, сразу же все идут, складчину соберут, и гуляем, поем наши песни. Собирались всё больше у Проворовой Анны на том краю, что к Осечну ближе. Как затянут бабы “Отправлялся наш Ляксандра”, а их было десять певиц, аж за Волгой в Боярниково слышно. Гулы так и раздаются по нашим горам. На престольные праздники на погосте, а особенно в пасхальную неделю, как затянут “Христа...” Куда там! Всё это в памяти у меня и по сей день», — вспоминал Николай Павлович. Я понимал, он не мог предать своих земляков, не мог предать память прошлого.

При любой оказии я вновь и вновь стремлюсь в этот удивительный уголок Ржевского Поволжья на Климовский мост, на древнее городище Большого Осечна, где что ни шаг, то история, — воспоминания грустные и отрадны, где пролились несколько страниц и моей студенческой юности. Огромные валуны, поросшие мхом, древние березы да молодой ельник, поселившийся на пепелище, — это последние приметы родового гнезда Николая Павловича. Живописный остров посреди Волги, вековые сосны, притихшие в лучах вечернего заката, и никого, ни единой души... Никто уже не сплет тихвинские страдания, никто не нарушит тишины русской гармошкой...

Вечная память! Николай Павлович сохранил для нас память о своем опыте, он и его поколение оставили нам размеченную дорогу, чтобы можно было идти вперед в будущее. Вечная память!

31 января 2014 года

Л. М. Концедайло

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕСНИ

Какая душа, такая и песня.

(Пословица)

Николай Павлович Кудряшов... Каким он был? Испытав многое в жизни, он остался самим собой. Человеком со своим особенным миром чувств, представлений, идеалов, с неповторимо самобытным складом мышления. Он был очень требовательным к себе, неутомимым тружеником. Воплощенная сердечность, заботливость, простота, скромность. Все разговоры он сводил к песне. Говорил, что русская песня — помощница людям в труде. Песня нужна человеку в труде. И на ратный подвиг ведет песня. Нельзя человеку без песни. С песней человек становится сильным и добрым.

Однажды в Тверской областной дом народного творчества зашел статный пожилой мужчина. Познакомились, разговорились и подружились во время беседы. Говорили о фольклорных экспедициях в Тверскую глубинку, о песнях, о современной жизни, о деревне.

Потом Николай Павлович стал приходить чаще, стал моим консультантом и в жизни, и в творчестве. Возраст у него был солидный, за плечами большой жизненный путь, Великая Отечественная война. За сутолокой дел нам редко удавалось поговорить по душам, но однажды Николай Павлович пришел вечером, когда я уже собиралась домой. Ему хотелось поговорить о сыне, который болел. Я включила магнитофон и записала его рассказ о жизни и о войне.

Николай Павлович Кудряшов родился в 1924 г. в селе Тихвинском Ржевского района в большой крестьянской семье, где умели работать и знали исконные обычаи. Уклад крестьянской семьи был традиционно православным, в доме соблюдались посты. Это не мешало родителям быть чуткими к положительным веяниям времени; все дети (сыновья и дочери) получили хорошее образование.

Наследственной в семье была музыкальная и художественная одаренность, легкий и жизнерадостный нрав. Отец был регентом церковного хора, братья Александр и Георгий прекрасно играли на гармонии и баяне, а вся деревенская округа знала много народных песен и частушек.

Неизвестно, как бы сложилась судьба Н. П. Кудряшова, если бы не война, которая страшным катком прокатилась по жизни его и жизни его многих сверстников. Совсем мальчишкой ушел Николай на фронт. Много пережил, был ранен в голову, потерял глаз, но после лечения в госпитале вернулся к службе.

После войны учился в Музыкальном училище, посвятил себя культуре. Собирали, сохраняли и учили пению многих молодых людей. Создал ансамбль «Тверской родник», популяризовал песни, наигрыши, обряды русской тверской деревни. Всю жизнь переписывался с известными фольклористами России, в том числе с Натальей Павловной Колпаковой, собирательницей и исследовательницей фольклора, талантливейшим человеком. Присылала она ему не только письма, но и свои книги.

Он подарил мне несколько изданий, дорогих его сердцу. Среди них академическое издание «Русская народная бытовая песня» (1962) Н. П. Колпаковой, с ее

автографом. Долгое время Николай Павлович переписывался с сотрудником кабинета народной музыки Московской консерватории Сергеем Старостиним. Старостин присылал свои статьи и книги, а приезжая в Тверскую область, долго беседовал с Николаем Павловичем о своих фольклорно-этнографических экспедициях, советовался с ним, куда поехать следующим летом.

Н. П. Кудряшов и Н. И. Листопадова, 1998 г.

За песнями к нему приезжала Надежда Бабкина. Я помню, как она выступала с концертами в цирке, и Николай Павлович ходил с цветами ее приветствовать. В конце жизни Николай Павлович занялся созданием архива. Когда понял, что ухудшается зрение, что стала подводить память, заторопился с приведением в порядок своих записок: сделал рукописную книгу песен и подарил ее в Дом культуры «Пролетарка» другу К. А. Невенчанному, который до сих пор исполняет песни Н. П. Кудряшова в своем ансамбле песни и танца «Ельничек».

А после смерти Николая Павловича случилось чудо... Была у меня командировка в Старицкий район в с. Юрьево. Вместе с Виолеттой Мининой готовили передачу об одной замечательной женщине, которая более 30 лет была слепой, но рассказывала очень хорошо о вере и своей жизни. Зашла речь о Святителе Николае. Кто-то из нас задал вопрос: «Святитель Николай и Николай Угодник — это один и тот же святой»? Нина Ивановна ответила, что это один святой, почитаемый главным образом крестьянами. Этот святой особенно часто помогает людям в беде, на воде и т. д. Нина Ивановна благословила нас. Мы вернулись домой, и в этот же день, через два часа, мы с мужем нашли в пригороде леса, гуляя с собакой, старинную икону Николая Чудотворца. Словно кто-то напомнил о себе.

Несколько лет назад мне довелось быть в Доме культуры «Пролетарка» на вечере памяти, посвященном Н. П. Кудряшову. Коллектив «Ельничек» исполнил более двадцати песен из репертуара тверского фольклориста. Песни звучали особенно тепло и проникновенно. Подумалось: пока звучат русские песни — живет память о Николае Павловиче Кудряшове.

ПО СЛЕДАМ Н. П. КУДРЯШОВА

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ РЖЕВСКОГО РАЙОНА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ С. В. МОРЯКОВА

Подготовка текстов С. В. Морякова, Т. И. Пиценко¹

1. Не сама ль я молода,
Ой, да глупо сделала, да...
Своего я дружка,
Ой, да распрогневала.
Назвала я его,
Ой, да горькой пьяницей, да...
Да горькой пьяницей,
Ой, да бездомовницей.
Ты пропил-прогулял,
Ой, да весь отцовский дом,
Да весь отцовский дом,
Ой, да коня-ворона,
А я с горюшка,
Ой, да в темный лес пошла,
В темном лесе я,
Ой, да заблудилася,
В темном лесе я,
Ой, да заблудилася,
Под рябинушку,
Ой, да я садилася.
Ты рябинушка,
Ой, да раскудрявая,
Ты когда взошла,
Ой, да когда выросла?
Я весной взошла,
Ой, да летом выросла,
По зарям цвела,
Ой, да с солнцем вызрела.

2. Молодухи, молодухи,
Молодухи молодые,

---

¹ Нотная расшифровка — Валерии Викторовны Руденко (Ковалевой).

Молодухи молодые.
Соберемтесь, соберемтесь,
Соберемтесь в посиделки,
Соберемтесь в посиделки.
Соберемте, соберемте,
Соберемте по копейке,
Соберемте по копейке.
Мы пойдёмте, мы пойдёмте,
Мы пойдёмте к воеводе,
Мы пойдёмте к воеводе.
Воевода, воевода,
Воевода, сын господский,
Воевода, сын господский.
Дай нам волю, дай нам волю,
Дай нам волю над мужьями,
Дай нам волю над мужьями.
Дай нам волю, дай нам волю,
Дай нам волю над свиньями,
Дай нам волю над свиньями.
Запрягу я, запрягу я,
Запрягу я мужа в сани,
Запрягу я мужа в сани.
И поеду, и поеду,
И поеду на нем в баню,
И поеду на нем в баню.
Стой, Гаврила, стой, Гаврила,
Стой, Гаврила, шлык забыла,
Стой Гаврила шлык забыла.
Ворочуся, ворочуся,
Ворочуся, прокачуся,
Ворочуся, прокачуся.

3. У маёва у двара
Приукатана гара,
Приукатана, примаслена,
Вадою палита, да...
Приукатана, примаслена,
Вадою палита, да...
Вся вадою полита,
Да чеботарем прибита.
Чеботарь мой, чеботарь,
Малодинький, дарагой,
Сашей-тя башмачки,
Чтоба павыше каблучки.
Пашла (в)стала на лядок,
Спадвихнулся каблучок,
Спадламился, спадвихнулся,
Я упала на бачок.

Не видала, как упала,
Погляжу млада, ляжу,
Ляжу девушка, лежу,
Ляжу на правом на баку.
Ни на правом, ни на левом,
На кисейном рукаве.
Я туда-сюда поглядь —
Мене некому паднять,
Ни чужии, все сваи,
Братцы-таварищи маи,
Маи перьвая залетка
Скарешинька падбязал,
Миня девицу паднял.

4. С-под лесу, лесу, жить колосится,
С-под лесу, лесу, жить колосится.
Нашински девки звонки, голосисты,
Нашински девки звонки, голосисты.
По полю ходят, по полю ходят,
По полю гуляют, ленок рассевают.
Расти, мой леночек, тонок и долог,
Расти, мой леночек, тонок и долог,
К верху головистый, к низу коренистый,
К верху головистый, к низу коренистый.
Стал мой леночек зреть и поспевать,
Стал мой леночек зреть и поспевать.
Стала молоденька плакать и рыдати,
Стала молоденька плакать и рыдати.
Кто со мною будет леночек тягати?
Кто со мною будет леночек тягати?
Свекор говорит, свекор говорит:
«Я за тобою, снохою молодою».
Это мне не радость, это не веселье,
Брань да хлопоты, больше заботы.
Мой муж говорит, мой муж говорит:
«Я за тобою, женою молодою», —
Вот это радость, вот это веселье,
Вот это радость, вот это веселье.

5. Ой, вы девицы хорошенькие,
Расхорошие молоденькие,
Расхорошие молоденькие.
Вы зачем, зачем повысушили,
Присушили русы кудри мои,
Ко моей буйной головушке?
Присушила, начала их чесать.
Расчесавши, уговаривала,
Расчесавши, уговаривала:

«Запропала, удалая голова».
Я сама-те своему горю помогу,
Помогу-могу мосточек наместить.
Я пойду-пойду по мостику
Я пойду-пойду к соседушкам,
Я послушу, что соседи говорят.
Меня матушка ругает и бранит:
«Полно, полно тебе, Дунюшка, шалить,
Не пора ли своего уже любить?»
Своего мужа я до смерти не люблю,
А люблю, люблю молодого казака.

6. Уродилася Дуняша

Ни велика, ни мала,
Ни велика, ни мала —
Круглолица, румяна.
Выходила молода
За новые ворота,
За новые кленовые,
За тесовенькие.
За новые кленовые,
За тесовенькие.
По садику гуляла,
Дружка Ваню завела,
По садику гуляла,
Дружка Ваню завела.
Дружка Ваню завела,
Тайно в терем провела,
Про тебя наш друг, Ванюша,
Люди бают, говорят,
Люди бают, говорят,
Велят долго не гулять,
Люди бают, говорят,
Велят долго не гулять,
Велят долго не гулять —
Пора Дуню замуж брать.
Уродилася Дуняша
Ни велика, ни мала.
Ни велика, ни мала —
Круглолица, румяна.
По садику гуляла,
Дружка Ваню завела,
Дружка Ваню завела,
Тайно в терем провела.

7. Луги, мои луги,
Да луги зеленые,
Травы, мои травы,

Травы шелковые.
Травы, мои травы,
Травы шелковые.
Как по этим травам
Мне не находиться,
Как по этим травам
Мне не находиться.
Кого сердце любит,
Тем не налюбоваться.
Эх! Кого сердце любит,
Да тем не налюбоваться.
Сполюбил девочку,
Купеческу дочку,
Сполюбил девочку,
Купеческу дочку,
Купеческа дочка,
Хороша девочка.
Купеческа дочка,
Да! Хороша девочка.
Хороша, учтива,
Речи говорила,
Речи говорила
Да милого бранила:
«Ты ли моя радость,
Ты ли мое сердце,
Ты ли моя радость,
Ты ли мое горе,
Сердце ретивое
Во мне вековое,
Сердце ретивое
Во мне вековое,
Сердце ретивое,
Во мне вековое».

8. Выбирала молодца
В хороводе девица.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

В хороводе выбирала,
За праву руку брала.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

За праву руку брала,
В хороводе провела.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

В хороводе провела,
Чсть-поклон всем отдала.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

Чсть-поклон всем отдала,
Целовала молодца.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

Целовала молодца,
Застеснялась девица.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

Застеснялась, прочь пошла,
Полюбила молодца.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

Полюбила молодца,
Во горенку повела.

Лебедин, мой лебедин,
Лебедушка белая.

Славим край наш родной,
Верхневолжский льняной,
Верхневолжский льняной.

9. Овечушки-косматушки,
Овечушки-косматушки,
А кто вас пасет, мои матушки,
А кто вас пасет, мои матушки.
Матка стара, дочка мала,
А я, молодая, кросна ткала,
А я, молодая, кросна ткала.
Челнок свищет, дырку ищет,
Челнок свищет, дырку ищет,
То вниз, то вверх, то по бердичку,
То вниз, то вверх, то по бердичку.

Притыкай, притыкай, мое бердичко,
Притыкай, притыкай, мое бердичко,
А я притыкала, сама не скучала.
Кросна ткутся, нитки рвутся,
Кросна ткутся, нитки рвутся.
Возле меня, молодой, молодчики вьются,
Молодчики вьются.
Вы не вейтесь, вы не вейтесь,
Вы не вейтесь, вы не вейтесь,
На меня молоду не надейтись,
На меня молоду не надейтись.
Уродился ленок
Волокнист и высок,
Будем петь и плясать,
Славу льну воздавать.

10. Ой, Лука, ты Лука, ты овсяная мука,
Ты овсяна, солодяна, сухо высушена,
Ты овсяна, солодяна, сухо высушена,
Ты овсяна, солодяна, сухо высушена.
Сухо высушена, мелко вытолчена,
Сухо высушена, мелко вытолчена,
Сухо высушена, мелко вытолчена.
У отца одна дочь всему выучена,
У отца одна дочь всему выучена,
У отца одна дочь всему выучена.
Наварила киселя на вчерашней воде,
Наварила киселя на вчерашней воде,
Наварила киселя на вчерашней воде.
А вчерашняя вода непокрытая была,
А вчерашняя вода непокрытая была,
А вчерашняя вода непокрытая была.
Блоха ноги мыла, а вошь воду пила,
Блоха ноги мыла, а вошь воду пила.
Она по полу ходила, гребнем голову чесала,
Гребнем голову чесала, во клети косу плела,
Гребнем голову чесала, во клети косу плела,
Гребнем голову чесала, во клети косу плела.
Что моя руса коса всему городу краса,
Что моя руса коса всему городу краса,
Что моя руса коса всему городу краса.
Всему городу краса, молодому сухота,
Всему городу краса, молодому сухота.
Молодой по улице — латы, латы, лататы:
Ты смотри, молодой, пролатаишься,
Ты смотри, молодой, пролатаишься,
Ты смотри, молодой, пролатаишься,
Несоленых щей нахлебаешься,

Несоленых щей нахлебаешься,
Несоленых щей нахлебаешься,
С молодой женой, ох, намаешься.

11. Суковатое девятое бревно,
Дружка милого не видела давно,
Я не видела от праздничка,
Дурака его проказничка.

Под горою баня топится,
Милый в банюшку торопится —
Поскорее надо париться,
У милашки рыбка жарится.

Вечор-голубь, вечер сизый голубок,
Полюбуюсь с тобою вечерок,
Гляди прямо, гляди прямо на меня,
Я давно люблю, давно люблю тебя.

Зять на теще капусту возил,
Молоду жену в пристяжку водил,
Он на тещу понукивает,
Свою жену приголубливает.

Ну-ка, ну-ка, ну-ка, теща моя,
Тп-ру... стой, молодая жена,
Тебя старую черт не возьмет,
Молода жена живот надорвет.

Ой, тещи-мамашки мои,
Разменяйте бумажки свои,
А бумажки всё новенькие,
Двадцатипятирублевенькие.

12. Таракан, мой таракан,
Таракан мой черный,
Таракан мой черный,
Работать задорный,
Таракан мой черный,
Работать задорный.
Таракан воду возил,
В грязи ноги увязил,
Таракан воду возил,
В грязи ноги увязил,
Бела муха вынимала,
Свой животик надрывала,
Бела муха вынимала,
Свой животик надрывала.

Кулики баню рубили,
Журавли ее покрывали,
Кулики баню рубили,
Журавли ее покрывали.
Прилетел тут дятел,
Быстро конопатил,
Прилетел тут дятел,
Быстро конопатил.
Блоха банюшку топила,
Гнида щелок щелочила,
Блоха банюшку топила,
Гнида щелок щелочила.
А вошь парилася,
Притуманилася,
А вошь парилася,
Притуманилася,
Притуманилася,
Притуманилася,
С полка грянулася,
Притуманилася,
С полка грянулася.
Ее блошки подхватили,
Во гробницу положили,
Ее блошки подхватили,
Во гробницу положили.
Лежит вошь во гробу,
Поминать будем рабу.
Долгоносый журавль
На мельницу ездил,
На мельницу ездил,
Диковинку видел,
На мельницу ездил
Диковинку видел:
Козел муку мелит,
Коза подсыпает,
Козел муку мелит,
Коза подсыпает,
Маленьки козлята
Тоже не гуляют,
Маленьки козлята
Тоже не гуляют,
Тоже не гуляют,
Муку выгребают,
Тоже не гуляют,
Муку выгребают.
Вот пошел козел плясать,
Коза хвостиком вилять,
Вот пошел козел плясать,
Коза хвостиком вилять,

Маленьки козлятки,
Все пошли вприсядку,
Маленьки козлятки
Все пошли вприсядку.
Старая ворона
Всё сидела дома,
Старая ворона
Всё сидела дома.
Наварила киселя
На вчерашней воде,
Наварила киселя
На вчерашней воде,
А вчерашняя вода
Непокрытая была,
А вчерашняя вода
Непокрытая была —
Блоха ноги мыла,
Гнида воду пила,
Блоха воду пила,
Гнида ноги мыла.
Две сороки прилетели,
Панихиду быстро спели,
Две сороки прилетели,
Панихиду быстро спели.
Клоп кадилою махал,
«Отче наше» прочитал,
Клоп кадилою махал
«Отче наше» прочитал.
Слава Богу, околела,
Всему миру надоела,
Слава Богу, околела,
Всему миру надоела.
А в могилу закопали,
Три недели поминали,
А в могилу закопали,
Три недели поминали.

13. Я по жердочке шла,
Я по тоненькой,
Я по тоненькой,
По еловенькой.
Тонка жердочка,
Ох, не ломится,
Не ломается.
Хорошо с милым жить
Да не стошнется,
Да не стошнется,
Разгуляется.

Пойду выйду молода
За новые ворота,
За новые кленовые,
За решетчатые.
Гляну, гляну по кругу,
Все подружки во кругу,
У моих-то у ворот
Они водят хоровод.
Я по жердочке шла,
Я по тоненькой,
Себе дружка нашла,
Во горенку повела,
Себе дружка нашла,
Во горенку повела.

14. А мы просу сеяли, сеяли,
Ой, дид-ладо, сеяли, сеяли.

А мы просу вытопчем, вытопчем,
Ой, дид-ладо, вытопчем, вытопчем.

А чем жа вам вытоптать, вытоптать?
Ой, дид-ладо, вытоптать, вытоптать?

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой, дид-ладо, выпустим, выпустим.

А мы коней (в) плен возьмем, (в) плен возьмем,
Ой, дид-ладо, (в) плен возьмем, (в) плен возьмем.

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой, дид-ладо, выкупим, выкупим.

А чем жа вам выкупить, выкупить?
Ой, дид-ладо, выкупить, выкупить?

А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой, дид-ладо, сто рублей, сто рублей.

А нам не надо сто рублей, сто рублей,
Ой, дид-ладо, сто рублей, сто рублей.

А чего ж вам надобно, надобно?
Ой, дид-ладо, надобно, надобно?

А нам надо девицу, девицу,
Ой, дид-ладо, девицу, девицу.

А какую именем, именем?
Ой, дид-ладо, именем, именем?

А нам надо Наденьку, Наденьку,
Ой, дид-ладо, Наденьку, Наденьку.

У нас Надя дурочка, дурочка,
Ой, дид-ладо, дурочка, дурочка.

А мы ее выучим, выучим,
Ой, дид-ладо, выучим, выучим.

А чем же вам выучить, выучить?
Ой, дид-ладо, выучить, выучить?

А шалковой плеточкой, плеточкой,
Ой, дид-ладо, плеточкой, плеточкой.

Открывайте воротцы, воротцы,
Ой, дид-ладо, воротцы, воротцы,

Принимайте девицу, девицу.
Ой, дид-ладо, девицу, девицу.

В нашем полку убыло, убыло,
Ой, дид-ладо, убыло, убыло.

А в нашем полку прибыло, прибыло,
Ой, дид-ладо, прибыло, прибыло.

В нашем полку плачется, плачется,
Ой, дид-ладо, плачется, плачется.

А в нашем полку пляшется, пляшется,
Ой, дид-ладо, пляшется, пляшется.

15. Как у месяца звезды,
Да звезды частыи,
Ой, люли, люли,
Да звезды частыи.
Как у солнышка
Лучи ясные,
Ой, люли, люли.
У Алешеньки
По плечам кудри,
Ой, люли, люли.
По плечам лежат,
Словно жар горят,

Ой, люли, люли.
Словно жар горят,
Разгораются,
Ой, люли, люли.
Со Москвы купцы
Соезжаются,
Ой, люли, люли.
Что за кудерки,
Что за русые,
Что за русые,
Не любуйтесь,
Не дивуйтесь,
Ой, люли, люли.
На мои кудри,
На мои русыи,
Ой, люли, люли.
Меня маменька
Так возродила,
Ой, люли, люли.
Меня тятенька
Так воспитал,
Ой, люли, люли,
Так воспитал.

16. Валят с корня, валят,
Валят с корня, валят
Сосну красну-девицу,
Сосну красну-девицу,
Сосну красну-девицу,
Марьюшку-голубушку,
Марьюшку-голубушку
Во чужу сторонушку,
Марьюшку-голубушку
Во чужу сторонушку,
Во чужу сторонушку,
Ко чужим родителям.

17. Пойдемте по ряду
По большим боярам,
Найдемте мы гостя,
Гостя дорогого.
Найдемте мы гостя,
Гостя дорогого,
Найдемте мы гостя,
Гостя дорогого.
Гостя дорогого,
Ивана честного,
Гостя дорогого,

Пойдёмте по ряду
(свадебная)

$\text{♩} = 100$

Пай_дём_тя па ря_ду, па баль_шим ба_я_рам, //

Най_дём_тя мы гос_тя, гос_тя_да_ра_го_ва. //

Най_дём_тя мы гос_тя, гос_тя_да_ра_го_ва. //

Гос_тя_да_ра_го_ва, И_ва_на част_но_ва.

Ивана честного.
 А мы у них были,
 Вино-брагу пили,
 А мы у них были,
 Вино-брагу пили.
 У мы у них были,
 Вино-брагу пили,
 Золотая чара
 Со стола не сходила.
 Золотая чара
 С стола не сходила,
 Золотая чара
 С стола не сходила.
 С стола не сходила,
 До нас доходила,
 С стола не сходила,
 До нас доходила.
 С стола не сходила,
 До нас доходила,
 До нас доходила,
 Всех девиц поила.
 До нас доходила,
 Всех девиц поила,
 Нас девиц немножко,
 Спляшем под гармошку.

18. По сеням-то по сенюшкам
 По новым, по решетчатым.
 Там ходила-погуливала
 Молодая боярыня.
 Всё будила-побуживала
 Своего дружка милого.

По сениям-то, по сениюшкам
(свадебная)

$\text{♩} = 160$

Па се_ ням - та, па се_ нюш_ ка_ м(ы),
 Па се_ ня_ м(ы) - та, па се_ нюш_ кам.
 Па на_ вы_ м(ы), па ря_ шот_ час_ тым,
 Па на_ вы_ м(ы), па ря_ шот_ час_ тым.

Ты восстань-ка, мой милый друг,
 У тебя беда сделалась.
 Оторвался вороний конь
 От столба-то от точеного.
 От столба-то от точеного,
 От колечка золоченого.
 Он сорвался во зелен сад,
 Поломал в саду вишенку.
 В саду вишенку садовую,
 Черну-ягоду смородину.
 Не тужи, моя барыня,
 Наживем мы и зелен сад.
 Наживем мы и зелен сад,
 И калину с малиною.
 И калину с малиною,
 Черну-ягоду смородину.
 По сениям-то по сениюшкам
 По новым по решетчатым.

19. А и кто у нас князь молодой,
 А и кто у нас князь молодой?
 Всё Иван-то Васильевич,
 Всё Иван-то Васильевич.
 Он сидит во большом ряду,
 Он сидит во большом ряду.
 В большом ряде на скамеечке,
 В большом ряде на скамеечке.
 В большом ряде на скамеечке,
 В большом ряде на скамеечке.
 Во плисовой телогреечке,
 Во плисовой телогреечке.
 У него лицо белое,

У него лицо белое.
Лицо белое всё румяное,
Лицо белое всё румяное.
Лицо белое всё румяное,
Голова его вся кудрявая.
Ах, кто тебя князь спородил,
Ах, кто тебя князь спородил?
Спородила меня матушка,
Спородила меня родная,
Спородила меня родная.
А кто тебя князь возрастил?
Возрастил-то меня батюшка,
Возрастил-то меня родненький,
Возрастил-то меня родненький.

20. А кто у нас холост,
А кто не женатый,
Ой, люли, люли,
А кто не женатый?
Иванушка холост,
Иванович не женат,
Ой, люли, люли,
Иванович не женат.
Он щегольно ходит,
Манерно шагает,
Ой, люли, люли,
Манерно шагает.
Он по лугам идет,
Луга заливают,
Ой, люли, люли,
Луги зеленый.
Луги зеленеют,
Цветики алеют,
Ой, люли, люли,
Цветики алеют.
Цветики алеют,
Девочки жалеют,
Ой, люли, люли,
Девочки жалеют.

21. Через речку рябину лежала, да лежала,
Никто по рябинке не ходит, да не ходит.
Как Лексей-то князь переходит, переходит,
Да Марью жену переводит, переводит.
Переведши, ее поцелует, поцелует,
За что, про что поцелует, поцелует,
За крепкое обниманье, обниманье,
За сладкое целованье, целованье.

За то его девица любила, да любила,
В высокий терем спать водила, да водила

22. Во горенке во новой, во новой,
Стоит столик дубовый, дубовый,
Ой, люли, дубовый, дубовый,
Ой, люли, дубовый, дубовый.

На нем чайник расписной, расписной,
Полон брагой налитой, налитой,
Ой, люли, налитой, налитой,
Ой, люли, налитой, налитой.

А кто столу хозяин, хозяин?
Иван-сударь именитый хозяин,
Ой, люли, именитый господин, господин,
Ой, люли, именитый господин, господин.

А сударушка-Настасьюшка его,
Не прогневай господина своего,
Ой, люли, господина своего,
Ой, люли, господина своего.

Ко столу всех приглашай, приглашай,
Брагой хмельной угощай, угощай,
Ой, люли, угощай, угощай,
Ой, люли, угощай, угощай.

Брагой хмельной угощу, угощу,
На подносе поднесу, поднесу,
Ой, люли, поднесу, поднесу.

Раздавайся, раздавайся народ,
Во горенке пляска русская идет,
Ой, люли, пляска русская идет.

Величаем хозяина своего,
И Настасьюшку хозяйюшку его,
Ой, люли, и Настасьюшку хозяйюшку его.

КОММЕНТАРИИ

Из всех текстов, записанных Н. П. Кудряшовым, 45 происходят из Ржевского района — д. Климово, которые собиратель фиксировал на протяжении 20 лет (1950—1970 гг.). Много песен в вариантах и представляют собой контаминации из нескольких традиционных песен района. В 1984 г. в д. Климово оставалось только четыре женщины (как показало повторное обследование) из тех 12 информантов,

с которыми работал Н. П. Кудряшов. В репертуаре женщин оказалось значительно больше песен, которые не зафиксировал собиратель. Это объясняется тем, что для хорового коллектива требовались специфические тексты.

Мы помещаем в издании часть песен без вариантов, в основном это свадебные, хороводные и плясовые, несколько лирических песен. Для полноты картины помещаем хороводную «А мы просо сеяли» и плясовую «У маева у двора», записанные от К. Е. Дмитриевой, которых нет в материалах собирателя.

П А С П О Р Т А

Варзони́на Праско́вья Ива́новна, 1905 г. р., 2 класса образования, д. Стешово.

Дмитриева Капитолина Егоровна, 1908 г. р. 2 класса образования, д. Холнино (уроженка д. Климово).

Кудряшова Анастасия Егоровна, 1913 г. р., 5 классов образования, д. Холнино (уроженка д. Климово).

Кудряшов Иван Павлович, 1908 г. р., 5 классов образования, с. Тихвинское (уроженка д. Климово).

Лебедева Анастасия Михайловна, 1905 г. р., 5 классов образования, д. Климово.

Лебедева Анна Михайловна, 1907 г. р., 5 классов образования, д. Климово.

Миронова Пелагея Дмитриевна, 1906 г. р., д. Климово, учитель начальных классов.

Морозова Евдокия Михайловна, 1922 г. р., д. Климово.

Петухова Наталья Михайловна, 1902 г. р., 4 класса образования, д. Климово.

Проворова Анна Васильевна, 1910 г. р., 2 класса образования, д. Климово.

Руслякова Мария Ивановна, 1902 г. р., 4 класса образования, д. Климово.

Суллева Анна Андреевна, 1902 г. р., 2 класса образования, д. Бойково.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ТВЕРСКОЙ СВАДЬБЫ

А. А. Петров

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА ТОРОПЕЦКОГО КРАЯ¹

Свадебный обряд — один из наиболее описанных комплексов традиционной культуры России начиная с периода Древней Руси и XVIII в.² по настоящее время³. Его исследование нередко проводится на изучении регионального материала⁴. Свадебные обычаи Тверского края собиратели начали фиксировать в XIX в., однако это были несистемные записи. Систематическая же работа по сбору свадебных песен и обычаев началась в XX в. Наиболее обследованными оказались Старицкий, Ржевский, Торжокский районы Тверской области, а также Кашинский, Калязинский, Зубцовский, Осташковский и ряд других. Всё это говорит не только об интересе фольклористов, краеведов, этнографов и диалектологов⁵ к свадебному обряду региона, но и о достаточной исследованности свадебной поэзии Тверской земли, хотя обобщающего труда по этой теме до сих пор и нет⁶.

¹ Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-3162.2014.6).

² Лирика русской свадьбы / Ред. В. Е. Гусев. Л.: Наука, 1973. С. 241.

³ См., например: *Агреева-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными: Ч. 1: Описание всех обрядов со дня сватовства и до дня свадьбы / записаны от И. А. Федосовой, крестьянки Олонечкой губернии и от нищей Ульяны из Петрозаводска. М.: Типограф. А. А. Левенсон, 1887. 46 с.; *Остроумов Н. И.* Свадебные обычаи в Древней Руси: Историко-этнографический очерк. Тула: Типограф. И. Д. Фортунатова, 1905. 68 с.; *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.; *Кузнецова В. П.* Причитания в северо-русском свадебном обряде / Ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1993. 180 с.; *Белова А. В.* Процедура замужества русской провинциальной дворянки конца XVIII — первой половины XIX века // Женщины. История. Общество: Сб. науч. тр. Вып. 1. Тверь: ТвГУ, 1999. С. 23—33; *Обрядовая поэзия: Кн. 3. Причитания* / Сост. Ю. Г. Круглов. М.: Русская книга, 2000. 512 с.; *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.; *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья: (конец XIX — начало XX в.) / Ред. К. В. Чистов. Петрозаводск: Изд. Петрозаводского гос. ун-та, 2001. 328 с.; *Власова Г. И.* Сценарная модель современной свадьбы // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 15—28; *Шевченко Е. А.* Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2010. 288 с.

⁴ *Енговатова М. А.* Венок смоленской невесты // Живая старина. 2008. № 4. С. 29—32; *Фечина К. М.* Свадебный обряд Самарской области // Народное творчество. 2008. № 4 (67). С. 42—44; *Пашина О. А.* Ночная свадьба на Смоленщине // Живая старина. 2011. № 2. С. 23—25; Свадебный фольклор Вязниковского района Владимирской области. Предисл., публ. и примеч. Н. А. Джалиловой // Живая старина. 2011. № 2. С. 33—35.

⁵ *Новикова Л. Н.* Лексика свадебного обряда в тверских говорах // Русская речь. 2010. № 1. С. 91—94. Ср. *Чугаев Д. Б.* Лексика русских предсвадебных обрядов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.; *Финько О. С.* Лексика свадебного обряда Кубани (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской Краснодарского края): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 18 с.; *Габбасова А. Р.* Репрезентация концепта «свадьба» в русской и башкирской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 22 с.

⁶ *Сокальский П.* Свадебные обычаи в Ржевском уезде // Этнографический сборник. 1862. Вып. 5. С. 59—63; *Гусев И.* Свадьба в Тверском уезде // Тверской вестник. 1879. 29 апреля. № 21. С. 11—14; *Постников П.* Из сборника сва-

Одно из первых упоминаний свадебного обряда, относящегося к Торопецкой земле, содержится в синодальном списке Новгородской первой летописи: «В лѣто 6747. Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотъскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую»¹. Описываемые события относятся к 1239 г., когда в городе Торопце венчался князь Александр Ярославич Невский. Каша, упоминаемая в отрывке, является одним из атрибутов свадебного обряда Древней Руси². Таким образом, это одно из ранних сообщений о свадебном обряде Тверской земли по современному административно-территориальному делению.

Описание торопецкой свадьбы находим также в книге XVIII в. священника Петра Иродионова «Исторические, географические и политические известия до города Торопца и его округа касающиеся...», где он пишет следующее: «При начатии свадеб, взлазя на высокие места, пели в недавних годах песни, призывая на помощь Ладу, Леню, Лелю, Полелю и прочих. К венчанию водили невесту странным образом, в большой бобровой шапке, треухом называемом, и в красных сапогах»³. Мы видим, что в XVIII в. в свадебных песнях сохраняется упоминание языческих богов.

Помимо упоминаний в книге Иродионова, сведения о торопецком свадебном обряде в XVIII в. содержатся в сборнике М. Д. Чулкова «Абевега русских

дебных песен, записанных в Тверской губернии / Собрал П. Постников. 8 апреля 1879 г. // Тверской вестник. 1879. 29 апреля. № 21. С. 14–16; Новоселов Н. Свадьба в Калязинском уезде // Тверской вестник. 1880. № 15–17; Панютина В. Крестьянская свадьба в Калязинском уезде // Дело. 1881. Февраль. № 2. С. 246–282; Воскресенский П. Деревенская свадьба в Зубцовском уезде // Тверской вестник. 1881. № 32; Ушаков А. Д. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии: Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни / Собрал свящ. Ал. Ушаков. Старица: Типограф. И. П. Крылова, 1903. 70 с. (См. переизд.: История церкви Георгия Победоносца села Юрьевское Старицкого района Тверской области. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии / Сост. А. В. Шитков, Л. М. Концедайло, Д. Курдюков. Старица: Старицкая типография, 2007. 198 с.). Рец.: Шаров Е. Живой родник поэзии // Смена (Калинин). 1968. 31 августа. № 105 (2695). С. 3; См. также Петров А. А. К истории собрания и изучения фольклора Старицкой земли // Лажечников и Тверской край: Статьи и материалы. Вып. IV / Ред. А. Ю. Сорочан. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2012. С. 71; <Сообщение А. Г. Первухина> // Журнал 98 заседания ТУАК. 1904. 20 декабря. С. 9–16; Плетнев М. А. К свадебным обычаям в Тверской губернии // Тверские губернские ведомости. 1904. № 1–2; Р-в Н. Свадебные обычаи в Осташковском уезде во второй половине девятнадцатого века // Тверская старина. 1913. № 2; <Крестников И. Г. Выдача замуж девицы в с. Городне Тверского уезда в начале XX века> // Журнал 116 заседания ТУАК. 1913. 17 марта. С. 65–80; Гришкова Н. П. Старая и новая свадьба в Тверской губернии: Из материалов Верхне-Волжской экспедиции РАИМК // Ржевский край: Сб. Ржевского общества краеведения. № 1. Ржев: Изд. Ржевского общества краеведов, 1926. С. 98–142; Ромкина А. «Горько!» // Калининская правда. 1972. 27 апреля. № 99. С. 4; Аввакумова М. Праздник без праздника // Смена (Калинин). 1973. 15 сентября. № 111 (3441). С. 4; Александрова Н. 50 лет назад // Калининская правда. 19 сентября. № 220. С. 4; Народные старинные песни Калининской области, собранные в 1944 г. А. П. Зеленовой / Вступ. заметка и публ. А. А. Власовой и С. Н. Лебедевой // В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается; сост. Е. М. Белецкая, Л. М. Концедайло, Е. Г. Марина, М. В. Строганов; подгот. текстов А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 79–97; Гришкова Н. П. Свадьба в Ржевском уезде. 1924 год // Быль нового Ржева. 2010. 27 января. № 4 (881). С. 11. Также см.: Кожухова Е. Из экспедиции // Москва. 1971 № 2. С. 194–196; Фольклор Тверской губернии. Сб. Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919–1926 гг. / Ред. А. Ф. Белоусов. СПб.: Наука, 2003. 648 с.; Хуторская Е. О чем поведала баба Дуня // Народное творчество. 2000. № 5. С. 12–15; Ишимова А. И. Каникулы 1844 г. / Публ. Р. Матюнина // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. 2001. № 4. С. 91; Михайлова И. А., Петров А. А. Старинные свадебные обычаи в Бежецком крае (из истории тверской фольклористики: фонд А. Г. Кирсанова) // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888–1944): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. А. А. Петров. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 98–115 (переизд.: Бежецкий край: Традиционная культура Бежецкого края: историко-краеведческий альманах. 2014. № 11. С. 8–30).

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 77, 289.

² Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н. И. Толстой. Т. II. М.: Международные отношения, 1999. С. 483–488; Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н. И. Толстой. Т. IV. М.: Международные отношения, 2009. С. 610–612; Гура А. В. Свадебная каша у славян // Живая старина. 2008. № 4 (60). С. 46–48.

³ Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округа касающиеся. Собраны из российских летописей и достоверных свидетельств того же города Псковской церкви священником Петром Иродионовым. Торопец: Учеб.-информ. компьютерный центр, 2001. С. 8.

суеверий...», где он приводит корильную песню невесте: «Описав свадебные обряды многих народов, обитающих в России, нахожу за нужное приметить, что нигде невеста, входя в дом жениха, не бывает столь поносима, кроме города Торопца. Там жених и все его домашние нарочно призывают для того девок, которые при входе ее от венца в дом жениха, стоя на крыльце, поют между прочим:

Нам чиль бы Василисушка
 Во трех шубах, ажно она беременна,
 Ты несешь ли люлечку,
 Ты ведешь ли нянечку.
 Олянишь-ко ты назад,
 Полюбовники стоят,
 Да по грамотке держат.

Это, мне кажется, ни увеселения, ни чести ни жениху, ни невесте не приносит. А вообразя тогдашнюю перемену состояния девицы, а при том и умной, ибо там и знатное купечество это употребляет, то, конечно, представится, что этот нигде не употребляемый обычай много походит на сумасбродство. И если он будет оставлен, то, конечно, убытка из того в свадебных обрядах никакого не последует»¹.

Как видим, Чулков при сопоставлении свадебного обряда г. Торопца с локальными особенностями обряда у других народностей выделяет его из общего ряда. Хотя на свадьбе обычно пелись хвалебные песни жениху и невесте, но в данном же случае поется корильная песня, что могло быть в том случае, если невеста была из другой деревни². По замечанию исследователя, эта песня исполнялась и в купеческих домах, из чего следует, что в данной среде придерживались традиционных крестьянских обычаев.

С чем связан такой обычай исполнения корильной песни невесте? Вероятно с тем, что у торопчан был распространен обычай «дивить». Так, М. И. Семевский сообщает, что «после сватовства проходит до свадьбы недели две; каждый вечер и целые ночи просиживает жених у невесты, приносит ей подарки, получает поцелуи, а как большей частью женятся торопчане на тех, с кем дивили чуть не с 11-тилетнего возраста, то вообще обращение его с невестой совершенно свободное»³. Схожий обычай мы наблюдаем в Торжокском уезде Тверской губернии, где было важно иметь новоторжанкам *предмет*, т. е. ухажера⁴.

Следующее описание свадебного обряда края связано с собранием песен П. В. Киреевского, в котором напечатаны записи, сделанные Ф. Базилевским. Он привел не только тексты песен, но и сделал этнографический комментарий к ним, включающий свадебные приговоры, заговоры⁵. Описание начинается с момента сватовства, которое здесь называют *рукобитье*, когда «бьют рука в руку

¹ Чулков М. Д. Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М.: Амрита-Русь, 2008. С. 36.

² Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н. И. Толстой. Т. IV. М.: Международные отношения, 2009. С. 542–543.

³ Семевский М. И. Торопец: Уездный город Псковской губернии. 1016–1864 гг. (1864 г.) Тверь: Тверское обл. кн.-журн. изд., 1999. С. 89.

⁴ Р-ов Н. Очерк Торжка // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь: Типограф. губернского правления, 1865. С. 120–121.

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. М.: Общество любителей российской словесности при императорском московском университете, 1911. С. 48–54.

и крестообразно целуются»¹, затем рассказывается о *вечерине* у жениха: «Перед *вечериною* дружка (предводитель свадьбы) водит жениха в баню», где жениху поют:

Ой, рано, по заре ли, ранешенько,
Что по светлу и младу месяцу,
Скрипят ворота дощатые,
Бряцат колечки серебряны...²

Далее в самой бане совершается ряд магических действий, когда «дружка берет кружку пива, творит молитву и поддает пивом на каменку; после этого читает всякого рода *урóки*, или заклинания от порчи. Возвратившись в избу, молится Богу, потом берет сковороду и топор, кладет в нее три камня и, обходя два раза кругом, читает символ веры, а в третий, обходя, говорит: “Аж ты ведьма, аж ты веретевница, аж ты заключевница, тогда ж ты мою свадьбу возьмешь, когда в Русалим град сходишь и Господню гробницу откроешь, самого Господа в глаза ввидишь (увидишь), и тебе в Русалиме (Иерусалиме) граде не бывать и Господней гробницы не видать и потому дзелу (делу) у вас не бываць (бывать). И лежиць (лежит) на мыре, на киане (море, океане), на острове на Буяне бел-латырь камень, и на том камне когда вы побудзите, и тогда вы мою свадьбу возьмице”»³. Затем дружка заходит в избу, где «уже все собрание родных и знакомых» со словами:

Др.<ужка>. Есть ли в избе отец ронной (отец родной) и мать ронная?

Присутствующие. Есь.

Др.<ужка>. Батюшка зачезенный (зачавший меня) и матушка пораженная (породившая меня)! Вы умели цаду (чадо) милого породити, воспоити и соскормити, вы умеите цаду милого в Божию черковь отпустити, злат венец принять, свою суженую в уста почеловать. Отпустите, благословите князя вонобрачного (новобрачного) и княгиню вонобрачную в нову гридню ввести, за дубовый стол завести, за бранные скацерци, за сахарные кушанья, за сладкие напитки сесть, под Спасовым образом стояць (стоять), яровым свецам тапеться (теплиться).

Присут.<ствующие>. Святые отчы благословляюц!⁴

Как мы видим, перед нами дословно записанные свадебные переговоры с попыткой передать диалектные особенности края. Далее дружка с подобными словами обращается к крестному отцу и матери, гостям. Затем он «берет образ со свечою и идет к жениху, держа в левой руке образ со свечкою, а в правой плеть. Подошедши к дверям, читает символ веры, крестит кнутом порог и заставляет жениха правой ногой переступить в другую избу», где сажает его за стол на шубу. Потом дружка обращается к *тысяцкому*, т. е. крестному отцу, гостям, женщинам за тем, чтобы те спели песню. Однако они отказываются, и дружка «...кладет два пирожка на голову и поет. В это время одна из женщин, взлезши на печку, поет, повторяя его слова через вьюшку и открывши слуховое окно» — это делается для того, чтобы колдуны не обращали свадьбы в волков⁵. В этот вечер поются песни «Баслов (благослови), Божа, Божунька!», «Соколы ль вы, соколы! / Куль далеце летали?»

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же. С. 49–50.

Вечер заканчивается ужином. Невеста также устраивает свою *вечерину*. Перед баней ей поют «Ко двору княгиня гуляла, / Верхи со березы ломала...» Когда же она возвращалась из бани, исполняют песню «Растопися мылинка! / Разгорися каминка!..» Когда после бани сажают за стол невесту, поют: «Ко высóкому ли ко терему / Что не ласточки вкруг слетались...»¹

На другой день жених едет за невестой. Его одевают «с песнями, вводят в избу и сажают за стол. Отец с матерью вносят по разостланной от дверей холстине на большом блюде пирог, в который втыкают серебряные деньги»². Далее жених приезжает к невесте, но перед ним запирают ворота, в это время идут переговоры друзей, в результате которых они меняются хлебами. Жениха подводят к невесте, а «*подкняжий* женихов (шафер), наступивши ей на правую ногу, поднимает платок, завешивающий ее лицо, и жених ее целует». Затем садятся за стол по старшинству. Жениху и невесте поют «Неповинная река / Белым сахаром текла»³.

Следующий этап свадебного обряда — это застолье, во время которого молодые ничего не едят. В конце стряпуха приносит пирог, обставляет пирог ложками и наливает на него щи. Начинаются переговоры родителей и друзья, который «вынимает из-за пазухи чашку, стакан меду, клоч шерсти, гребень и горсть жита и, взявши на руку меду, дает с пальца прежде жениху, потом невесте; после них ест сам и потчует всех гостей». Гостям раздается по пирожку и горсти орехов. В это время поют «Наша невеста не спала, / Не спала она, не дремала...», когда же невеста одаривает родню жениха, поют: «Уж как новая моя горенка, / Во сыром бору она валена...», «Вы играйте, девушки; / Погуляйте, красные...», «Церись речушку деревцо лежит, / По тому деревцу свет княгиня шла...», «Через бор по камению / Серебрян руцей течет...»⁴. Потом дружка невесты накрывает ее платком и отводит одевать к венцу, в этот момент поют: «Подкосили мядыню во лузях, лузях...»

Когда невесту оденут, то ее встречают отец и мать в вывороченных шубах. Отец берет образ со свечкой, мать — хлеб с солью, в это время «невеста с женихом становятся против стола на разостланную холстину и падают ниц». Родители благословляют. Затем отправляются к венцу, в это время жениху и невесте поют: «Благословлялся светел месяц / Около ясного солнушка...». Перед поездкой в церковь дружка жениха выходит на улицу, где «обходит с молитвою вокруг лошадей всех поезжан и при каждом разе чертит на правой ноге у жениховой лошади на копыте крест, а сваха обсыпает их хмелем, житом и шерстью». При этом поют: «Ох, вы сваты, бояры! / Тихи ваши наряды...»⁵

Таким образом, мы видим довольно подробное описание свадебного обряда Торопецкого уезда первой трети XIX в. В ходе обряда совершается ряд магических действий, направленных на защиту жениха и невесты от сглаза, пожелание им плодородия и богатства. Причем дружка жениха должен быть не только очень разговорчив, что соответствует мировой практике, например, в Германии дружку называют — *Schmuser* — «болтун»⁶, но и должен знать ряд сакральных текстов — заговоров. В свадебных переговорах дружки с родителями невесты и жениха, а также

¹ Там же. С. 50–51.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 51–52.

⁴ Там же. С. 52–53.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ *Schischkina-Fisher E. M. Deutsche Hochzeit*. М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. S. 35.

с родственниками и гостями общины мы наблюдаем реликты древнего общинного строя, что отразилось и в обычае перегораживать дорогу (закрывать ворота)¹. Ряд текстов свадебных песен отражает сам свадебный процесс и его этапы, например, поход в баню (см. «Растопися мылинка! / Разгорися каминка!..»).

Свадьба г. Торопца также описывается в книге А. Терещенко «Быт русского народа» (1848 г.) в главе «Свадьба в Псковской губернии»². Сообщается, что в роли свата «особенно в городе» нередко выступал сам священник³. При согласии родителей невесты проходит *рукобитье* (помолвка), при котором священник исполняет «Достойно есть», после чего начинается *попойка*, во время которой гостей и родственников угощают *богомольщиною* — сухими плодами (чернослив, вишни, яблоки и т. д.). После того как священник выйдет из дома, подружки невесты поют «Услышь, услышь, великий князь, Андрей Григорьевич» или сама невеста причитает «Воля моя и нега моя»⁴. Перед сном девушки, присутствовавшие на помолвке, кладут под головы богомольщину — гадают на женихов⁵. На следующий день (или через три дня) проходит *свиданье*, т. е. смотрины, когда жених приходит вечером к невесте вместе со своим другом — *дружкой смотрин*⁶. В этот день поют «Обручалась боярыня Елисавет Петровна», «Подружки мои, ластушки», «Не близко, не далеко», «Что у нас свет-княгиня, боярыня», «Из-за гор ли, гор высоких», «Вьюн на воде увивается», «Не буйные ветры понавеели», «Услышь, услышь, великий князь», «На горе росла малинька»⁷. За два дня до свадьбы привозят приданое в дом жениха, в этот день и невеста и ее подружки поют те же песни, что и на рукобитье⁸. Перед днем свадьбы (обычно воскресенье) состоится баня. Этот вечер у жениха называется *бояры*, у невесты — *девичник*, на котором в том числе поют «Вспомни, мой любезный, в дальней стороне обо мне»⁹. Затем настает день свадьбы, в который поют «На что же ты, друженька, в дружки ставился», «Тузу, тузу, любишь ли козу?», «Приехали вы с чистова»¹⁰, «Скажите великому князю»¹¹. Затем приезжает священник к жениху и *делает отпуск*, т. е. благословляет жениха ехать к венцу¹². После венчания невесту *повивают*, т. е. надевают кокошник и повязывают платком, затем отправляются в дом молодого, где всех угощают кофе, затем подают обед, ужин, десертный стол. После брачной ночи стряпуху посылают к родителям невесты с двумя графинами водки или наливки; если же графины неполные, то «обнаруживается поношение дому родителей»¹³. Затем, первые три дня, у молодого устраиваются обеды для родственников и знакомых, следующие три дня обеды дают родители молодой¹⁴.

Перед нами свадебный обряд первой трети XIX в., но он значительно отличается от записей Ф. Базилевского из собрания Киреевского. Во-первых, в данном

¹ См.: Довнар-Запольский М. В. Первобытные формы брака. М.: КРАСАНД, 2011. 168 с.

² Терещенко А. Быт русского народа. СПб.: Типограф. военно-учебных заведений, 1848. Ч. II. С. 143–165.

³ Там же. С. 143.

⁴ Там же. С. 144–146.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 148–149.

⁷ Там же. С. 150–158.

⁸ Там же. С. 158–159.

⁹ Там же. С. 159–161.

¹⁰ Возможно, следует писать «с Чистого», так как это одно из сел Торопецкого района. — А. П.

¹¹ Там же. С. 161.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Там же. С. 164.

¹⁴ Там же. С. 165.

очерке большая роль отводится священнику. Во-вторых, гостей постоянно угощают кофе и чаем. В-третьих, на столах обязательно должна присутствовать закуска для гостей в количестве 20, 40, 60 тарелок. Всё это свидетельствует о том, что перед нами свадебный обряд провинциального города, который, вероятно, проводится в купеческой среде, так как связан с большими финансовыми затратами как на угощение гостей, так и на их одаривание, в том числе священника и его причета. Таким образом, локальные различия в обряде связаны с экономическим положением жениха и невесты, а также социальным составом участников обряда.

В очерке историка М. И. Семевского «Торопец: Уездный город Псковской губернии. 1016 — 1864 гг.» (1864) представлен значительный песенный репертуар свадебного обряда Торопецкого уезда¹, в частности, приводятся 56 текстов свадебных песен (с 91 по 147 номер) — это песни, которые поются при сватовстве, девичнике, бане, при отправлении к венцу и венчании, свадебном дне, причитания *баярок* (подружек невесты), величальные и корильные песни². В отличие от публикации Киреевского, перед нами опять, как и у Терещенко, описание именно провинциальной городской свадьбы. Собиратель указывает на различия в обряде в зависимости от прихода — Казанского или Пятницкого³. В данном случае сватом опять выступает священник, устраивается богомольщина. За два дня до свадьбы, обычно в пятницу, в дом жениха отвозят приданое. В субботу в храме заказывается молебен, после которого устраивается девичник и «попойка» у жениха, на которые также приглашается священник. Среди угощения для гостей опять подается кофе⁴. Таким образом, перед нами описание свадебного обряда одного локуса, описание которого свидетельствует о сохранении в определенной социальной среде обычаев, бытующих на протяжении 30—40 лет.

В XX в. свадебные песни с нотными записями представлены в сборнике И. И. Земцовского «Торопецкие песни: Песни родины М. Мусоргского» (1967), куда вошли 37 текстов, собранных во время двух фольклорных экспедиций 1964—1965 гг.⁵. Это записи из населенных пунктов: деревень Красная Мельница,

¹ *Семевский М. И.* Торопец: Уездный город Псковской губернии. 1016—1864 гг. (1864 г.) Тверь: Тверское обл. кн.-журн. изд., 1999. 158 с. (Первое издание: СПб.: 1864). См. также: *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII — нач. XX века. Л.: Искусство, 1998. С. 68—71; *Орехов Г.* Свадебные обряды, обычаи и песни Холмского уезда Псковской губернии. Петроград, 1914. Оттиск из Живой старины 1914 г. Рец.: *К. И.* <Константин Иеропольский> Там же. С. 176—177.

² «Две реки сотекались», «Я не знала, не ведала», «То не буйны ветры понавевали», «Разгорелась калина у лузи», «Степанушка кролик», «Плакала Ксения», «Вдоль по широкой, вдоль по улице», «Как в одном ли лужке», «Подойдите люди, люди добрые», «Аграфены Богдановны всю ноченьку не спалось», «Мы встанемте, сестрицы», «Растопилася банюшка», «На дворе бела веялица», «У невесты во дворе», «Вьюн на воде, вьюн на воде», «Гуляла княгиня-баярыня», «Колокол брячит», «В бору, бору, при б рку», «Приданое на дворе, на дворе», «Ты скажи-тка нам младый князь, Сергей Алексеевич», «Хвалилася Сашенька», «На дворе вечерет», «Не видать месяца из-за облака», «Как во месяце звезды частые», «Ай, воин, воин Николаюшка», «Уехали три мили», «Свекор, говорит», «Благослови Боже-Боженька», «Выезжала Матвейюшка», «Подсек березу при пути», «Хвала ему, Сергею Михайловичу», «Хороша наша Анна», «Просватаница, проговорница», «Наша невеста», «Софьюшка, у тебя ноги короткие», «Слышишь ли, Сафрон-господин», «Подари нас умнинький», «От сахарного древа», «Вося идет грозная туча», «Батюшка поравенный», «Бояры-баяровы», «Друженька хорошенький» (два варианта. — *А. И.*), «Ой, сватьяшка, бела», «Гости мои, гости мои, дорогие мои», «Хочет конь на вольню», «Ай, сват свата просит», «На свату рубашка», «Темная ноченька не видна», «Грядой береза ст ила», «Заржали коники ли броду?», «Чи не ластушки щebetали», «Куда твой, Настасьюшка, глазки глядели», «Погуляйте, девушки», «Дурни сваты, дурни», «Приехал на дивички», «На веселье-ка зазвали». *Семевский М. И.* Торопец: Уездный город Псковской губернии... С. 91—115.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 88—91.

⁵ *Земцовский И. И.* Торопецкие песни: Песни родины М. Мусоргского. Л.: Музыка, 1967. 140 с. Это песни: «И баслови, боже, боженька», «И босла, босла, боженька», «У новом городе потих говорят», «Не буйные ветерки», «Э не буйные ветры спонавевали», «Белая рыбынька», «Залете я молодец на чужую сторонушку», «Гуля, гуля ты Сашенька», «Как у нас было при вечере», «Как у нашей новой горенке», «Высоко на терему сажу», «Выезжал князь молодой», «Ле садик у зеленого», «Ты побывал, селезень», «На морюшке на синеньком», «Под той сосной», «Ра-

Острова, Спичино, Крест, Некрашово, Мартисово, Шешурино, Воробьи, Волок, г. Торопца; средний возраст исполнителей — от 42 до 96 лет¹. Таким образом, в данном издании охвачен репертуар от юго-запада до северо-востока района.

Изаилий Иосифович во введении к этой книге пишет: «Дополнительно сообщаем, что в статье А. М. Смирнова “О фольклоре Калининской области” <...> названо рукописное нотное собрание торопецких свадебных песен некоего В. А. Светлова. Однако эти записи в архивах обнаружить пока не удалось»². Профессор Калининского педагогического института А. М. Смирнов-Кутаческий³, описывая в статье «О фольклоре Калининской области» (1945) степень фольклорной изученности региона, указывал, что «среди печатных и рукописных материалов по б.<ывшей> Тверской губернии имеется значительное количество записей свадебных обрядов и песен, их сопровождающих. <...> Записи произведены в разное время в разных местах края. Некоторые материалы по своей содержательности представляют высокую ценность. Здесь следует упомянуть о записи т.<оварища> В. А. Светлова свадебного обряда (с нотами) Великолукского и Торопецкого уездов, принадлежавших Калининской области, о нотных записях свадебных песен А. П. Зеленевой...»⁴.

Рукопись А. П. Зеленевой была обнаружена в 2010 г. в Научной библиотеке ТвГУ и опубликована без нотного сопровождения⁵, а рукопись В. А. Светлова «Народная русская свадьба в Великолукском и Торопецком районах (Калининской области)» была обнаружена нами в Государственном архиве Тверской области в личном фонде А. М. Смирнова-Кутаческого⁶.

Рукопись состоит из 14 листов (с оборотами) машинописного текста. На первом листе стоит название: «Народная русская свадьба в Великолукском и Торопецком районах (Калининской области)». Это сценарий свадьбы, рассчитанный на постановку, о чем свидетельствует указание о том, что действие происходит «на сцене в доме невесты»⁷. В спектакль предполагалось включить и вокальные номера, и в рукописи указаны номера песен, которые должны были исполняться по ходу представления, однако в приложении ни нот, ни текстов нет.

На основании этих данных можно предположить, что перед нами сценарий свадьбы, который, вероятно, был составлен для Торопецкого народного театра, организованного еще в 1903 г.⁸, а в основу этого сценария была положена запись

но-рано зорюшка загоралася», «Катилося солнышко по залесовью», «О как пошло солнышко», «Из-за лесу, лесу», «Вился вихор», «При вечере, вечере», «И ох и мы присядемте», «Мы подыдемте, сестрицы», «Ох мои сестрицы», «И ти жалкие мои сестрицы», «И подойдите вы», «Сядемте под косящее окошечко», «Был сокол наш», «Был воин-воён», «Через морюшко», «Э хорошенький наш Иванушка», «Кто ж у нас белая», «Березничек листоватый», «У нас Володенька охотник». Там же. С. 25–59.

¹ Там же. С. 136–137.

² *Земцовский И. И.* Торопецкие песни... С. 115.

³ Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919–1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 109–162; Лица филологов: Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919–1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 121–168; А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. 320 с.

⁴ *Смирнов А. М.* О фольклоре Калининской области // Ученые записки Калининского пед. ин-та. Т. X. Вып. I. Калинин, 1945. С. 44.

⁵ Народные старинные песни Калининской области, собранные в 1944 г. А. П. Зеленевой / Вступ. заметка и публ. А. А. Власовой и С. Н. Лебедевой // В памяти народной... С. 79–97.

⁶ ГАТО. Ф. 2911. Оп. 1. Ед. хр. № 77. См.: Народная русская свадьба в Великолукском и Торопецком районах Калининской области. Вступ. статья и публ. А. А. Петрова // Труды ВИЭМ: Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков / Ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь: СФК-офис, 2012. С. 193–214.

⁷ ГАТО. Ф. 2911. Оп. 1. Ед. хр. № 77. Л. 1.

⁸ Торопец / Сост. Б. Лапченко. М.: Московский рабочий, 1974. С. 109–110; Тверская область: Энциклопедический

реального свадебного обряда. Создание сценарного текста следует датировать между 1935 и 1944 гг. Для такой датировки имеются следующие основания. Торопецкий район был включен в состав Калининской области в 1935 г., при этом в 1935–1937 гг. на территории области существовал и Великолукский округ, а в 1944–1957 гг. была образована Великолукская область, в которую и был переведен Торопецкий район¹.

Таким образом, данная рукопись представляет интерес и для краеведов, и для фольклористов, так как содержит дословные записи свадебных переговоров и причитаний, отражающих состояние свадебной традиции в 1930–1940-е гг. на западе Калининской (ныне Тверской) области. Например:

Д<ружко> н<евесты>.

Батюшка зачижденный, матушка порожденная,
Батюшка крестный, матушка крестная,
Братья, сестры, тетки, дяди, все гости званые,
От Бога созданы, благословите милого дитятка
На истинный путь пойти, в Божий храм войти,
Злат венец принять,
Животворящий крест целовать —
Благословите.

Все. Бог благословит².

Как видим, эти переговоры совпадают с текстами второй трети XIX в., что свидетельствует об устойчивости традиционных языковых формул в фольклорных обрядах³.

В сценарном тексте приводятся уникальные этнографические комментарии, например, сообщается следующее:

Д<ружко> ж<ениха>. Ну, сваты, пошевеливайся, пока место есть.

Все садятся, невеста не покрыта.

Хор поет № 32 (женеху) «Что хорош», жених дает деньги.

Матрена. Ну, что ж гости так растрепались? Анютка, пригладь их маслицом.

Анютка берет блюдечко с маслом, обходит всех и смазывает волосы маслом.

Гости наделяют ее, другая причесывает, снова наделяют⁴.

Эти данные позволяют прокомментировать свадебные песни, в которых поется:

У кого у нас кудрява голова,
У кого у нас примасленная?
Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.
У Ивана-то кудрява голова,
У Сергеича примасленная.
Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая⁵.

справочник / Сост. М. А. Ильин. Тверь: Тверское кн.-журн. обл. изд., 1994. С. 288.

¹ Тверская область... С. 11.

² ГАТО. Ф. 2911. Оп. 1. Ед. хр. № 77. Л. 8 об.

³ Хайнурова Л. А. Традиционные формулы в фольклорном тексте (на материале русских и башкирских сказок): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 24 с.

⁴ ГАТО. Ф. 2911. Оп. 1. Ед. хр. № 77. Л. 11.

⁵ Зап. Л. М. Концедайло от В. Н. Смирновой, 75 л., Е. А. Смирновой, с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Л. 6. Архив собирателя.

Следует предположить, что в основе образа лирического героя, у которого голова *примасленная*, лежит реальный факт смазывания волос свадебных гостей, т. е. мы видим отображение в тексте песни этнографических особенностей обряда.

Сведения по свадебному обряду торопецкой земли содержатся также в архиве кафедры истории русской литературы и кабинета диалектологии филологического факультета ТвГУ. Так как из этих материалов публиковались только отдельные тексты в незначительном объеме, например, свадебная лирическая песня из д. Наговье (1993)¹, то мы более подробно остановимся на описании этих данных.

В 1983 г. в отчете С. А. Балашевич и С. А. Мукосеевой по диалектологической практике приводятся следующие данные по структуре торопецкой свадьбы и ее чинам: *девишник* — «когда собирались девушки-подруги невесты прощаться со своей подругой»²; *дружка* — свидетель: «Дружки, сейчас зовут “свидетели”, а раньше “дружки”, со стороны жаняха»³; *подбоярка* — свидетель со стороны невесты: «Подбоярка — девушка, которая сидит с невестой»⁴.

Также в отчете приводятся записи разговорной речи, в том числе и рассказ-воспоминание о свадебном обряде: «Изредка, что сами жанились. Он работал где-нибудь в лесу, а работал с ним батька, и понравился отцу, с отцом сошлись, договорились. Отец и говорит: “Вот и жених твой...” Сватали, договаривались, когда будет свадьба, на сколько народу... А когда сватали <нрзбр.> пели, а на свадьбе пели, гуляли 3 дня, на свадьбе... Поезда поехали — запрягают лошадей: 3, 4, 5, 12 <нрзбр.> всяким листьям, лентами. Поезда приезжают к невесте. А у невесты подбоярки — невестины подруги назывались “подбоярками”... Подкняжий — друг жениха, самый главный... Крестный батька — поезду руководил. Он “дружком” звался. Он ехал всегда вперед на лошади. Ворота закладывают — этот дружок расплачивается с ним, кто закладывает ворота. А бабы, бабы выходили за ворота и пели песни “Венчаются молодые в церкви...” ...в песнях “князь и княгиня”, когда играем песни, а так — “жених и невеста”. Женихова поезда подъезжала к невесте. Заходят в избу. Крестный отец заносит денег сколько-нибудь, а у невесты <нрзбр.>. У невесты девочки стоят вокруг стола. Они в ответ подают тоже: “Наша княгиня благословляет вашего молодого князя”. Выкупают место, где стоят девочки и невеста. Место выкупают по договоренности. Он бросает за девочек шапку. Он должен попасть на скамью...”⁵.

Перед нами воспоминания о свадьбах, справлявшихся в 1920—40-х гг. В приведенном рассказе локальной особенностью обряда является упоминание о выкупе места шапкой. Аналогичный обычай зафиксирован в 1987 г. в д. Рокотово в работе по диалектологии А. А. Цветковой. Однако в отчете не сказано, от кого была записана эта информация. Например, сообщается, что «место для жениха рядом с невестой выкупалось брошенной за стол к невесте шапкой. Если девушки поймали шапку, то шапку надо выкупать конфетами, деньгами и выиграть в споре. Если же девушки не поймали брошенную шапку, то место рядом с невестой свободно;

¹ Хрестоматия по устному народному творчеству / Сост. О. Е. Лебедева. Тверь: ТвГУ, 1997. С. 41—42, 138.

² Материалы диалектологической практики 1983 г. Отчет С. А. Балашевич, С. А. Мукосеевой. Л. 17 — 17 об. Зап. от Ф. Н. Богдановой, 1924 г. р., д. Наговье Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл. Л. 17.

³ Там же. Л. 17 об.

⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵ Материалы диалектологической практики 1983 г. Отчет С. А. Балашевич, С. А. Мукосеевой. Зап. от А. М. Тумановой, 1902 г. р., д. Наговье Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл. Так как в записи сохранены особенности устной речи, то мы приводим адаптированный текст. Л. 20 об. — Л. 21 об.

начиналась веселая свадьба с угощениями за столом, с песнями деревенских женщин для жениха, невесты и для других членов свадьбы за плату»¹. Причем если Наговье — это северо-восток, то Рокотово — это западная часть района, следовательно, этот обычай занимать/выкупать место рядом с невестой головным убором был распространен на всей территории Торопецкого края.

Также в «Дневнике учебной практики» А. А. Цветковой содержится довольно подробное описание свадебного обряда. Так как эти материалы не публиковались, то приведем обширную цитату из этой рукописи: «В день свадьбы у невесты с утра собирались подруги, одевали невесту, плакали, пели печальные песни.

У жениха собирались его друзья-парни, дружка, князь (из его близких друзей), угощались на дороге. От жениха выезжала поездка: лошади, запряженные в сани или телеги, с раскрашенной лентами сбруей, обвитыми цветн.<ыми> лентами и самодельными цветами дугами, под дугой — колокольчики звенящие. У жениха и его друзей на шапках и петлицах цветы. Выезжали за невестой. Им в деревнях “загораживали” дорогу, т. е. через дорогу перекидывали жердь, ее держали руками или укрепляли на колышках-рогатинах и спрашивали выкуп, долго торговались с шутками-прибаутками. Если выкуп был по нраву, пропускали вперед, если выкуп плохой или не понравился жених, его дружка, то “подделывали”, чтобы лошади взбесились и разнесли поездку. Говорят, что незаметно смазывали узду у лошадей медвежьей кровью или других зверей, чтобы чуткие лошади взволновались, но обыкновенно это приписывали “знахарю”. Перед домом невесты тоже “загораживали” дорогу, а на дом вешали замок и тоже требовали выкуп или проводили различные испытания над жениховой поездкой невестина родня. Например, наливали большой кувшин пива, а на дно клали ключ от закрытого дома, где находилась невеста с подругами. Надо было выпить жениху, вернее его друзьям всё до дна, чтобы достать ключ. Дружки жениха и невесты спорились, сыпали прибаутки, кто кого переговорит, чтобы зайти в дом к невесте. Наконец, двери открыты, женихова поездка сыпали на девушек, которые за столом окружали невесту, конфеты, деньги, монеты, а девушки бросали на них ячмень, овес. <...> После жених и невеста ехали в церковь венчаться, а из церкви к жениху, где продолжалась веселая и хмельная свадьба с пивом, с обычаями отрезать косу у невесты и другие. Снова пели свадебные песни, плясали.

В настоящее время свадьбы уже другие, утратилась свадебная поездка на лошадях, венчание в церкви. Регистрация проходит очень торжественно на сцене Дома культуры, которая украшается букетами и гирляндами цветов, звучит “Свадебный марш” Мендельсона и др.<угая> музыка, все желающие после регистрации поднимаются на сцену с цветами для поздравления, зрительный зал полон всех желающих посмотреть на регистрацию. Идти в ДК стало сельской необходимостью<ю>. Раньше приходили взглянуть на свадьбу жители деревни, говорили “свадьба с глазами”, наделяли молодых деньгами, теперь идут на регистрацию, а в дом не заходят, где идет свадьба. После регистрации на легковых автомобилях и совхозном автобусе едут к братской могиле погибших воинов в <Великой> Отечественной войне и на пьедестал памятника у основания возлагают жених и невеста цветы.

“Ворота закладывают” и сейчас, требуя выкупа. Свадьбу ведут свидетели, дружков и князей теперь нет. Безалкогольных свадеб еще не проводят. Много танцуют, поют, веселятся.

¹ Дневник учебной практики по русской диалектологии студентки II курса (22 гр.) филологического факультета Калининского государственного университета А. А. Цветковой 1987 г. Л. 61.

Девушника, молодичника и других слов не было, так как этого ничего не проводилось.

Была только *вечерина*, когда накануне вечером собирались подруги невесты, вели ее в баню, мыли, парили веником, приводили домой. Здесь невеста отыскивала спрятанную ленту. Пели песни. Есть слово *вечерина*.

Для обозначения жениха и невесты употреблялись слова “молодые”, “нареченные”; других слов не существует.

Свадебные чины: дружок и князь, все вместе — поездá.

Дружок — поверенный жениха и невесты.

Князь — помощник дружка.

Процесс сватовства назывался “богомолéние”. Приезжали сваты к невесте отец, мать жениха, крестный, крестная, кто-либо еще из родни (брат, сестра). Невеста уже была выбрана, знакома родным и жениху, но могла быть и незнакомая, а понаслышке, что хорошая, богатая, работающая. Начинался стговор. Если невеста и ее родители согласны, то молились богу все, обратясь к иконе. Потом договаривались о свадьбе, угощались за столом.

Употреблялись слова “ехать в сваты”, “сосватались”.

Свадебные угощения и подарки никакими особыми словами не назывались, в том числе указанными.

Плата за невесту — “выкуп”.

Приданое невесты так и называлось — “приданое”¹.

Таким образом, в кабинете диалектологии хранятся сведения о торопецкой свадьбе второй трети XX в. Среди локальных особенностей свадебного обряда — это выкуп места жениха бросанием шапки. Также в архивных материалах приводятся сведения по местной свадебной лексике и фразеологии, что позволяет проследить динамику исчезновения того или иного элемента обряда в данном крае. Так, если в XIX в. сватовство называлось «рукобитье», то в XX в. оно уже именовалось «богомолье», вероятно, получив название от обряда, совершаемого в этот день, — «богомольщины». Отдельные замечания, например, о смазывании упряжи медвежьей кровью, позволяют проследить появление представлений о знахарях, которые, по народным представлениям, обычно и служили источником беспокойного поведения животных.

Обратимся к фольклорно-этнографическому архиву кафедры истории русской литературы ТвГУ, в котором также хранится ряд материалов по Торопецкому району. Из свадебных обрядовых песен удалось обнаружить следующие тексты. Во-первых, в 1990 г. от жительницы д. Бор были записаны шесть свадебных песен: «Поздравляем мы князя...», «Березничек листоватый...», «А кто же у нас гость большой...», «Ой, спасибо, гость большой...», «Молодушка, кур летит...», «Как с под месяца...»². Во-вторых, в этом же году в пос. Плоскошь были записаны песни «А кто ж у нас белая...»³ и «Березеночек листоватый...»⁴. В 1993 г. в этом же

¹ Там же. Л. 59–64.

² Зап. Н. Быкова от Е. Г. Ивановой, 66 л., д. Бор Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл., 1990 г. Тетр. 257.90. Л. 1–5. Удалось выявить ряд фальсификаций, например, мы не учитываем свадебный материал из тетради № 63.79, так как он взят из вышеуказанного сборника И. И. Земцовского. Не учитывается также материал из тетради номер 111.82-83 и номер 229.89, так как записи от одного информанта несут паспортные различия.

³ Зап. И. В. Боровков от М. М. Савельевой, 65 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 8.01.1990 г. Тетр. 259.90. Л. 1.

⁴ Зап. И. В. Боровков от Е. К. Логиновой, 73 г., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 9.01.1990 г. Тетр. 259.90. Л. 1 об. — 2.

поселке были зафиксированы две свадебные песни «А кто у нас белая...», «А кто ж у нас хороший...»¹, а также лирическая песня, которая могла исполняться на свадьбе, «Садик я садила...» и вариант «Березничек листоватый»², «Все, все кукушечки летают по воле...»³ с вариантом «Все пташечки, кукушечки летают по воли...» и «Ой, а кто у нас гость большой...»⁴. Как видим, средний возраст информантов — это 63—76 лет, что свидетельствует о прерывании традиции устной передачи свадебных песен в районе от старшего к младшему поколению. Однако в начале 1990-х гг. в населенных пунктах района встречались исполнители, владеющие отдельными песнями из местного репертуара, например, М. М. Савельева, 1925 г. р., из пос. Плоскошь, у которой были сделаны повторные записи (1990 и 1993 гг.). Во время наших полевых исследований не удалось выявить ни в городе, ни в районе информантов, способных воспроизвести песни из торопецкого свадебного цикла⁵.

В 1995 г. при непосредственном наблюдении свадьбы в г. Торопце было зафиксировано дальнейшее изменение обряда в исследуемом районе. Так, кроме регистрации в ЗАГСе молодожены обвенчались. В первый день была посещена братская могила⁶. Жениху и свидетелю по дороге к невесте перегораживали дорогу. В доме невесты они выполняли различные задания, например, на кусок хлеба была высыпана полная солонка соли — жениху предлагалось откусить, по объему откусанного определяли, насколько он любит невесту. В испытания входило задание — узнать поцелуй невесты на бумаге среди других, выложить ее имя монетами и придумать синонимы к нему. В квартире невесты, где жених должен был сделать столько шагов до нее, сколько раз она ему может изменить (в итоге его нес на себе свидетель). Перед входом в банкетный зал жениха и невесту обсыпали зерном, давали кусать пирог — кто больше откусит, тот и хозяин в доме; на пороге перед молодыми положили веник. Тот, кто его поднял и поставил в угол, также считается хозяином в доме. Во время свадебного застолья была украдена невеста; жених выкупал свое место. На второй день присутствовали ряженные — переодетые свидетели мерили температуру гостям и давали «лекарство», чтобы гости опохмелились. Кроме праздничной программы — аудиозаписей, гостями исполнялись частушки (присутствовало два гармониста), за столом пожилые женщины пели жестокие романсы, например, вариант «Моряки вы моряки, алые его губки...» Были и шуточные поздравления молодым, например: «Вот вам картошка, чтобы вырос Антошка»⁷, что соответствует шутливым присказкам при дарении и в первой трети XIX в., например, когда стряпуха дарила жениху кушак, то приговаривала: «Нат-ка тебе полотняны дары: сам удавись и посестру вдави (любовницу

¹ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. М. Савельевой, 68 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 14.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 3—9.

² Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от Е. К. Логиновой, 76 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 13.07.1993. Тетр. 323.93. Л. 10—14.

³ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. П. Резчиковой, 63 г., д. Шетнево <?> Торопецкого р-на Тверской обл., 10.07.1993. Тетр. 323.93. Л. 33—34.

⁴ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. Волковой, 1921 г. р., д. Шетнево <?> Торопецкого р-на Тверской обл., 7.07.1993. Тетр. 323.93. Л. 35—38.

⁵ В 1990 г. в д. Точирино Торопецкого р-на от В. Н. Литвиновой, 1900 г. р. была записана песня, которую исполняют, когда сажают невесту за стол «Господи, погодите вы / Меня заводите за дубовый столичек...»; см.: Русская свадьба: В 2 т. Т. 1. М.: ГРЦРФ, 2000. С. 168, 443.

⁶ Громов Д. В. Посещение достопримечательностей как часть свадебного обряда // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 28—39.

⁷ Свадебное торжество Вахвых. Видеокассета. 1995 г. Архив А. А. Петрова.

удади)»¹. В настоящее время в районе существует обычай проехать несколько мостов, на мосту через р. Торопу вешают замки.

К свадебному обряду Торопецкого района есть и художественная иллюстрация — картина XVIII в. В книге А. А. Галашевича «Торопец и его окрестности» приведена гравюра XIX в. со старинной картины «Девичник в Торопце»². Первый, кто обратил внимание на эту картину, — М. И. Семевский; он пишет: «В одном из купеческих домов в Торопце есть картина, рисованная масляными красками: девичник в городе Торопце, в 18-м веке. Громадный стол покрыт тарелками с десертом, тут же возвышается сахарная голова, вынутая из бумаги, стоят высокие подсвечники, пирожное высокое, салфетки сложены рагульками, замысловато. За столом, на высоком стуле, невеста, с полузакрытым лицом, подле нее сваха, с открытым лицом; далее подружки, на скамье, в высоких венцах, лица их закрыты махальцами, веерами, на колени ниспадает богато вышитый платок; далее, женщины, как и все присутствующие, разряжены, лица полузакрыты фатами. В комнате гость, в немецких башмаках, кафтане, с шляпой и тростью в руках»³.

Далее сведения об этой картине появляются в конце XIX в. в очерке М. А. Веневитинова «Старинное изображение обряда смотрин в городе Торопце» (1888), который передал это изображение в Императорский российский исторический музей (ныне — Государственный исторический музей), где она и хранится в настоящее время. Из личной переписки Веневитинова с Г. Т. Лебедевым становится известным, что «картина, изображающая смотрины в городе Торопце Псковской губернии, долго хранилась в семействе одного местного купца и приобретена <...> от воронежского уроженца Г. Т. Лебедева, посредством брака породнившегося с этим семейством и в числе приданого своей жены получившего и самую картину. За отсутствием указаний предания время написания этого изображения не может быть точно определено, но костюм мужчин, участвующих в обряде смотрин, заставляет предполагать с достоверностью, что картина относится к эпохе XVIII столетия и что ей, во всяком случае, никак не менее ста лет»⁴.

М. А. Веневитинов обращает внимание на ряд неточностей в описании картины у М. И. Семевского. Во-первых, Веневитинов указывает, что за столом сидят подруги невесты и сама невеста, которая сидит направо от стола, при этом ее лицо полуоткрыто, а «рядом с ней, с левой стороны, мы встречаем не женщину, а скорее девочку, которой, вероятно, по возрасту позволялось обычаем оставаться с открытым лицом. Это, во всяком случае, не сваха, которую скорее можно признать в женщине с открытым лицом, стоящей на левой стороне картины, впереди группы входящих лиц и за спиною мужчины в немецком кафтане; эта женщина единственная

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским... С. 52. Ср. с функцией пояса при выкупе постельника: «На свадьбе в окрестностях Торопца за “постельник” откупались поясами. Здесь считалось, что чем больше было у невесты матрасников-постельников, тем она была богаче». См.: *Власенко Т. А.* Из глубины веков до наших дней: Народные художественные промыслы Тверского края. Тверь: ТОДНТ, 2011. С. 11.

² *Галашевич А. А.* Торопец и его окрестности. М.: Искусство, 1972. С. 69.

³ *Семевский М. И.* Торопец: Уездный город Псковской губернии... С. 90. См. копию с этой картины, снятую в XIX в. И. И. Тысяцким; рис. на дереве А. О. Адамов, грав. Л. А. Сериков, в статье: *Семевский М. И.* Торопец: Историко-этнографический очерк 1016—1869 гг. // Всемирная иллюстрация. 1870. Т. 3. Январь—Июнь. СПб.: Изд. Германа Гоппе. № 58. С. 105. Часть этой картины представлена, например, в статье: *Рычок В.* «Аще муж от жены блядеть...» // Родина. 1998. № 3. С. 42.

⁴ *Веневитинов М. А.* Старинное изображение обряда смотрин в городе Торопце. М.: Типограф. А. И. Мамонтова, 1888. 6 с.

из числа всех не сидящих, а стоящих женщин, у которых лицо ничем не закрыто»¹. Во-вторых, группа мужчин, по мнению М. А. Веневитинова, состоит из выступившего вперед жениха и скрывающихся за свахой его посаженного отца и двух друзей или шаферов.

В качестве доказательства Веневитинов приводит семейные предания прежних владельцев этой картины. В 1874 г. из письма к нему Г. Т. Лебедева становится известным, что «сидящая рядом с невестой женская фигура изображает не сваху, а маленькую девочку, называемую *подневестницею*, т. е. дружкой невесты. Остальные, сидящие за столом, девушки и отличаются своими одеждами от прочих женщин и исполняют также роль дружек»². В письме дается объяснение фигур, закрывающих свои лица: «При входе жениха в комнату все девушки веерами закрылись, а невесте позволялось в этот вечер взглянуть одним глазком на жениха, равно как и гостям жениха, женщинам, позволялось одним глазком взглянуть на невесту»³. Таким образом, М. А. Веневитинов приходит к выводу, что на картине изображен не девичник, а смотрины в г. Торопце.

Свадебный головной убор торопчанки — *шишак* конца XVIII — начала XIX вв. представлен в книге «Обрядовая поэзия»⁴, вероятно, это часть одежды купчихи, так как аналогичную мы видим на картине тверского художника А. Тыранова «Портрет ржевской купчихи»⁵.

Итак, впервые упоминание свадебного обряда Торопецкой земли относится к XIII в. и связано с обычаем «чинить» кашу. Дальнейшее описание свадьбы Торопца появляется в XVIII в. в книге местного священника, который указывает на пережитки языческих времен в песнях — упоминание древних богов. Также в XVIII в. корильную песню сообщает в своем сочинении М. Д. Чулков, который выделяет торопецкий свадебный обряд из ряда других, тем самым подчеркивая его локальную особенность. Дальнейшее описание свадьбы изучаемого края связано с собранием Киреевского и относится к первой трети XIX в. В данном очерке приводятся не только тексты песен, но и приговоры дружки, заговоры, а также дается подробный этнографический комментарий к ним. Описания свадьбы в провинциальном городе Торопце приводятся в издании А. Терещенко, М. И. Семевского. Отличительной особенностью свадебного обряда в данных очерках является участие священника не только в обязательном обряде венчания, но и выступление его в качестве свата. Среди угощений гостям обязательно подавали кофе. Финансовые расходы на проведение предсвадебного этапа и самой свадьбы дают возможность предполагать, что описывается свадьба не крестьянская, в отличие от публикации Киреевского, а свадьба мещанская или купеческая.

Часть песен и этнографических описаний свадебного обряда Торопецкого района XX в. находится в государственных и частных архивах⁶. Выявленные материалы показали существование локальных особенностей свадьбы Торопецкого края, например, выкуп места жениха рядом с невестой бросанием/киданием шапки. Рукопись В. А. Светлова свидетельствует о сохранении

¹ Там же. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 3.

⁴ Обрядовая поэзия: Семейно-бытовой фольклор. Кн. 2. / Сост. Ю. Г. Круглов. М.: Русская книга, 1997. 624 с.

⁵ Железнова М. Тверской художник // Смена (Калинин). 1973. 18 августа. № 99 (3429). С. 4.

⁶ См., например, собрание песен, записанных М. и А. Цветковыми в Подозерье, в рукописном фонде РГБ Ф. 178. № 3423.

в обряде приговоров дружки и его переговоров с родителями жениха и невесты, а также гостями, характерные для первой трети XIX в. вплоть до 1930—1940-х гг. Сценарный текст этой рукописи позволяет установить взаимосвязь эпитета из свадебных песен «примасленный» с обычаем мазать маслом головы гостей свадьбы. Анализ архивных документов показывает, что свадебные песни в крае перестали исполняться примерно в 70—80-е гг. XX в., однако сами тексты бытовали в пассивной памяти информантов вплоть до 1990-х гг. В настоящее время в свадебный обряд района входит обязательное посещение братской могилы, проезд жениха и невесты через мосты. Новым стало то, что молодожены вешают замок на мост.

Иллюстрацией к свадебному обряду края является картина XVIII в., выполненная неизвестным художником в наивной манере.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-х гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ФОНДА А. Н. ВЕРШИНСКОГО В ГАТО

Вступительная статья и публикация И. А. Михайловой

В настоящей публикации представлены свадебные обряды, записанные в ходе Верхнемоложской экспедиции Тверского педагогического института¹. Данные материалы находятся в личном фонде ученого, краеведа А. Н. Вершинского в Государственном архиве Тверской области (ГАТО) в папке под названием «Этнографические материалы Верхнемоложской экспедиции: записи свадебного обряда, частушек, песен и др.»².

С 5 по 25 июня 1925 г. институтом совместно с губернским комитетом Ассоциации по изучению производительных сил была организована экспедиция в один из северных районов Тверской губернии, расположенный по р. Мологе. Во время проведения исследования «крайне важно было изучить, какие хозяйственные перемены для населения края принесет рубка лесов, какие хозяйственные возможности имеются здесь для будущего, какие мероприятия нужно провести теперь же для населения с целью улучшения его быта»³. Общее заведование экспедицией было поручено профессору института А. П. Ильинскому, а среди участников были преподаватели А. Н. Вершинский, Ю. М. Соколов и В. А. Герд. В работе приняли участие 45 студентов⁴. В течение указанного срока участниками экспедиции был охвачен район в 560 кв. верст по периметру: южная сторона — это села Лоцемля и Топальское, северная — деревни Васютино, Заболотье, Сундуки (бывшего Весъегонского уезда) восточная — с. Лебедево и д. Кожиха Бежецкого уезда и западная — от оз. Сарагожское на юг к деревням Краснуха, Дор, Гундориха⁵. Исследование было комплексным, т. к. собирались сведения по местному быту (этнография), по творчеству населения (фольклор) и языку (диалект)⁶.

Результатами данной экспедиции стала фиксация диалектов от местного населения, было записано «до 1000 произведений народного творчества, записаны обряды, поверия, изучены типы жилищ, одежда, состояние народного образования»⁷. В частности, были собраны частушки, протяжные песни, сказки (в том числе и от сказочника Федора Кувы), рассказы о времени крепостного права, магические обряды, связанные с сельским хозяйством⁸; обряды,

¹ См. об этом подробнее: *Петров А. А.* Изучение Верхнемоложского края (по следам экспедиций 1925–1927 годов) // Тверское фольклорное поле — 2010: доклады и публикации: памяти Ю. М. Соколова (1889–1941) / Ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 20–31.

² Ф. Р-2691. Оп. 1. Ед. хр. 91.

³ *Вершинский А. Н.* Верхнемоложский край (по материалам экспедиции Тверского педагогического института и комитета Ассоциации по изучению производительных сил при Губплане) // Тверской край. 1925. № 1 (сентябрь). С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ *Вершинский А. Н., Соколов Ю. М.* Верхнемоложский край: IV сельское хозяйство, V промыслы, VI быт (окончание) // Тверской край. 1925. № 2 (октябрь). С. 55.

⁷ *Вершинский А. Н.* Верхнемоложская экспедиция 1925 года // Изв. Твер. педагог. ин-та. Вып. 1. Тверь: Типограф. «Тверской правды» и «Тверской деревни». 1926. С. 16.

⁸ *Вершинский А. Н., Соколов Ю. М.* Верхнемоложский край... С. 59.

исполняемые на различных праздниках, при наведении порчи, лечении болезней; похоронные причеты¹ и т. д.

По замечанию исследователей, «среди собранных материалов большую ценность представляют записанные <...> 6 полных свадебных обрядов, относящихся к различным эпохам», начиная с середины XIX в. «Два свадебных обряда списаны прямо с натуры. Записаны и свадебные причеты, и песни, и обереги от порчи, приметы и суеверия, и другие пережитки старины, до сих пор еще бытующие среди моложского населения»².

Ю. М. Соколов, анализируя записанный свадебный обряд с. Лощемля, делит его на следующие части: сватовство, рукобитье, канун свадьбы, во время которого происходило заплетение и расплетение косы, затем «байна» (баня) и «вечерины» (девишник). Далее шел сам день свадьбы, где «дожидают свадьбу», затем происходил отъезд к венцу и привоз сундука от невесты в женихов дом. За этим шло свадебное застолье. На другой день свадьбы делали отводной стол³. Юрий Матвеевич пишет о том, что «свадебная поэзия <...> изобилует причетами. Они выполняются или невестой и ее подругами, которые предварительно научились причетам от плакуши, или же специально приглашенными плакушами, которые ведут причет, а невеста или ее подруги ей вторят»⁴. По замечанию исследователя, «деление большой семьи всегда влекло за собой новую стройку. Теперь каждый крестьянин, пользуясь доступностью леса, строит избы заранее для каждого из своих сыновей, если даже они еще малые дети и до их женитьбы и самостоятельного хозяйствования еще много лет»⁵, и подарков со стороны невесты (домотканые полотенца, ширинки, платки, кисеты) должно быть много, поэтому они «запасаются <...> девицами еще задолго до свадьбы»⁶.

Ю. М. Соколов приводит воспоминания 74-летней жительницы с. Лощемля Авдотьи Ивановны Сорокиной: «Кажинную девку я оплачу. Девки перед свадьбой приходят: “Научи, бабушка”. Один раз на свадьбе плачу, а поглядельщик и спрашивает: “Што это молодуха-то плачет?” — А другой говорит: “Ей осьмина ржи посуливши”. А я никогда и не беру... Она девица перед свадьбой пришла: “Научи, бабушка, плакать. Ничего не знаю”. А через год вижу, сама плачет. Причеты на ум пришли, как замужем прожила. Уж как поживешь, да хватит тебя по сих пор-то. Это бесконечная песня: ей конца краю нет. Я-то все песни позабыла, а вот этой научилась»⁷.

Во время экспедиции было отмечено сохранение «во всей почти неприкосновенности “прощание с девичьей красой”, которая обычно в том крае символизируется лентой, вплетаемой в косу девушки, а также березкой, украшаемой лентами из кос»⁸. Были зафиксированы и названия участников свадебного поезда: «Жених величается на свадьбе князем, невеста княгиней. Гости со стороны жениха, участвующие в свадебном поезде, носят традиционные названия: дружка, поддружье, большой барин, меньшей барин, тысячный. Значение этих свадебных чинов

¹ Соколов Ю. М. Быт и творчество населения // Верхнемоложская экспедиция. Вып. I // Изв. Твер. педагог. ин-та: Приложение к 2 и 3 вып. Изв. Твер. педагог. ин-та / Ред. А. Н. Вершинский, А. П. Ильинский. Тверь, 1927. С. 116–136.

² Вершинский А. Н., Соколов Ю. М. Верхнемоложский край... С. 59.

³ Соколов Ю. М. Быт и творчество населения // Верхнемоложская экспедиция... С. 131.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 131.

⁷ Там же. С. 128–129.

⁸ Там же. С. 129.

однако уже сильно искажается. Так, про тысячного женщины, описывавшие <...> свадебный обряд, сказали: «Хотя он и тысячный, а он последний чин: для смеху»¹.

Ю. М. Соколов указывает на строгие традиции сельской местности, когда девушка была обязана сохранить невинность до брака, в противном случае ее ожидал позор на всю жизнь: «...до сих пор сохраняется обычай во время каждого стола (на другой день свадьбы) в доме молодого или на масленице, на блинах у тещи, раскрывать родным молодых, сохранила ли молодая до брака невинность. Это раскрывается при помощи следующего символического действия: молодому подают яичницу. Если молодой начинает ее с середины, то, значит, молодая не сохранила до брака невинность. Если же молодой начинает яичницу с краю, то всё обстоит благополучно. В первом случае молодая считается опозоренной на всю жизнь. Иногда молодой не выдает молодую, но если деревня узнает, то всё равно молодой житья нет»².

Перечислим свадебные песни, которые были записаны участниками экспедиции (варианты некоторых из этих текстов, в частности, «Шелковая ленточка к стенке льнет», представлены нами ниже в Приложении) и упоминаются в публикации Ю. М. Соколова. Во время сватовства или рукобития исполняли: «Потихоньку сват сватался, понизешеньку сват кланялся», «Из-за лесу, лесу темного, из-за облака черного вылетала стая гусиная, а другая лебединая». Перед благословением пели «Што во новой-то во горнице, во светлой-то светлице, две свечки тлеются, уж как Марья богу молится», «Растопись-ко се, баенка, расколись-ко се, каменка». Перед поездкой на венчание исполняли: «Не было ветру да наваяло, не было гостей да наехало»; жениху пели «Во саду было садике, зеленом винограднике», «Как Ивану-то матушка наказывала, ты поедешь, мое дитятко, жениться», а невесте — «Уж ты, девица, изменщица, всем подружкам переменщица». Если девушка была сирота, то она исполняла «Много, много у сыра дуба, много витья, много повитья». После венца молодой запевали «Залетела пташечка ко соловью во клеточку», «Што не шолковая ленточка к стенке льнет, Иванушка Марьюшку к сердцу жмет», а молодому — «Стучит, гремит, стучит, гремит под вороним конем»³.

Ниже мы приводим тексты из архива А. Н. Вершинского. В публикации орфография и пунктуация для удобства частично приближены нами к современной литературной норме. Дело под номером 91, в котором и хранятся эти материалы, открывается тетрадью с записями свадебного обряда; они называются «Свадебные обычаи, обряды, песни». Записи произведены Всеволодом Бухмейером. В следующем свадебном обряде, записанном Иваном Дешерновым, помимо описания, есть и две свадебные песни: «Шелковая ленточка к стенке льнет...», которая пелась молодым после венчания, и песня свахи «Приезжая свашунька молодая». Далее следуют записи свадебных обрядов, которые записал Сергей Воронин. Это описание сватовства и самой свадьбы, а также тексты песен, сопровождавших эти обряды: причитание невесты перед свадьбой «Не лес к сырой земле клонится...»; приговоры дружки жениха; песни, исполняемые по приезде молодых в дом невесты после венчания — «Екатерина-сватюшка, румян-румяна...», «У голубя, у голубя...»; последняя песня девушек в конце свадьбы «Что спасибо всему поезду...» Заканчивается тетрадь текстами свадебных песен свахе «У нас свашенька молодая...», дружку «Мы пойдете-ка по порядку...», гостям «У голубя, у голубя...» и

¹ Там же. С. 131.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 130–131.

песней «По сенюшкам, сенюшкам...». Далее идет описание свадебного обряда, проводимого после венчания. Имя собирателя в данном случае осталось неизвестным.

Часть материалов экспедиции была по разным причинам утрачена, а часть находится в труднодоступных архивах, поэтому данная публикация является крайне важной для описания истории собирания и изучения фольклора и этнографии Тверского края, так как указанные в записях имена и фамилии собирателей в дальнейшем, возможно, помогут установить точное место фиксации этих текстов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. Свадебные обычаи, обряды, песни

Сватанье происходит так. Жених с родителями приходит в дом невесты, здоровается и садится под матицей (балка у потолка). Жениховы родители говорят, что у нас есть купец, а у вас товар, нельзя ли нам породниться. Если родители невесты согласны на свадьбу, то происходят выговоры подарков и приданого. Жених приглашает невесту с родителями приехать к нему и осмотреть его дом. Приехав в дом жениха, осмотрев его, и, если он нравится невесте, молятся богу, и жених с невестой отправляются гулять. Через несколько дней после осмотра дома жених с товарищами отправляется к невесте и приносят ей подарков и уговариваются о дне свадьбы. Жениховы родители благословляют невесту, а невестины жениха. В церкви дружок сводит жениха с невестой. Тут невестины подруги продают невесту жениху. После свадьбы поезд жениха отправляется к дому. В дверях молодых встречают родители с хлебом, солью и иконой, берут за руки, ведут и сажают их на шубу под передний угол. Мужчины и женщины с блюдами поздравляют молодых, за что и получают от жениха деньги. Молодым кричат «горько», и они берутся за уши и целуются. Гости поют песни. В это время приходят девицы и поют величания. За это их дарят деньгами. После этого посторонние уходят и невеста дарит полотенце^{<а>}, кому было обещано. Гости разъезжаются. На другой день невеста подметает пол, а сзади ей с соломой подкидывают деньги. Вечером молодые отправляются к невесте в гости.

Всеволод Бухмейер¹

2. Свадебные обряды

Свадебные обряды происходят, что в старину, то и теперь только разве с небольшим изменением. Задумает молодой человек жениться, говорит об этом отцу с матерью. Конечно, они соглашаются и едут сватать своему сыну невесту. Приезжают в какое-нибудь село или деревню. Заезжают <к> какому-нибудь крестьянину, спрашивают у него, что «есть у вас хорошие барашки или нет». Мужик этот говорит: «Есть у нас вот такая невеста хорошая, умная». Сваты спрашивают: «Ну, как же отца с матерью звать?» А потом говорят приезжие сваты: «Поди спроси, примут они нас или нет». Тогда хозяин или хозяйка из этого дома сходит спросит, что «примите вот таких-то сватов или нет». То хозяин у ней (этой невесты

¹ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1–2.

спрашива<e>т), что «тебе пондравились?» «Мне-то пондравились очень даже», — то отец с матерью (невестины) говорят: «Ну, скажи, чтобы приехали, мы их примем». Приезжают к дому, привяжут лошадь и тогда-то уже входят в избу, поздороваются, а отец с матерью (невестины) приготовят угощение и приглашают, чтобы они сели и закусили, что имеется, и тут же сговариваются, что «отдадите нам свою дочь или нет». «Ну, что ж отдадим». Тогда жениховы родители говорят: «Когда дом смотрет<ь> и когда свадьбу играть, надо назначит<ь> время». Невестины родители отвечают: «Можно, когда вам желательно, <но давайте> вот хоть в такое, нам всё равно». Потом после этого сваты справятся и уезжают, а к ним приезжают дом осмотреть. Дом смотрят: просто приезжают с невестинной стороны сродники к жениху и сама невеста, входят в избу, поздороваются, как уже полагается, а родители жениха приготовят им закуски и приглашают, чтобы они сели и закусили, что имеется. При всем этом угощении сговорятся, у кого играть свадьбу, если у жениха, то невестины родные платят деньгами или продовольствием, чтобы играть свадьбу сообща, а после всего этого гости поблагодарят за угощение и уезжают домой. А потом в назначенный день едут жених и невеста со своими родными венчаться, повенчаются и едут к жениху на угощение. В это время приходят с этого села или деревни бабы и девки. Бабы собирают деньги, как уже заведено, а девки поют песни. Песни поют сперва жениху с невестой.

Шелковая ленточка к стенке льнет,
Жених невестушке ручку жмет:
«Ты скажи-ка, невестушка, кто ж тебе мил?»
«Мне мил-милешенек батюшка,
«А помилее батюшки — матушка».
«Неправда твоя,
Тебе милее-милешеник
Жених-господин».

Песня свахе:

Приезжая свашунька молодая,
У свашуньки шубушка голубая,
У свашуньки пуговики золотые,
Петелки шелковыя.

Иван Дешернов написал, что мог¹.

3. Свадебные обряды и обычаи

С В А Т О В С Т В О

Приходят в дом невесты и говорят: «У вас хозяин есть товар, а у нас есть купец; товар ваш покажите, а купца нашего посмотрите». Тут с невестинной стороны свашка выводит девку и ставят супротив жениха, они сначала не смотрят друг на друга,

¹ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 3 — 3-а об.

а им говорят, чтоб смотрелись, да гляделись. Если жених и невеста понравились друг другу, молятся Богу и — по рукам биться, после чего невеста уходит за занавеску горе горевать, а отец и мать садятся за стол дочку пропивать. Невеста горюет и причитывает таким речам:

Не лес к сырой земле клонится,
Добрые люди Богу молятся.
Стречай-ка ты, родимый батюшка,
Своих дорогих гостей — моих разлучников,
Сажай-ка за стол, под окошечко
Свата-сватюшку, дружку-засыльничка
Ко светцу, ко присветничку.
Не сдавайся, родимый батюшка,
На слова их, на слова ласковыя,
На поклоны низкие,
На стакан пива пьяного,
На чару зелена вина.
Не отдавай меня, родимый батюшка,
Из теплых рук в холодныя
Ко чужому к отцу, к матери.

Жениховы родители приглашают невесту с родителями смотреть дом, после чего жених с невестой отправляются гулять, тем и кончается сватовство. После чего невестины родители приглашают их с гостинцами, жених с товарищами приносят гостинцы и пируют. После этого назначается день свадьбы.

С В А Д Ь Б А

В день свадьбы жениховы родители стелют в дому солому. Жениховы родители, крестна <!,>, крестный благословляют жениха и, помолившись Богу, отправляются в церковь, в церкви дружка подводит жениха к невесте, невестины подружки продают невесту, далее дружка подводит к *налою*, и начинают венчать. После венчанья дружка ведет на подводу, и всем поездом въезжают в селенье, дружка, соскочив с саней, бежит к невестиной избе под окошко с таким приговором: «Стоят наши добрые кони во чистом поле, при пути, при дороженьке, под синими небесами, под частыми звездами, под черными облаками. Нет ли у вас на дворе, сват и сватюшка, местечка про наших коней?» Из избы им откликаются: «Милости просим, про ваших коней есть у нас много местов». Поез<д> въезжает на двор. Идет друженька и приговаривает:

Идет друженька
Лесенкой кленовою,
Мостиком калиновым,
Берется друженька
За скобочку полуженую,
Растворите дверечки широкия,
Сам я сватушка,

Двери на петли поведу
И без позволенья не войду.

Потом, вошедши, садятся за стол, здесь гостей угощают разными кушаньями, во время пиршества девки поют свадебные песни. Например, поют песни:

Екатерина-свашенька, без белы бела,
Проежня сватьюшка румян-румяна,
У свашеньки братцы соколы-соколы
По синему морюшку летали,
В синем море женушку славливали,
Прежнюю свашеньку вымали.

Другая песня:

У голубя, у голубя
Золотая голова,
У голубки, у голубки
Позолоченная,
Черным шелком,
Черным шелком
Перестроченная,
Алой лентой,
Алой лентой
Перевязанная.
Соезжались купцы-братцы,
Все товарищи его,
Дивовались, любовались
На сударушку его.
Чтобы, братцы, чтобы, братцы,
Чтоб моя жена была,
Я бы летом, я бы летом
На колясочке катал,
Я бы зимнею порою,
Все на лаковых санях,
Все на лаковых санях,
На буланых лошадях.
Приударьте-ка, ребята,
Приударьте, молодцы,
Чтобы коники бегли,
Молоду жену везли.
Мои коники бегут,
Молоду жену везут

Отпевшись девки песни гостям и собравши деньги, поют песню всем гостям так:

Что спасибо всему поезду,
Мы дары-то ваши приняли,
Мы поклоны вам и воздали.

Девки уходят. После чего собирают с гостей деньги бабы. Отпировавши, невестины родители и все родные уезжают домой, а невеста остается с семьей жениха. Этим кончается свадьба.

Писал Сергей Воронин¹

4. <Свадебный обряд>

Песня свахе:

У нас свашенька молодая,
На ней шубка голубая,
У свашеньки петельки шелковые,
Пуговички золотые,
Сборнички шерстяные,
У свашеньки братья-ясна сокола
По синему морюшку летывали,
С синего моря пеночку славливали
И свою сестричку смазывали.

Песня дружку:

Мы пойдемте-ка по ряду,
Мы по красному, по поезду,
Мы дойдемте ж-ка до друженьки.
У нас друженька хорош, пригож,
Что нигде нет такого молодца:
Ни в Москве, нет в Питере,
Не в Ярославном-славном городе.
Что-что на столе у нас гремит?
Верно, друженька казной шевелит.
Верно, он хочет девиц подарить.
Ты дари нас не <ощадно>,
Чтоб было тебе не стыдно,
Твоим глазанькам <не без нрзбр.>.

Песнь гостям:

У голуба, у голуба
Золотая голова,
У голубки, у голубки
Позолоченная,

¹ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 4–6.

Черным шелком, черным шелком
Перестроченная,
Алой лентой, алой лентой
Перевязанная.
Сизый голубь, сизый голубь,
Всё Иван-то господин,
Его сизая голубка
Всё Настасьюшка.
Соезжались купцы-братцы
Все товарищи его,
Дивовались, любовались
На сударушку его.
Что за дама, что <за> краля,
Молодец <как> хороша.
Как бы эта молода
Всё была моя жена,
Я бы летом, я бы летом
На колясочке катал,
Кабы зимнею порою, —
Я на лаковых санях,
На буланах лошадях.
Ко мне кони бегут,
Молоду жену везут.

По сенюшкам, сенюшкам,
По частым по ступенишкам,
То-та, люли, то-та, люли,
По частым, по ступенишкам
Ходила, похаживала молодая боярыня,
То-та, люли, то-та, люли,
Молодая боярыня ходила, похаживала,
Своего дружка поваживала,
То-та, люли, то-та, люли,
Своего дружка поваживала.

Свадебные обряды. В вечерину в невестину наряжают елку и носят ее по <нрзб.>. Когда жених и невеста идут домой из-под венца, их осыпают в дверях семенем — житом и рожью. Когда жених и невеста после венца приходят домой и после закуски молодая невеста начинает мести полы, а сзади кидают ей деньги и говорят: «Что ж не чисто метешь?» Невеста оглядывается и замечает деньги, собирает их и кладет в карман¹.

¹ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 7–8.

КАШИНСКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ФОНДА В. Г. ШОМИНОЙ В ГАТО

Вступительная статья и публикация Ю. С. Заострожной

В настоящее время Тверским государственным университетом ведутся фольклорно-этнографические полевые исследования на территории Тверского региона — преемником Калининского государственного института (университета) им. М. И. Калинина, в задачи которого входит обследование фольклора области. Не стал исключением для экспедиционной работы и Кашинский край, где в д. Челагино родился фольклорист Василий Иванович Симаков (1879—1955), который известен прежде всего как собиратель частушек. Время его жизни совпало со временем развития этого жанра, так как именно в начале XX в., по замечанию Н. И. Кравцова к первому сборнику «В. И. Симаков и народное творчество», «частушка интенсивно “осваивала” новые районы бытования, достигла классической художественной формы и наибольшего распространения»¹. Известным трудом Симакова является «Сборник деревенских частушек...», вышедший в 1913 г. в Ярославле. Материал для него был записан во многих губерниях России, в том числе и в Кашинском уезде Тверской губернии: деревни Челагино, Ченцы, Грешниково, Монаково, село Потуново². Свой вклад в собирание фольклора Кашинского края внесла и Лидия Васильевна Брадис — преподаватель Калининского педагогического института (университета) им. М. И. Калинина. Сбор материала для своей кандидатской диссертации она вела в сентябре 1951 г., когда лично познакомилась с Василием Ивановичем в его родной деревне³.

Как было сказано выше, в истории тверской фольклористики важное место занимают фольклорные экспедиции Калининского (Тверского) государственного университета. Особое внимание следует уделить экспедициям 70-х годов XX в., т. к. именно в июле 1971 г. под руководством Валентины Георгиевны Шоминой была проведена поездка «по следам» В. И. Симакова, в результате чего обследованы деревни, в которых в свое время делал записи и сам фольклорист. Экспедиция показала, что местный фольклор не статичен, тексты меняются, поэтому их необходимо фиксировать. Поездки за фольклорными материалами были проведены в 1972, 1974 и в 1977 г.⁴

Продолжаются полевые исследования на Кашинской земле и в наши дни, например, в 2013 г. в рамках учебной практики студентов филологического факультета была проведена поездка в усадебный комплекс с. Зобнино, где были записаны частушки, жестокие романсы, обряды (например, толкание яичницы). Не стал исключением и свадебный обряд⁵.

¹ В. И. Симаков и народное творчество. Калинин: КГУ, 1977. С. 3—4.

² Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. Ярославль: Типограф. К. Ф. Некрасова, 1913. С. 657—658. См. также: Петров А. А. Изучение частушек Тверского края // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 112—115.

³ Брадис Л. В. Встреча в Челагине // В. И. Симаков и народное творчество. Калинин: КГУ, 1987. С. 7—10.

⁴ Шомина В. Г. Традиционный фольклор Кашинского района // В. И. Симаков и народное творчество. Калинин: КГУ, 1987. С. 33.

⁵ Петров А. А. Полевые исследования в Тверской области в 2013 году: фольклорно-этнографическая экспедиция в Кашинский район // Усадебный локус и фольклорный текст: из экспедиционных материалов. Тверь: Изд-во Ма-

Заметим, что этот обряд довольно часто привлекался фольклористами и этнографами к изучению и в ряде областей России подробно описан. История описания тверской свадьбы имеет свое начало в XIX в. Однако это были несистемные записи. Научный системный интерес к данному обряду проявился в XX в. Ряд текстов из экспедиций в Старицкий, Торжокский, Ржевский, Зубцовский, Калязинский, Кашинский районы представлены в различных публикациях и научных статьях¹.

Многую был изучен личный фонд В. Г. Шоминой в Государственном архиве Тверской области (ГАТО), где среди ее документов были обнаружены материалы экспедиции (июль 1974 г.), записанные студентами Калининского государственного университета. Среди записей по свадебной тематике были выявлены лирические жанры (свадебные песни, исполнявшиеся во время обряда, а также величальные и корильные песни участникам свадьбы), а также прозаические жанры — от описаний свадебного обряда до мемората «Как я замуж выходила».

Из слов информанта М. И. Велковой мы узнаем, что запрашивали «цену дочери» и готовили достойное приданое². Выбор невесты жениху зависел от него, так как чаще всего они «не дружили» и парень сам выбирал себе девушку и приезжал свататься. На сватовстве пели песни свату, восхваляющие его («Князь, сударь хороший»³, «Уж сватушка, мой сватушка»⁴). Но если сват не подавал деньги за песни, пели и корильные — «Околеть бы тебе, сватушка»⁵, «Уж свату-ходателю»⁶.

Информант П. М. Брянцева упоминает также и о традиции проведения девишника и парнишника. На девишнике обычно «поют песни, пьют чай»⁷. Более полную информацию об этом этапе свадебного обряда сообщила А. А. Сорокина: «Невеста сидит с краю у красы. На девишник приходят и парни. Все садятся за стол с красой. Невеста плачет. Мать причитает. Девушки запевают. Жених рвется унять плачущую невесту. Его не пускают в дом. После этого парни расходятся по домам, а девушки остаются ночевать у невесты. Причем самые близкие две подруги ложатся с ней вместе спать на кровать одну, по краям»⁸. Также со слов А. А. Сорокиной мы узнаем, что «на девишнике девушка сидит в черном платке»⁹. Все это говорит о том, что проводы девичьей жизни сопровождались плачем и причитаниями, носили скорбный характер, ведь после замужества девушка теряла свою «красу». Обязательно были на девишнике такие песни, как «Рано по росе не во трубоньку трубят»¹⁰, «Течет речка не колышется»¹¹, «С малолетства

рины Батасовой, 2013. С. 8–9.

¹ Михайлова И. А., Петров А. А. Старинные свадебные обычаи в Бежецком крае (из истории тверской фольклористики: фонд А. Г. Кирсанова) // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888–1944): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. А. А. Петров. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 98; Переизд.: Бежецкий край: Историко-краеведческий альманах. Вып. № 11. Бежецк: Ванчакова линия, 2014. С. 8.

² ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 234–235.

³ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 147.

⁵ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 317.

⁶ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 126.

⁷ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 358.

⁸ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 78–79.

⁹ Там же. Л. 79.

¹⁰ Там же. Л. 315–317.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 23–24.

косоньку маменька плела»¹ и др. Особое внимание уделяли песне «Круты бережки сахарные»², которая означала прощание с девичьей красотой.

Затем шел день свадьбы. Молодые приезжали в церковь, согласием отвечали на вопрос священника, а затем три раза обходили вокруг аналая. После чего начиналось застолье, где также исполняли песни, например, «Виноград расцветает»³, которая пелась сразу же после венчания, а величальная «Что хорош у нас хозяин во дому»⁴ исполнялась тогда, когда новобрачные приезжали из церкви. Пели величальные песни и шаферам, например, «Березничек частоват»⁵. Песнями «Разметайте место метлами»⁶ и «Посмотри ты, Марьюшка»⁷ воспевали молодых и поздравляли их с праздником. В конце первого дня «оставляют молодых одних»⁸.

Второй день семейной жизни начинался так: заставляли невесту «пол мести, дров принести и т. д. Утром на второй день невесту с женихом будят свахи, разбивая под окном что-нибудь из посуды. Каждый день невеста меняет платья»⁹. Кроме того, на второй день исполняли песню «Калинушка с малинушкой»¹⁰.

Итак, нами в архиве было выявлено 32 текста, относящихся к кашинскому свадебному обряду, из которых 6 прозаических и 26 лирических (в том числе 3 величальные и 1 корильная песни). Тексты были записаны в Кашинском районе в деревнях Чагино, Старово, Путилово, Зеленцыно, Троицкое (Троицыно), Алексеевское, Малое Макарово, Вознесенье и селе Покровское. Запись велась от женщин, возраст которых составил 72–77 лет (за исключением 2-х информантов, чей возраст достиг 85 лет). Возраст информантов свидетельствует о том, что в 1970-х гг. свадебный обряд находился в пассивной памяти пожилых женщин, передача свадебных песен молодым исполнителям угасает. В эти же годы в Кашинском районе была возможность зафиксировать свадебные песни, исполнявшиеся в довоенный период.

Ниже в Приложении мы публикуем материалы из архива В. Г. Шоминой. В текстах частично сохранена орфография рукописей, отличающая диалектные особенности языка, например, написание *девишник*, *ево*, *пондравился* и др.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. Свадебный обряд

Свадьба начинается в воскресенье. В субботу увозят сундуки с добром невесты (одеялами, подушками, постельным бельем, платьями и т. д.). Привозят сундуки. Угощаются. Ждут, когда жених уплатит.

Невеста спрыгивает с воза и, заходит в комнату и садится спиной к окошку. Мать голосит. Приходят девушки. На столе стоит самовар, в него воткнута елка, куколка-краса. Невеста сидит с краю у красы. На девишник приходят и парни.

¹ Там же. Л. 27–28.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 38.

⁵ Там же. Л. 39–40.

⁶ Там же. Л. 147.

⁷ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 80.

⁸ Там же. Л. 359.

⁹ Там же. Л. 78–79.

¹⁰ Там же. Л. 81.

Все садятся за стол с красой. Невеста плачет. Мать причитает. Девушки запевают. Жених рвется унять плачущую невесту. Его не пускают в дом. После этого парни расходятся по домам, а девушки остаются ночевать у невесты. Причем самые близкие две подружки ложатся с ней вместе спать на кровать одну, по краям.

Утром невеста садится на тулуп (говорят, что богато жить будет). Приходят отец или брат сряжать ее к венцу. Девушки косу чешут. К венцу жених с невестой едут порознь. Отец обувает дочь-невесту и кладет в туфельки под пяточку денежку. Так же обувают и жениха. Должно быть обязательно две свахи.

Приезжают в церковь. Жених берет невесту под руку, заходят в церковь. Поп берет их за руки и три раза обводит вокруг столика с Евангелием. Венчает. Обрат-но жених едет с невестой вместе. С ними же едут две свахи. Въехали в деревню и по всей деревне идут пешком, по аллее. Всеми воздается молодым похвала, до самого дому. Подходят к крыльцу. Выходит мать с иконой и хлебом. Раскидывает новину. Невеста должна бросить на икону или платье, или отрез на платье, или еще что. Мать благословляет их и целует. Входят в дом. Садятся за стол, начинается весе-лье. На девишнике девушка сидит в черном платке.

На второй день заставляли невесту пол мести, дров принести и т. д. Утром на второй день невесту с женихом будят свахи, разбивая под окном что-нибудь из посуды. Каждый день невеста меняет платье¹.

2. Посмотри ты, Марьюшка,
По своей по беседушке,
Все ли гости собраны,
Все ли напосажены?
«Все мои гости собраны,
Все напосажены,
Только дорогого мово гостя нету,
Государыни-матушки».
Раскройся, мать сыра земля,
Подымись, гробова доска,
Встань, родная матушка,
Зайди в горенку,
Погляди на дитятко,
Хорошо ль она снаряжена,
Высоко ль она посажена.
Пусть наделит матушка
Милого дитятко.

Песня поется для девушки-сироты, когда она приезжает после венчания².

3. Калинушка с малинушкой
Рано расцвела.

¹ Зап. Е. Азарян, О. Леженко от А. А. Сорокиной, 73 г., д. Троицкое (Троицыно) <!> Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Родилась и выросла в Ченцово. В Троицкое переехала после войны. Неграмотна. Пенсионерка. Знает много обрядов, поет охотно. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 78–79.

² Зап. Е. Азарян, О. Леженко от М. А. Козловой, 72 г. д. Зеленцыно Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Уроженка Великих Лук. В начале войны эвакуировалась с семьей в д. Зеленцыно. С тех пор жи-вет и трудится в колхозе «Путь Ленина». Ныне пенсионерка. Неграмотная. Участвовала в клубной самодеятель-ности. Веселая, с хитринкой. Поет увлеченно, с чувством. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 80.

Той порушкой-времечко
Меня матушка родила.
Не на силу ума-разума
Замуж отдала.
Рассержусь на матушку
И на батюшку,
Не пойду я в гостельки
Ровно три года.
На четвертый годочек
Пташкой прилечу.
Прилечу я пташечкой
На батюшкин сад.
Запою я песенку
Всяким голосам.
Не услышит ли родна матушка
И родной батюшка?
Услышали мои братцы-соколы,
Старший брат говорит:
«Надо пташку пристрелить».
Средний брат говорит:
«Надо загубить».
Малый брат говорит:
«Надо погодить —
Не наша ли горюшечка,
Не наша ли пташечка
Прилетела в зелен сад».

Песня исполнялась на второй день свадьбы.

4. Соколы, вы соколы!
Где далеко лётали?
Что вы слышать слышали?
Что вы видеть видели?
«Мы слышать слышали,
Мы видеть видели
Серу утку на море,
Селезня на западе».
Соколы вы, соколы!
Вы чего не поймали?
«Мы поймать не поймали,
Крылья перерозрали,
Кровь горячу разлили,
Дочь и мать розвели».

Исполняется, когда жених увозит невесту из родного дома.

5. Где ни пьет, где ни гуляет,
Где ни тешится собой,

Ночевать он к дому едет,
 Ко двору он подъезжает,
 Он Прасковью подзывает:
 «Ой, ты, женушка, выдь,
 Ой, ты, женушка, встретить».
 «Недосуг мне, недосуг,
 Я ведь сына снаряжаю,
 Я себе замену чаю,
 Перемену дорогую,
 Сноху молодую».

Исполняется для свекрови.

6. Хожу, брожу я по лесу,
 Припаду к земле и послушаю,
 Не услышу ль я голос тятенькин,
 Не услышу ль я подголосочек
 Родной маменьки?
 «Ты, ау, ау, дочка милая,
 Не в лесу ли ты заблудилась,
 Не в траве ли ты заплуталась.
 Ты носи платье да не складывай,
 Терпи горе, да не сказывай.
 Износя платье —
 Платье сложится,
 Перетерпи горе —
 Оно скажется».

7. Береги свою ты женушку,
 Не давай людям в обидушку,
 Не давай ветру дунути,
 Не давай дождю капнути.

Поется для жениха¹.

8. Меморат «Как я замуж вышла»

Расскажу я вам, девчонки, как я замуж вышла. Жила я в ту пору с бабенькой, отец и мать помёрли, остались мы сиротами, а было нас три сестры и два брата. Все мал-мала, я-то самая старшая была. Вот послала меня бабенька на базар (праздник какой-то был, я уж не помню), ребятишкам кой-чево купить, да и у меня товар был. Ведь бабка у меня рукодельницей была: как вышивала и кружева плела! Бывало, соберутся старухи в нашем доме, рукодельничают и песни поют и все такие протяжные, да жалостливые. А мы заберемся на печку и всё слушаем, слушаем. Ходили по очереди по домам-то. Я не дождусь, когда к нам придут в посиделки, уж больно я любила это. Ну, вот, девоньки, поехала я с дедом из нашей деревни с бабушкиными

¹ Тексты под номерами 3–7 зап. Е. Азарян, О. Леженко от М. А. Козловой, 72 г. д. Зеленцыно Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 82–86.

салфеточками, накидушками, что она сама сделала. Приезжаем — народу! Ярмарка в разгаре. Чем только там не торгуют, у меня аж глаза разбежались. А шуму-то, шуму, музыка кругом. Песни поют, пляшут, красивые все, нарядные. Мы с дедом поставили лошадь, где стоянка была. Дедушка мне и говорит: «Иди, девица, торгуй, а я пойду по своим делам, а там к вечерку подойдешь». И осталась я одна, нашла, правда, местечко, разложила товар. Бабы рядом стоят, кричат, зазывают, знать, а у меня как язык отнялся. И вдруг подходит ко мне парень один, нарядный такой, в хромовых сапогах. Волоса курчавые, черные, глаза тоже черные и усы. Я аж испугалась даже. И говорит он мне: «Что за товар у тебя, красавица, дай-ка выберу». А сам усмехается, а в глазах — черти, сузоровать, думаю, хочет. А он всё набирает, набирает, всё и взял, а денег не платит. И пошел. Чтобы вы думали, и я за ним сзади. Подходит к моей телеге (знать, видел, как мы приехали) и говорит: «Поеду сватать тебя, красавица». Я так и обомлела. «А это, — говорит, в приданое всё себе возьмем», — (то есть товар-то мой). А потом пошел пряников накупил, сладостей всяких, и поехали мы с ним. Я даже про деду-то забыла, вспомнила уж на полдороге. Подъезжаем мы к деревне, страх меня берет, бабы все выбегают, смотрят — дивятся.

Из моего дома выбежал мой младший братишка и кричит: «Бабенька, Манька-то с усачем каким-то приехала». Я говорю «усачу»: «Сиди, я одна домой пойду». Пошла и бабеньке всё и рассказала. Она руками всплеснула, слезьми <!> залилась: «Ангел ты мой, так что де ты наделала? Гляди сама, как хочешь». А я и сама-то ево не знаю, первый раз вижу-то. Ну, привела я ево в дом, родню свою всю зазвали, началось сватовство.

Пондравился он всем, звали ево Евдоким, уж больно имя-то редкое. Бабенька моя не могла выговорить, звала «зятек». А вечером дед прибыл с ярмарки, ох, и ругался он, а потом узнал, в чем дело, выпил, повеселел, ой, смеху-то было, дед, конечно, перепугался: ни Маньки, ни вороного — никого. Так и поженились мы, свадьба была веселая, шумная. Вся деревня потом долго вспоминала. Жили мы хорошо, дружно, да недолго пришлось нам пожить — Финская война началась. Ушел мой Евдокимушка на фронт и не вернулся. Я долго ждала, всё надеялась, ан нет. Уж все глаза я выплакала, так горевала, так горевала, ведь и дитя от нево не осталось у меня.

А потом потихонечку забывать стала, бабенькая у меня умерла, уж под 90 ей было (и с ней-то я намучилась, ох! как) да и сестренки с братишками остались все у меня на руках. Всех вырастила, разъехались оне все, а я одна осталась. Вот тут-то затосковала я, хоть волком вой. Пойду к бабеньке на могилку, уж плачу, плачу, а не поможешь ничем. И посватался опосле ко мне вдовец один, жена у нево скоропостижно умёрла и пятерых ребят оставила. Жалко мне стало ребятишек, пошла я к нему в дом, прихожу, а они все грязненькие, смотрят оне жалобно, у меня сердце аж зашло всё. И осталась я у них, вот вырастила всех, уж большие все стали, сейчас выучились все. Не забывают меня, ведь я им была родной матерью. Приезжают к нам с Василем, берегут нас. А вот первого мужа своего Евдокимушку всё помню, и женитьбу нашу никогда не забуду¹.

9. Раньше ведь как замуж выходили? И не дружили. А вот понравится парню девка и если родство у ней хорошее, то едут к ней свататься. Приезжают к невесте, говорят: «Пожаловали вот к вам за невестой». Цену отец дочери запрашивает,

¹ Зап. Н. Михайлова, Н. Федоренко от А. М. Волгиной, 72 г., д. Алексеевское Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Пенсионерка, очень серьезная, но разговорчивая; работала в колхозе 30 лет дояркой. Всё время живет в д. Алексеевское. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 195–201.

о приданом договаривается. Дают в приданое и корову, у кого денег нет, а потом и срок назначают. А приданое-то везут перед свадьбой к жениху. Сначала постель везут девкину: подушки, перину. Люди-то все дома собираются и ладят хорошее или плохое, а то скажут: «Чужое привезли».

Мать из дома благословляет дочку, а она икону поцелует и мать. Сряжают невесту подруги и песни поют разные, *уваль* одевали, она длинная до полу, платье покороче, чем сейчас носят. А по ували цветы на голову надевали. Первый день всё в белом платье сидела, а потом уж переряжалась. Песни на свадьбе пели разные:

Ты, сватушка, хорошенький,
Ты, сватушка, пригоженький.

Если мужик сидел за столом, «сват» назывался, а девка или баба — «сватья». Игнали на гармошках, разукрасят ее всю.

Невеста с женихом на лошадях ехали, у лошади сбруя вся блестит, а летом-то экипажи ходили, в кино-то кажут, закрытые на *лесорах*. Меня-то не так записывали, но помню я такие свадьбы¹.

10. Сдружились они. Решили пожениться. Сговорились через тетю. Тетя же ходила и в дом к девице, и в дом к парню. Сосватались, сговорились с чего начать, как и что. Снарядили лошадей, их (жениха с невестой) посадили в тележку, повезли в церковь. Народу много было. Как положено, шафера были в белых перчаточках, венцы держали. Со свечами молодых водят «*круг налою*». Фату невестину несет в руках шаферница, девушка. Платья раньше длинные были: хорошо, красиво. Спрашивают невесту, по любви ли она замуж выходит, а затем жениха спрашивают. Вечером стол готовят. Самая малость — два дня гуляют. А уж после первой ночи одевают невесте-молодке женский убор на голову.

Да, а до церкви устраивали девишник и парнишник. На девишник невесту собирают, наряжают, одевают, поплачут, попоют, любимая подружка заплетет косу, а только перед венцом одевают туфли. А на парнишнике жених созывает к себе товарищей, угощает их. А за невестой жених приходит только тогда, как ехать венчаться. Я-то сама ни разу не бывала на девишнике, но слыхала, как говорят².

11. Свадебный обряд начинается со сватовства. Потом зовут сватов поглядеть на невестиного отца. Если обе стороны поладят, то жених едет к невесте Богу молиться. Затем устраивают небольшое гулянье — *сиденье*. После сидения устраивают девишник, на который собираются одни девки. Они берут елку, украшают ее бумажками, лентами и идут к невесте. Невеста встречает их с плачем, угощает. Затем все поют песни. На девишнике никогда не пляшут.

Что при вечере, при вечере,
Что при Марьином девишнике,
Вот слетались ясны соколы,

¹ Зап. Н. Михайлова, Н. Федоренко от В. И. Старостиной, 60 л., д. Алексеевское Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Родилась в д. Алексеевское. 29 лет работала на ферме дояркой, последние 3 года на пенсии. Серьезная; песни любит, но поет редко. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 234–235.

² Зап. О. Ю. Аристова, З. О. Османова от М. Е. Велковой, 68 л., д. Путилово Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Сейчас на пенсии, но работает. С удовольствием поет песни односельчан. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 265–266.

Ясны соколы залетные,
Ясны соколы залетные.

После этого подружки чесали невесте косу. Невеста плачет и поет:

Рано по росе
Не во трубоньку трубят,
Плакала у нас девушка
По русое косе.
«Ой, любила я тебя, косанька,
Как часто чесать.
Ой, любила тебя, косанька,
Мелко выплетать.
Ой, разовьют-то мои косы,
Ой, разделят их на шесть частей,
Заплетут, ой, тебе косанька
Да на две косы,
Обовьют тебя, косанька,
<Нрзбр.> вокруг головы».

Собирается народ к невесте на ужин. После ужина невеста ломает ложку, которой ела, об колено. После того, как косу расплетут, невеста ночует с подругами. Рано утром будит их и плачет:

Спалась ли вам
Темна ноченька?
А мне горше-горько
Не спалася...

А жениху поют:

Что летал, сокол, по вишенью,
Что летал, сокол, по зелену,
Не сокол, а добрый молодец,
Что Ивана, сын Иванович.
Он искал себе голубушку,
Он нашел себе голубушку,
Все душу ли красну-девицу,
Анну-то Степановну.

Когда припевают свату, то восхваляют его. Но ежели сват не подает денег за песни, то ему песни, срамящие его.

Околеть бы тебе, сватушка,
Хоронить бы тебя, сватушка,
На дороге да без гроба бы.

Пели разные песни, в основном обращенные к жениху и невесте¹.

12. Жених приезжает с отцом, осматривает дом, поговорят, а потом уезжают. Через день пришла сваха сватать. Договариваются о дне богомоления. К этому дню готовится закуска, водка. Приходит жених с отцом, сваха просит меня раздеть жениха <!>. А сама обходит кругом и привязывает к хлястику кусок. Это чтобы в доме у молодых всегда был кусок хлеба. Тогда жених знакомится с невестой. Назначается день свадьбы. Вечером устраивается девишник. На девишнике поют песни, пьют чай.

На следующий день подружки моют невесту в бане, заплетают косу. Жених приезжает за невестой, и они вместе едут в церковь венчаться. Священник спрашивает — по нраву ли жених берет себе жену. Он отвечает: «Да». Тогда спрашивают невесту, по любви ли она берет себе мужа. Она тоже отвечает положительно. Священник читает им молитву, водит три раза вокруг аналая. Шаферы держат над головами молодых золотые венки. После церкви отправляются домой. Жених и невеста едят просвиру, разломав ее на две части. Начинается гулянье.

На второй день гуляют в доме жениха. На свадьбу приходит вся деревня: кто с подарками, а кто с деньгами. Поют песни, песни поются по отдельности: шаферу, невесте, жениху. Потом оставляют молодых одних².

13. Раскачалась грушица,
 Раскачалась зеленая
 Перед яблонькой стоячи —
 То расплакалась Марьюшка,
 Перед своей родимой маменькой,
 Перед своим родимым тятюшкой:
 «Ты родимая маменька,
 Ты куда много готовишься,
 Ты куда много пива варишь,
 Ты куда много гостей зовешь?»
 «Ты родимое мое дитятко,
 Я хочу тебя замуж отдать
 Не за князя, не за барина —
 За такого же крестьянина».

Песню пели девушки на девичнике в субботний день перед свадьбой.

14. Круты бережки сахарные,
 Полелейте мать быстрю-реку.
 Нам недолго было лелеяти,
 От весны было до осени.
 Ты родима моя матушка,
 Полелей ты своего дитятка.

¹ Зап. О. Бородкина, О. Филиппова от П. М. Брянцевой, 1905 г. р., д. Старово Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Малограмотная, жизнерадостная, боевая. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 315—317.

² Зап. Г. Арефьева, Л. Смирнова от Е. П. Петровой, 85 л., д. Чагино Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Неграмотная. Общительная, жизнерадостная, добрая женщина. Знает много сказок, но помнит лишь немногие. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 358—359.

Вам недолго было лелеяти:
С четверга было до пятничка,
А в субботу подевичничек,
В воскресенье-то разлучный день:
Разлучаться с отцом-матерью.
Со всем родом, со всем племенем,
Со голубушками-подруженьками.

Песню пели девушки на девичнике. Девичник проходил так: мать невесты в субботу перед свадьбой собирала девушек и угощала их. Девушки лентами и цветами рядили елку («краса»). Пели песни. Невеста прощалась со своей девичьей красой.

15. Течет речка не колышется,
Течет матушка Нева-река.
Что сидит у нас Татьянушка,
Что сидит и не усмехается:
«На что мне усмехатися,
На что глядя любоватися?
У моей родимой матушки,
Что полно и вороных коней,
Полна гостей горница.
Собрались все гости, съехались,
И родные солетелися.
Одного там гостя нету,
Что родимого-то тятеньки.
«Уж ты мой милый брат,
Ты сходи-ка на широкий двор,
Ты возьми-ка золоту узду,
Обратай коня любого,
Самого лучшего.
Ты езжай-ка с широка двора,
Выезжай-ка ты на улицу,
Поезжай-ка ко божьей церкви,
Ты ударь-ка в большой колокол».
«Расступись, ты мыть сыра земля,
Ты восстань, родимый тятенька,
На мою ли свадьбу горькую.
Что срядить-то меня есть кому,
Благославить-то некому
Под златой венец стоячи».

Эту песню пели девушки на девичнике, если замуж отдавали сироту. Исполнительница дает пояснения, что эту песню пели девушки хором, что песня очень грустная. Это чувствуется и по тому, как она наговаривает слова песни.

16. А вьюн на воде извивается,
А сват у ворот убивается,

Сват просит свою,
 Свою суженую, свою ряженую.
 Вывели ему коня в седле,
 В золотой узде.
 «Это не мое суженое,
 Не мое ряженое».
 Вынесли ему сундук с добром,
 С золотым замком.
 «Это не мое суженое,
 Не мое ряженое».
 Вывели ему красну-девицу,
 Девицу-красавицу.
 «Это всё мое суженое,
 Мое ряженое».
 А вьюн на воде извивается,
 А сват у ворот убивается.

Песню пели девушки с «красой» сватам у дома невесты. Объяснение исполнителя: «краса» — елка, украшенная цветами и лентами в день девичника перед свадьбой.

17. С малолетства косоньку
 Маменька плела,
 На возрасте русую
 Сама чесала.
 Чесала-писала,
 Сама себя красила.
 А теперь мою косоньку
 Подружка плетет.
 На утро тебя, косонька,
 Свахи разовьют,
 Разделят тебя, косонька,
 На шесть долей,
 Заплетут тебя на две косы,
 Обовьют тебя, косонька,
 Вокруг головы.
 Лишилась Натальюшка
 Девичьей красы.
 Любуйся, Натальюшка,
 Бабьей красе,
 Девичья-то краса
 В поле на лугу
 Бабья красота —
 На печи в углу.

Песню пели девушки на девичнике. В конце песни исполнительница рассказывала, что раньше девушка носила всегда одну косу, а когда ее отдавали замуж, ей заплетали две и укладывали на голове.

18. Что летал сокол по вишенью,
Не сокол, а добрый молодец.
Он искал себе голубушку,
Голубушку красну-девицу.
Он нашел себе голубушку
Не во саде, не во вишенья —
Во высокие во тереме.
«Кто же тебя вспоил-вскормил?»
«Вспоил родимый тятенька,
Вскормила родна матушка,
Срядили родны братья,
Соподобили милы сестры
Под золотой венец стоячи».

Песню пели девушки жениху. Исполняется весело.

19. Величальная
Виноград расцветает,
А ягада, а ягада созревает.
Виноград, свет Василий,
А ягада, а ягада, свет Иванович,
А ягада, а ягада, и Натальюшка его.
Им люди завидуют,
Что хорош, что пригож,
Во беседушке сидит.

Песню пели девушки жениху и невесте после венчания.

20. Ой, цветы вы мои, цветики,
Голубы цветы, лазуревы,
Что немало вас было посеяно,
Но немного уродилося.
У нас много было девушек,
У нас не было изменщицы,
Появилась изменщица,
Изменщица-красна девица.
Говорила: «Я замуж нейду,
Не пойду и не подумываю».
Говорила: «В монастырь пойду,
В монастырь пойду во девичий,
Я меньшу сестру с собой возьму...»

Не закончено. Песню пели девушки невесте на девичнике.

21. Величальная

Что хорош у нас хозяин во дому,
Что Иван-то свет Васильевич!

Поздравляем мы вас с праздничком,
 Что с такими с новобрачными:
 С Николаем-то Иванычем
 И с такою новобрачною,
 Что с Татьяной-то Кузминичной.

Песню пели девушки в доме жениха, когда новобрачные приезжали из церкви.

22. Березничек частоват,
 А кто у нас не женат?
 Не женат у нас один,
 Что Василий-господин.
 Ему сестры говорили:
 «Не пора ли, брат, жениться,
 Не пора ли, брат, жениться,
 На добра коня садиться,
 К тестю в гости ехать?»
 Он к воротам подъезжает,
 Он и Нюру выкликает:
 «Уж ты, Нюрочка, выдь,
 Свет-Ивановна встретить».
 «Я бы рада встретила,
 Буйный ветер не дает,
 Буйный ветер не дает —
 С головушки цветы рвет».

Песню пели девушки шаферам.

23. Разлилися, разлелеялись
 По лугам-то воды вешние.
 Унесло и улелеяло
 У Ивана дочь любимую.
 Выходила ее маменька,
 Выходила на крылечушко
 И кричала громким голосом:
 «Ты родимо наше дитятко,
 Позабыла ты троя-ключи,
 Не троя-ключи позабыла,
 Позабыла волю тятеньки,
 Во-вторых, негу маменьки,
 А во-третьих, красу девичью,
 Красу девичью вопевичью».

Песню пели девушки на девичнике¹.

¹ Тексты под номерами 13–23 зап. от А. С. Балакиревой, 77 л., с. Покровское Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., 1974 г. Уроженка д. Зеленцыно, в с. Покровское живет с 1957 г. Текст песен наговаривает. Александра Степановна в жизни видела много горя. У нее было три сына, ни одного нет в живых. В молодости она очень хорошо пела, знала много свадебных песен. Сейчас она с трудом вспоминает слова песни, но относится к ней очень бережно; понимает важность ее значения. Как и многие другие исполнители, она комментирует отдель-

24. Девушка выходит замуж, она плачет и причитает:

Красное ты солнышко,
Родимая ты моя матушка,
Послушай-ка меня,
Что я буду сказывать
И с горячими слезами
Буду упрашивать —
Благослови ты меня
За дубовый стол.

25. Красное ты солнышко,
Родимая ты моя матушка,
Что это стоит за древечко,
Без ветра стоит качается
И роняет широки листки?
Это не листы, а слезы,
Роняет горячие, слезы
На батюшку — дубовый стол.
Красное ты солнышко,
Родимая ты моя матушка,
Благослови ты меня
Под злат венец.

26. Уж голубушки вы мои,
Любезные подруженьки,
Не осудите меня,
Что я вас не встретила
Среди улицы широкой —
Загорожена моя вся дороженька,
А встретила я вас
Среди горницы новой,
За стулами дубовыми
И скатертью самобраною,
Голубушки вы мои,
Любезные подруженьки,
Садитесь вы со мной
За дубовый стол¹.

27. Корильная

Уж свату-ходателю
Помереть бы ему, проклятому,
На эту бы полушку

ные моменты в песне, тем более что песню она рассказывает, а не поет. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 14, 21—30, 37—40, 44.

¹ Тексты под номерами 24—26 зап. Л. Володина, Н. Обоева, Н. Субботина от В. С. Арефьевой, 75 л., д. Вознесенье Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., 1974 г. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 118.

Купить бы телушку,
Отвести бы за баню,
Разодрать бы зубами.

28. Величальная

Благодарствуй, хороший,
Благодарствуй, пригожий,
Мы тебе песни поем,
Мы тебе честь воздаем.

29. Князь, сударь хороший,
Князь, сударь пригожий,
Догадайся, за голубку рассчитайся.

30. Прилетела голубка,
Золотая головка,
Сидела голубка
Посреди избы на лавке,
Горевала голубка
Об своей родной сторонке¹.

31. Уж ты сватушка, мой сватушка,
На беседе сидишь,
Своей женой восхваляешься:
«У меня-то жена — барыня,
У меня-то жена — государыня,
И без хмеля-то пиво варила,
Без дрожжей пироги пекла».

32. Девушки пели молодым

Разметайте место метлами,
Выстилайте двор коврами,
Приехал князь со княгиней,
Николай-то с Анисьей².

¹ Тексты под номерами 27–30 зап. Л. Володина, Н. Обоева, Н. Субботина от А. К. Растудовой, 73 л., д. Малое Макарово Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., 1974 г. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 126.

² Тексты под номерами 31–32 зап. Л. Володина, Н. Обоева, Н. Субботина от А. А. Кораблевой, 85 л., д. Вознесенье Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., 1974 г. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 146–147.

О. М. Кузьмина

РЖЕВСКАЯ СВАДЬБА В ЗАПИСЯХ XIX ВЕКА¹

Свадебный фольклор принадлежит к числу наиболее богатых и особенно сложных многокомпонентных форм среди других ритуалов у народов Европы². Здесь в своем гармоничном сочетании соединены элементы словесно-поэтического, музыкального, хореографического и драматического искусств. Одно из первых упоминаний о ржевской свадьбе мы находим в «Этнографическом сборнике», где приводятся описание обряда и записи текстов³, сделанные в 1849 г. Указание на этот год следует из замечания автора статьи, священника С. Разумихина, который пишет, что в «бывшем 1848 году» была холера⁴.

Фиксация этих текстов связана с тем, что в первой трети XIX в. в России сформировалось движение по сбору фольклора, в том числе и различными государственными научными объединениями, так, в 1845 г. было создано Русское географическое общество (РГО). Практическая деятельность российских научных обществ во многом определила поисково-исследовательскую направленность изучения фольклора. Ими была создана база для проведения теоретических и практических изысканий, необходимых в этнографических экспедициях, накоплен опыт организации полевой работы. Итогом деятельности РГО стал выпуск «Этнографического сборника», куда и вошли указанные ржевские материалы.

В публикации С. Разумихина⁵ «Село Бобровки и окружной его околоток. Тверской губернии Ржевского уезда» содержится целый цикл очерков-зарисовок («Наружность», «Язык», «Домашний быт» и т. д.⁶), а свадебное действие описано в разделе «Обряды при свадьбах»⁷, где оно следует за рассказом о семейно-родовом сходе-обеде после церковного таинства крещения. «Обряды при свадьбах», описанные Разумихиным, имели несколько этапов. Во-первых, это сватовство, на котором после положительного ответа происходило рукобитье. Затем описывается свадебное утро у жениха и обед в его доме; мена хлебами крестных отцов в доме невесты. Далее шли переговоры дружек и выбор невесты из общего ряда

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Тверской области в рамках научно-исследовательского проекта «Музыкальная культура провинциального регионального центра России. Ржев на рубеже XIX–XX вв.» (№ 14-14-69008; а/р).

² Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы / Ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1978. С. 3.

³ *Разумихин С.* Село Бобровки и окружной его околоток. Тверской губернии Ржевского уезда // Этнографический сборник. Вып. I. СПб.: Типограф. Министерства внутренних дел, 1853. С. 235–282.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Об авторе известно немного: Семен Разумихин был священником Ржевского уезда. Есть некоторые сведения о его сыне, который в ржевской среде слыл весьма уважаемым горожанином. Леонид Семенович Разумихин занимал довольно высокое служебное положение: был частным поверенным при Ржевском уездном суде. Его приемный рабочий кабинет находился на набережной Волги (дом Федора Сазонова). Он имел хорошее юридическое образование, обладал писательским даром и высоким художественным интеллектом. Работал в области литературно-краеведческих изысканий. В архиве краеведческого музея г. Ржева сохранилась фотокопия его брошюры о становлении концертно-театрального движения в городе (1895 г.). — О. К.

⁶ Д. Бобровка в настоящее время относится к Оленинскому району Тверской области, тогда же это была «юго-западная четверть Ржевского уезда». См. *Разумихин С.* Село Бобровки... С. 235.

⁷ Там же. С. 253–266.

четырёх девиц с закрытыми лицами, после чего происходило угощение в доме невесты (сыром, вином, пивом), а затем и обед. Далее совершалось венчание, после которого ехали к жениху. У порога дома жениха проходило благословление хлебом-солью, после чего была общая трапеза, во время которой величали гостей и одаривали певиц. Завершался первый день в свадебном доме общим сном гостей на полу, устланном соломой. На следующий день, утром, в избу приходила молодая и убирала солому, однако гости вносили новой, тем самым заваливали «соломою почти всю избу»¹, после чего молодая просила заступничества у отца.

Описание рассказа о местной свадьбе снабжено разного рода подробностями этого ритуального действия, например, на утро в доме жениха собираются гости, в отдельном помещении наряжают молодого, где присутствуют 6–8 участников поезда, которые затем едут с женихом за невестой. Именно они ставят жениха обеими ногами на сковороду, а его товарищи ставят на нее только правую ногу, образуя своеобразную круговую защиту, и целуют святой образ, дружка жениха в это время говорит: «Ну, цалуйте Божие милосердие, щоб (чтобы) стаятсь друг за друга, брат за брата, за единую кровь капли...» Как отмечает автор, «все это, как видно, составляет у них род присяги»². Затем идут в избу: первым идет тысяцкий — крестный отец жениха или невесты с иконой, затем жених, потом дружок и поезжане. Анализ записи свадебного действия, зафиксированного в Ржевском уезде в первой половине XIX в., показывает сохранность многих ритуальных событий, восходящих к древности, а также их магический смысл.

В середине XIX в. государственные и частные средства массовой информации также обращаются к фольклору. На страницах этих изданий публикуют тексты народных песен и отрывочные сведения о традиционной народной культуре. Например, сведения по проведению особого обряда можно обнаружить в одной из столичных газет, где рассказывается, видимо, об очень древнем местном ржевском обычае карнавального действия: «Во время ярмарки, начиная с субботы первой недели Великого поста, молодые парни и девки заранее запасаются горохом и идут на место ярмарки, где упражняются киданием друг в друга горошин»³. Вероятно, это древний ритуальный обряд «первого зарученья» — предвестника свадебных игр.

В 1862 г. выходит пятый выпуск «Этнографического сборника», где в статье П. Сокальского «Свадебные обычаи в Ржевском уезде» приводятся сведения о ритуале свадебного обряда, бытующего на Верхневолжье. Записи были сделаны в 1855 г., однако место фиксации в публикации не отражено⁴. Описание Сокальского отличается от записей Разумихина: хотя наблюдения П. Сокальского также проходили на Ржевщине, но его записи имеют иную локальную приуроченность. Одно из главных отличий от обряда, записанного Разумихиным, состоит в том, что накануне свадьбы в избу жениха (князя) съезжаются обе семьи: и жениха и невесты, а ее саму в венчальном наряде, окруженную родными и закрытую покрывалом, уводят в отдельную комнату (или избу), где она находится до определенного момента ритуального обряда.

¹ Там же. С. 265.

² Там же. С. 255.

³ Ржевский карнавал // Московские ведомости. 1860. № 47. С. 1.

⁴ Сокальский П. Свадебные обычаи в Ржевском уезде // Этнографический сборник. Вып. V. СПб.: Типограф. Министерства внутренних дел, 1862. С. 59–63.

В комнату или дом, где находится жених, *дружка* (иначе называемый *знахарь*) приносит «грестьяный» камень, который укрепляется на полу, а на него ставится сковорода. Потом вместе с родными *дружка князя* поднимает жениха и аккуратно, не касаясь земли, ставит его на сковороду, чтобы не раздавить камень. Затем снимает с божницы икону и «с восковой свечой в руках ходит вокруг жениха, творя свои молитвы»¹, трижды обходя его. Не задевая краев сковороды и земли, жениха переносят на пол. После этого обряда *дружка* резко бьет по сковороде топором и, разбивая камень, приговаривает: «Как этот камень разбился, так чтобы все враги нашего князя распались»².

Далее жениха берут под руки и ведут к избе или комнате княгини. Впереди идет *дружка*³ со свечой и плетью за поясом, причем она при нем всегда, в т. ч. в церкви. Перед входной дверью он трижды ударяет плетью и трижды приоткрывает ее, после чего все входят в комнату невесты, где она покрыта покрывалом. Князь и княгиня взаимно раскланиваются и становятся рядом. В комнате — стол, накрытый белой скатертью, где поставлены хлеб-соль, пиво в кружках, вино. *Дружка*, называя по имени родных, просит благословить их молодых. После чего им предлагается напиток. Выпивая, гости кладут в чашку невесты монету, раскланиваются и уходят на свое место. В обряде участвуют все присутствующие.

После совместного ритуального вкушения («обряд испивания за здоровье новобрачных»⁴) вызывают «охотников петь», которые награждаются деньгами, пирогом, пивом. За песнями следуют пляски, которые оплачиваются теми, для кого поют. Далее все садятся ужинать, где угощаются говяжьим студнем, пирогом, серыми (из первых листьев) щами, бараниной. После каждого нового блюда подается вино. Пир продолжается далеко за полночь, после чего княгиню увозят в свою родную избу. Жених же остается дома, где был пир.

На следующий день происходит венчание. *Дружка*, когда едет со свадебным поездом за невестой, припасает вино, пиво, пироги, пряники, чтобы выкупить молодую. Проходя «заставы», где путь загроможден кольями, бревнами, он задабривает всех, кто мешает проезду, и раздает лакомства. Если чья-либо сторона (жених или невеста) приедут раньше, то сберегаются в «караулке» или доме церковного сторожа. После венчального обряда едут домой к жениху, их встречают хлебом-солью. На лавках, где приготовлены места для жениха и невесты, лежат вывороченные шубы, которые *дружка* бьет плетью с приговорами. Места молодых обычно тоже бывают заняты, и *дружка* отдает выкуп за них, после чего жених и невеста устраиваются за столом.

На обеденном пиршестве всем поезжанам *дружка* раздает дары, приготовленные невестой. Происходит это так: *дружка* на плети подает, например, платок, и гость оплачивает свой подарок, складывая деньги в приготовленное блюдо. На следующий день, утром, молодых отправляют с ушатом за водой. У колодца их уже ожидает толпа, которая разбрызгивает и выливает на молодых воду, отнимает ковш. По дороге им также делают «заставы», где они откупаются дарами.

Исследования свадебного обряда Ржевского края и, в целом, смоленско-тверского помежья продолжались и далее. С целью записи песен, обрядов, сказок и

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 60.

³ В статье приводится двойное написание — и *дружка*, и *дружко*. — *Сост.*

⁴ Там же. С. 61.

других видов традиционной народной культуры в конце семидесятых годов XIX в. сюда приезжал П. В. Шейн, а летом 1924 г. была организована Верхне-Волжская экспедиция Российской Академии истории материальной культуры, в состав которой вошли исследователи из различных столичных учебных заведений и музеев¹. Практическим результатом этой поездки стали публикации Н. П. Гринковой². В статье «Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии» представлен обряд с подключением ранних записей П. Сокальского и С. Разумихина, что позволило автору описать историю развития ржевского обряда. Здесь же приведен текст 28 свадебных песен разной приуроченности.

Как видим, история изучения ржевской свадьбы началась в 1840-е гг. и представлена публикациями С. Разумихина и П. Сокальского. В своих исследованиях Н. П. Гринкова опирается на их труды, тем самым сравнивая эти записи с записями, сделанными в 1920-е гг.

---

¹ В частности, полученный материал был использован в статьях: *Гринкова Н. П.* Очерки по истории развития русской одежды (поясные украшения) // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 66–94; *Она же.* Монографическое изучение диалектов как материала для истории языка // Уч. зап. Ленинградского Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 20. Л., 1939. С. 85–106 и др.

² *Гринкова Н. П.* Старая и новая свадьба Тверской губернии: Из материалов Верхне-Волжской экспедиции РАИМК // Ржевский край: Сб. Ржевского общества краеведения. № 1. Ржев: Изд. Ржевского общества краеведения, 1926. С. 98–142; *Она же.* Одежда тудовлян Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1–2. С. 83–96.

ТВЕРСКАЯ СВАДЬБА В АРХИВАХ

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ ТОРОПЕЦКОГО РАЙОНА ИЗ АРХИВА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТвГУ

Подготовка текстов А. А. Петрова

1. Поздравляем мы князя,
Мы князя, мы князя.
Со княгиней молодой,
Со княгиней молодой,
Молодой, молодой.
С молоденькой со душой,
С молоденькой со душою,
Со душой, со душой.
С обручальным со кольцом,
С обручальным со кольцом,
Со кольцом, со кольцом,
Со кольцом, со кольцом.
И со златым со венцом,
И со златым со венцом,
Со венцом, со венцом,
Со венцом, со венцом.

2. Березничек листоватый,
Березничек листоватый,
Лёли, лёли, листоватый,
Лёли, лёли, листоватый.
А кто ж у нас не женатый?
А кто ж у нас не женатый?
Лёли, лёли, не женатый,
Лёли, лёли, не женатый?
У нас Коля не женатый,
У нас Коля не женатый,
Лёли, лёли, не женатый,
Лёли, лёли, не женатый.
Ему мати говорила,
Ему мати говорила,

Лёли, лёли, говорила,
Лёли, лёли, говорила.
Время, дитятко, жениться,
Время, дитятко, жениться,
Лёли, лёли, ой, жениться,
Лёли, лёли, ой, жениться.
На что ж, мама, мне жениться,
На что ж, мама, мне жениться,
Лёли, лёли, мне жениться,
Лёли, лёли, мне жениться.
Меня и так девушки любят,
Меня и так девушки любят,
Лёли, лёли, девки любят,
Лёли, лёли, девки любят.
По сенюшкам девки водят,
По сенюшкам девки водят,
Лёли, лёли, девки водят,
Лёли, лёли, девки водят.
Виноградным вином поют,
Виноградным вином поют,
Ой, лёли, вином поют,
Ой, лёли, вином поют.
Я не пью вина такого,
Я не пью вина такого,
Вина такого, вина зеленого,
А я пью наливку,
Три рубля бутылку,
Ой, лёли, лёли,
Три рубля бутылку.

3. А кто же у нас гость большой,
Гость большой, гость большой,
Гость большой и дорогой,
Дорогой, дорогой,
Посмотри-ка на себя,
На себя, на себя,
А кто ходил окол тебя,
Окол тебя, окол тебя.
А всё ходят всё бобры,
Всё бобры, всё бобры,
Всё лесные соколы,
Соколы, соколы,
На них шубки новые,
Новые, новые,
Шапочки бобровые,
Бобровые, бобровые,
На шапочках ленточки,
Ленточки, ленточки,

На ленточках пташечки,
Пташечки, пташечки,
Поют разным голосом,
Голосом, голосом,
Расчудесным словесом,
Словесом, словесом.

4. Ой, спасибо, гость большой,
Гость большой, гость большой,
Одарил нас хорошо,
Хорошо, хорошо.
Не добавить ли еще,
Ли еще, ли еще.

5. Молодушка, кур летит,
Кур летит, кур летит,
Молодушка, перейми,
Перейми, перейми,
И в платочек заверни,
Заверни, заверни,
Ленточками завяжи,
Завяжи, завяжи,
Ну, давайте ж толковать,
Толковать, толковать,
Куда кур определять,
Пределять, пределять,
Поселите на нашестъ,
На нашестъ, на нашестъ.
Кур рано будем уставать <!>,
Уставать, уставать.
Будем громко запевать,
Запевать, запевать,
Молодушку пробуждать,
Пробуждать, пробуждать,
Свекровушке помогать,
Помогать, помогать.

6. Как с под месяцу,
Как с под месяцу,
Звезды частые, звезды частые,
Как с под зорюшки,
Как с под зорюшки,
Луны ясные, луны ясные,
Как у Ванюшки,
Как у Ванюшки,
Кудри русые, кудри русые
По плечам лежат,
По плечам лежат,

Словно жар горят, словно жар горят,
Словно жар горят, разгораются.
Никто к кудрюшкам,
Никто к кудрюшкам
Не признается, не признается,
Признавалась, признавалась
Жена-барыня, жена-барыня,
Приняла кудри, приняла кудри
На белы руки, на белы руки,
Поживем, кудри, поживем, кудри,
Хорошенечко, хорошенечко,
Наживем, кудри, наживем, кудри,
Сына барина, сына барина,
Сына барина, дочь боярыню,
Дочь боярыню, дочь боярыню.
Заведем родню, заведем родню,
Всё богатую, всё богатую,
Не спесивую, не спесивую,
Не ломливую, не ломливую¹.

7. А кто ж у нас белая?
У нас Таня белая,
У ней платье светлое.
У платица есть карман,
А в кармане есть платок,
Бел платок.
У платочка три узла:
Первый узел с беленой, беленой,
Люли, люли, с беленой,
Чтобы белая была.
Другой узел с румяной, румяной,
Люли, люли, с румяной,
Чтоб румяная была,
Чтоб румяная была.
Третий узел не скажу,
Не скажу, не скажу,
Только другу покажу².

8. Березеночек листоватый,
И кто у нас не женатый,
У нас Гриша не женатый,
К нему мать подходила,
Тихонечко говорила:
«Дитёночек, оженися».

¹ Номера 1–6 зап. Н. Быкова от Е. Г. Ивановой, 66 л., д. Бор Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл., 1990 г. Тетр. 257.90. Л. 1–5.

² Зап. И. В. Боровков от М. М. Савельевой, 65 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл., 8.01.1990 г. Тетр. 259.90. Л. 1.

«А на что мне, мать, жениться,
Меня так девушки любят,
По новым сеньюшкам водят,
Черносливом-сливом кормят,
В <углу> сладко целуют».

Примечание: эти песни (номера 7–8. — А. II.) поет старшее поколение. Песни записаны по просьбе¹.

9. А кто ж у нас белая,
А кто ж у нас белая,
Белая, белая,
Белая, белая.
А у нас Таня белая,
У нас Таня белая,
Белая, белая,
Белая, белая.
На ней платье светлое,
На ней платье светлое,
Светлое, светлое,
Светлое, светлое.
В этом платье есть карман,
В этом платье есть карман,
Есть карман, есть карман,
Есть карман, есть карман.
А в кармане бел платок,
А в кармане бел платок,
Бел платок, бел платок,
Бел платок, бел платок.
А у платочки три узла,
У платочки три узла,
Три ўзла, три узла,
Три ўзла, три узла.
В одном ўзле белена,
В одном ўзле белена,
Белена, белена,
Белена, белена.
На что Тане белена,
На что Тане белена,
Белена, белена,
Белена, белена?
А чтобы белыя была,
Чтобы белыя была,
Белая, белая,
Белая, белая.
Втором ўзле румяна,

¹ Зап. И. В. Боровков от Е. К. Логиновой, 73 г., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл., 9.01.1990 г. Тетр. 259.90. Л. 1 об. — 2.

Втором ўзле румяна́,
 Ру́мяна, румяна́,
 Ру́мяна, румяна́.
 На что Тане румяна́,
 На что Тане румяна́,
 Ру́мяна, румяна́,
 Ру́мяна, румяна́.
 А чтоб румяная была,
 Чтоб румяная была,
 Ру́мяна, румяна́,
 Ру́мяна, румяна́.
 В третьем ўзле василька́,
 В третьем ўзле василька́,
 Ва́силька, василька́,
 Ва́силька, василька́.
 На что Тане василька́
 На что Тане василька́,
 Ва́силька, василька́,
 Ва́силька, василька́.
 А чтобы весела была,
 Чтобы весела была,
 Весела, весела́,
 Весе́ла, весела́.

Примечание: поется невесте; песня записана с голоса, имя невесты взято исполнительницей произвольно; в каждом конкретном случае в песню вставляется новое имя¹.

10. А кто ж у нас хороший?
 Костенька хороший,
 Костенька пригожий.
 Роза, моя роза,
 Виноград зеленый.
 Он <в> хорошем ходит,
 Манерко ступает.
 Роза, моя роза,
 Виноград зеленый.
 Сапог не ломает,
 Каблук не сбивает.
 Роза, моя роза,
 Виноград зеленый.
 Он коня седлает,
 А конь с ним играет.
 Роза, моя роза,
 Виноград зеленый.
 Он палочкой машет,

¹ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. М. Савельевой, 68 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 14.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 3—6.

А конь под ним пляшет.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
Он улицей гонит,
А улица стонет.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
К садам подъезжает,
Сады расцветают.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
К крыльцу подъезжает,
Невеста встречает.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
Поди, мой хороший,
Поди, мой пригожий.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
Давно тебя ждала,
Давно поджидала.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
Давно дожидала,
Перинушку слала.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
Головницу клала,
Крепко обнимала.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.
Крепко обнимала,
Сладко целовала.
Роза, моя роза,
Виноград зеленый.

Примечание: поется жениху; песня записана с голоса, в каждом конкретном случае вставляется имя жениха¹.

11. Садик я садила,
Сама буду поливать,
Сама милого любила
Сама буду забывать.
А кто это за садочек,
За зелененький такой,
А кто это зы мальчишка,

¹ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. М. Савельевой, 68 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 14.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 7–9.

Развяселенький такой.
 Кырогоде при народе
 Стал девчонку занимать,
 А девчонке стало совестно,
 Стала плакать и скучать.
 А мальчишке стало жалко,
 Стал девчонку <вынимать>.
 Вынял беленький платочек,
 Стал он слезки вытирать:
 «Ты не плачь, моя милая,
 Ясна душечка моя,
 Буду ноничи жонится,
 Возьму замуж за себя».
 Твои родители богаты —
 Не зозволят взять меня,
 Твоя маменька ревнима —
 Ревновать будить меня,
 Твои сестры гулять ловки —
 Не возьмуть меня гулять.

Примечание: песня записана с голоса. По словам исполнительницы, песня поется как на свадьбах, так и в других случаях¹.

12. Бярезничек листовастый,
 Бярезничек листовастый,
 Лёли, лёли, листовастый,
 Лёли, лёли, листовастый.
 А кто ж у нас не жанатый,
 А кто ж у нас не жанатый,
 Лёли, лёли не жанатый,
 Лёли, лёли не жанатый.
 У нас Юра не жанатый,
 У нас Юра не жанатый,
 Лёли, лёли, не жанатый,
 Лёли, лёли, не жанатый.
 К яму мать подходила,
 К яму мать подходила,
 Лёли, лёли, подходила,
 Лёли, лёли, подходила.
 Тихонечко говорила,
 Лёли, лёли, тихонечко гыворила:
 «Дятёнычек ожанися,
 Дятёнычек ожанися».
 «На что мне, мать, жаниться,
 На что мне, мать, жаниться,
 Лёли, лёли, мне жаниться,

¹ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от Е. К. Логиновой, 76 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 13.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 10–11.

Лёли, лёли, мне жаниться.
 Мине так девушки любят,
 Мине так девушки любят,
 Лёли, лёли, девки любят,
 Лёли, лёли, девки любят.
 По новам сенюшкам водют,
 По новам сенюшкам водют,
 Лёли, лёли, девки водют,
 Лёли, лёли, девки водют.
 Черносливам <синам> кормют,
 Черносливам <синам> кормют,
 Лёли, лёли, девки кормют,
 Лёли, лёли, девки кормют.
 А на что мне, мать, жаниться,
 А на что мне, мать, жаниться.
 Лёли, лёли, мне жаниться.

Примечание: песня записана с голоса. По словам исполнительницы, эта песня пелась гостю на свадьбе — неженатому парню¹.

13. Все, все кукушечки летают по воле, по воле.
 Одна, одна кукушечка сидит у няволе, у няволе.
 А кто, а кто ж кукушечка тебя заневолит,
 Ой, тебя заневолит.
 Соловьюшко молоденький кукушечку заневолит,
 Ой, тебя заневолит.
 Не я, не я, кукушечка, тебя заневолит,
 Ой, тебя заневолит.
 Сама, сама кукушечка у сад прилятала,
 У сад прилятала.
 Со мной, со мной соловьюшкой речи щебетала,
 Ой, речи щебетала.
 <...>
 Как жаль, как жаль кукушечке — надо отвыкати,
 Надо отвыкати.
 Ко мне, ко мне соловьюшке, надо привыкати,
 Надо привыкати.

Исполнительница плачет. — *Прим. соб.*

Примечание: одна строка этой песни пропущена по нашей вине².

14. Все пташечки, кукушечки летают по воли,
 Ой, летают по воли.
 А одна, одна кукушечка сидит у няволи,

¹ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от Е. К. Логиновой, 76 л., пос. Плоскошь Торопецкого р-на Тверской обл., 13.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 12—14.

² Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. П. Резчиковой, 63 г., д. Шетнево <?> Торопецкого р-на Тверской обл., 10.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 33—34.

Сидит у няволи.
Зачем, зачем, соловьюшко, кукушку заневолил,
Серью заневолил.
Сама, сама кукушечка у сад прилятала,
У сад прилятала.
Со мной, со мной, соловьюшкой, долго щебетала,
Долго щебетала.
Соловьюшка молоденький, я тебя не знаю,
Я тебя не знаю.
Не знаешься — спознаемся, будим гыворити,
Будим гыворити.
Все девушки, все красныя гуляють по воли,
Ой, гуляють по воли.
Одна у нас девушка сидит у няволи,
Сидит у няволи.
А кто ж тебя Еленушка, а тебя зыняволил,
Ой, тебя заняволил.
Валерочка молоденький меня зыняволил,
Ой, меня зыняволил.
Валерочка молоденький, возьми меня в терем,
Ой, возьми меня в терем.

Примечание: конец песни забыт исполнительницей¹.

15. Ой, а кто у нас гость большой,
Кто у нас гость большой,
Гость большой, гость большой,
Гость большой, гость большой.
А Ванечка дырагой,
А Ванечка дырагой,
Дырагой, дырагой,
Дырагой, дырагой.
А его девки любили,
Его девки любили,
Любили, любили,
Любили, любили.
С собой гулять водили,
С собой гулять водили,
Водили, водили,
Водили, водили.
Ох, пы головке гладили,
Пы головке гладили,
Гладили, гладили,
Гладили, гладили.
На головке шапочка,
На головке шапочка,

¹ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. Волковой, 1921 г. р., д. Шетнево <?> Торопецкого р-на Тверской обл., 7.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 35–36.

Шапочка, шапочка,
Шапочка, шапочка.
А на шапочке лендычка,
На шапочке лендычка,
Лендычка, лендычка,
Лендычка, лендычка¹.

---

¹ Зап. О. Г. Голубева, О. А. Морева от М. Волковой, 1921 г. р., д. Шетнево <?> Торопецкого р-на Тверской обл., 7.07.1993 г. Тетр. 323.93. Л. 37–38.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД КАШИНСКОГО РАЙОНА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТвГУ

Вступительная статья и публикация А. С. Дмитриевой

Ниже мы публикуем текст из архива кафедры истории русской литературы филологического факультета Тверского государственного университета. Это материал практики 1974 г. в Кашинский район Калининской (Тверской) области (руководитель — Л. В. Брадис). Интерес собирателей из университета к этому району не случаен, так как в нем родился В. И. Симаков¹. В 2013 г. состоялась очередная фольклорно-этнографическая экспедиция в Кашинский район, в результате которой были зафиксированы жестокие романсы². Однако в государственных и частных архивах накоплен довольно значительный материал, публикация которого важна для осмысления традиционной культуры Тверского региона в целом.

Практика — это записи (две тетради, в которых всего 152 листа) студенток первого курса Наталии Аверьяновой, Татьяны Андреевой, Нины Арефьевой, Татьяны Бухариной. Студентами были обследованы следующие населенные пункты Кашинского района — это деревни Бормосово³, Пузиково, Фарафоновка, однако свадебный обряд зафиксирован именно в первой деревне. Интервью записано от Анны Алексеевны Воронцовой, 1906 г. р. Собиратели дают краткую информацию о населенном пункте: «деревня Бормосово расположена в десяти километрах от города Кашина. Рядом с деревней проходит железнодорожная ветка Кимры — Савелово. Деревня небольшая — около двадцати домов. Деревня входит в колхоз «Волга»»⁴. Далее дается подробный паспорт информанта: «Воронцова Анна Алексеевна, уроженка деревни Бормосово. Родилась в 1906 году. В семье, кроме нее, было четверо детей; Анна была старшая среди сестер. В 1913 году родители отдали ее в школу, где она проучилась четыре года. Училась хорошо, поражая всех своей памятью. Священник из Юрьевского, что было в 2-х километрах от Бормосово, советовал ее родителям отправить дочь учиться в Тверь. Анна Алексеевна тоже хотела учиться, но мать с отцом видели в ней помощницу по хозяйству. С одиннадцати лет Анна Алексеевна работала наравне со взрослыми. Когда подросла, стала ходить с девушками на посиделки, где пряли, вязали и пели песни. Анна Алексеевна была запевалой. Песен знала много и запоминала их слова сразу. А ее сестра

¹ Петров А. А. Изучение частушек Тверского края // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 112–115.

² Петров А. А. Полевые исследования в Тверской области в 2013 году: фольклорно-этнографическая экспедиция в Кашинский район // Свадебный локус и фольклорный текст: из экспедиционных материалов / Ред. О. С. Карандашова; сост. А. Ю. Сорочан. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2013. С. 8–38; Логунов М. Л., Петров А. А. Handwritten Folklore Tradition of Tver Region // European Researcher (International Multidisciplinary Journal). 2013. Vol. 63. № 11-2. P. 2739–2745; Карандашова О. С., Петров А. А. Устная история тверской «литературной» усадьбы: о результатах фольклорной экспедиции // Труды региональных конкурсов научных проектов в сфере гуманитарных исследований. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2013. С. 8–20.

³ В работе студенток встречается написание «Бормасово», однако в статистическом сборнике «Населенные пункты Тверской области» за 2012 г. этот населенный пункт указан как Бормосово. См.: Населенные пункты Тверской области / Ред. Н. А. Кушнир. Тверь: б/и, 2012. С. 148. Мы сохраняем в публикации написание именно «Бормосово».

⁴ Тетр. № 36 (1, 2). Л. 3. Архив кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ.

запоминала мотив, так и восстанавливали вдвоем услышанную раз песню. Анна Алексеевна пробовала и сочинять, но у нее не получалось.

В 1925 году Анну Алексеевну выдали замуж в деревню Устье, что стоял<а> на берегу Волги в четырех километрах от Бормосово. В этой деревне также очень любили петь. Наталья Бутрова учила девок петь старинные песни. Песни здесь были более протяжные, длинные.

Муж Анны Алексеевны был портным и поэтому очень часто уходил на заработки в другие деревни. Все дела оставались на ней, а, кроме того, муж был членом сельсовета, и, когда он уходил, Анна Алексеевна была за него: собирала народ на собрания, проводила их, оставляя при этом детей (сына с 1926 г. и дочь с 1929 г.) на соседней. В 1931 году в Кашинском р<айо>не стали создаваться колхозы. На квартире у Воронцовых стояла двадцатипяти тысячная Наталья Николаевна Кутинская. Она советовала Анне Алексеевне учиться, вступить в партию, но у нее уже было четверо детей.

После войны муж стал председателем колхоза. В 1972 году он умер. У Анны Алексеевны пять человек детей: две дочери и три сына. Сейчас Анна Алексеевна живет со старшей дочерью Алевтиной. Детями она очень довольна.

Анна Алексеевна очень хочет, чтобы эти песни сохранились»¹.

В тексте, который мы публикуем ниже, частично сохранена орфография рукописей, отличающая диалектные особенности языка, например, написание *девишник* и др.

С В А Д Е Б Н Ы Й О Б Р Я Д

Сговор (сидение): приглашаются лишь близкие (примерно 20 человек). Жених сидит за столом. Невеста спрятана. Жених три раза выкликает невесту: «Марья Ивановна, выйдите сюда!» Одна из девушек отвечает:

Ушла в лес за малиной,
Ее снегом завалило,
Надо лопаточку купить,
Чтобы невесту добыть.

Жених дает ей деньги. Невеста выходит и садится за стол. Перед девишником невестино приданое везут к жениху. На одном из сундуков — постель невесты. Сваха проверяет, мягкая ли она, прыгая на ней, приговаривает:

Сижу на коробке,
Ноги коротки —
Надо наставить.

Жених предлагает ей бутылку. Сваха:

Что-нибудь покруглее:
На каждый уголок — пяточок,
На середочку — четвертачок.

¹ Там же. Л. 23–26.

Если ей казалось, что дали мало, она приговаривала:

У нас Мария Ивановна
Не по лесу ходила,
Не лыко драла,
У окошечка сидела
Да узоры брала.
Шила-спешила —
Иголочку сломила,
Надо на рынок сходить
Да иголочку купить.

Ей давали еще. Накануне свадьбы был девишник. Невеста собирала всех своих подруг. Подруги наряжали небольшую елочку лентами и лоскутами — красу. Иногда покупали цветную бумагу и украшали ею. Рядили елку в доме подруги, которая живет подальше от невесты, чтобы пройти по деревне с песней:

Дует, дует —
Древо клонится
До сырой земли,
До сырой земли.
Мне всего горя
Не приплакати
И не притужить,
И не притужить.
У родимого у тятеньки
Работать было легко,
Работать было легко.
У родимой моей маменьки
Погулять было вольно,
Погулять было вольно.
А как разлучат меня
Со гуляньцем,
Я не чаю живой быть,
Я не чаю живой быть.
Только чаю-то я кручинушки —
Смерти получить,
Смерти получить.

Если песни не хватало на весь путь, то ее запевали снова. Сговорёнка (невеста) встречала подруг сидя за столом, скромно одетая, в темном платочке:

Уж подите-ка вы ко мне,
Мои подруженьки.
Уж подите-ка вы ко мне,
Да не погневайтесь,
Что средь улицы-то я вас
Не встретила,

Что дубовых-то дверей
Я вам не отворила,
Что средь улицы-то я вас
Не встретила:
Да подсеклись-то у меня
Резвы ноженьки,
Опустились-то у меня
Белы рученьки.

Если у невесты была сестра, то она обращалась к ней с таким плачем:

Уж, голубушка ли ты моя, милая сестра,
Расставляй-ка ты столы дубовые,
Накрывай-ка ты на них скатерти браные,
И сажай-ка ты за стол моих подруженек,
Что впервые и в остаточке,
И сажай ты их не по выбору,
А сажай ты их всех по череду.

Если сестры не было, то она обращалась с этим же плачем к невестушке (снохе). Подруги, нарядно одетые, проходили и усаживались за стол. Елку ставили около невесты, которая сидела на краю стола, и начинали петь песни. На девишнике обычно пелось шесть-восемь песен. Первой обычно исполнялась песня «Цветы»:

Вы цветы ли мои, цветики,
Голубы цветы лазоревые,
Голубы цветы лазоревы.
Много было вас насеяно,
Много было вас насеяно,
Да немного уродилося,
Да немного уродилося.
Во высокием-то тереме,
Во высокием-то тереме —
То сидело много девушек,
То сидело много девушек,
Да немного оставалось,
Да немного оставалось.
У нас не было изменщицы,
У нас не было изменщицы —
Проявилась-то изменщица,
Проявилась-то изменщица.
Всё голубушка-подруженька,
Всё голубушка-подруженька,
Всё Мария-то Ивановна,
Всё Мария-то Ивановна.
Говорила, что замуж не иду,
Говорила: «Не подумаю», —
Говорила: «В монастырь пойду», —

Говорила: «В монастырь пойду», —
А теперя передумала,
А теперя передумала:
«В монастырь не иду,
Замуж выйду,
В монастырь не иду,
Замуж выйду.

Затем исполнялись следующие песни:

На нашей на улице
Озеро воды,
Озеро воды.
На этом на озере
Калинушка растет,
Калинушка растет.
На этой на калинушке
Соловушка поет,
Соловушка поет.
Мимо этой калинушки
Николай-то проезжал,
Николай-то проезжал.
Шелковой плеточкой
Помахивает,
Помахивает,
Соловья со калинушки
Соганивает,
Соганивает.
Ты лети, соловушка,
Со калинушки долой,
Со калинушки долой,
Ты лети, соловушка,
К Марии на терем,
К Марии на терем.
Уж и пой же, соловушка,
Без умолку,
Уж и чтоб и Марья-то
Не крепко бы спала,
Уж и чтоб и Марья-то
Не крепко бы спала,
Уж и чтоб Ивановна
Не гасила бы огня.

Расшталася грушица,
Расшталася зеленая,
Расшталася зеленая
Перед яблонькою стоячи,
Перед яблонькою стоячи.

Порасплакалась Мария-то,
Порасплакалась Ивановна
Пред своим родимым тятенькой,
Пред своим родимым батюшкой:
«Государь, родимый батюшка,
Государь, родимый батюшка,
Ты куда много пива варишь,
Ты куда много навариваешь?
Ты родима моя матушка,
Ты родима моя матушка,
Ты куда много даров криишь,
Ты куда много накраиваешь?»
«Ты родимо наше дитятко,
Ты родимо наше дитятко,
Мы хотим тебя замуж отдать,
Мы хотим тебя замуж отдать,
Мы хотим твоих боярь созвать,
Мы хотим твоих боярь созвать:
Изо всех боярь — боярина,
Изо всех боярь — боярина,
Превысокого товарина,
Превысокого товарина
Николая-то Иванныча,
Николая-то Иванныча».

Разлилися, разлетелись
По лугам-то воды вёшние.
Уносило-улелеяло
У Ивана дочь любимую,
Выходила ее маменька,
Выходила на крылечушко
И кричала громким голосом:
«Ты родимо наше дитятко,
Позабыла ты троя-ключи».
«Не троя-ключи позабыла,
Не троя-ключи позабыла,
Позабыла волю тятеньки,
Во-вторых, неги маменьки,
А во-третьих, красу девичью,
А во-третьих, красу девичью,
Красу девичью-вопевичью,
Красу девичью-вопевичью».

Недолго веночку на столике стоять,
Недолго у нас Марье-то во девушках сидеть,
Недолго Ивановне по садику гулять,
Со вербинки маковку сламывати,
Коню под копытчко брасывати.

«Топчи, конь, копытчком вербинку мою,
Уж и стой же ты, вербинка, век без маковки,
Живи-живи, тятенька, век без дочери,
Без любимой дочери Марии-то своей».

Как при вечере было, вечере,
Как при Машином девишничке,
Как при Машином девишничке
Тут сидели красны девушки,
Что впервые и в остаточке,
Что впервые и в остаточке.
Прилетал сюда ясён сокол,
Он садился на окошечко,
Он садился на окошечко,
На серебряну прицелинку,
На злаченую прибоинку,
На злаченую прибоинку,
Что никто не догадается.
Догадалась, домекалась,
Догадалась, домекалась
Свет родимая-то маменька.
Догадавшись-то восплакнула,
Догадавшись-то восплакнула:
«Ты родимо мое дитятко,
Приголубь ясного сокола,
Приголубь ясного сокола,
Ясна сокола залетного,
Добра молодца захожего,
Добра молодца захожего»¹.

Как у нас во чистом поле
Завяли алые цветы,
Как одна из нас подруга
Лишилась девичьей красы,
Лишилась матери родимой,
Лишилась милых подруг.
Ей со русою косою
Нынче весну не гулять
И с открытой головой
В кругу подружек не стоять.
Я сидела у светлицы
Весной за швейкой у окна,
Проливала горьки слезы,
Жалела девичье житьё,
Проливала горьки слезы,
Жалела девичье житьё.

¹ Заезжего. Употребление в песне слов «захожего» и «заезжего» зависит от того, как далеко жил жених. — *Прим. соб.*

Вы не ходите, девки, замуж,
Невольно замужем жить:
Надо свекору уважить
И свекрови услужить,
Надо свекору уважить
И свекрови услужить,
Деверьям-то всем уважить
И золовкам удружить,
Деверьям-то всем уважить
И золовкам удружить,
Деверьям то всем потрафить
И золовкам удружить,
Еще мужу молодому
Бойся слово согрубить,
Еще мужу молодому
Бойся слово согрубить».

Уж как сборы, сборы девичьи,
Сборы девичьи все Марьины.
Тут сидели красны девушки
Всё сажала за дубовый стол,
А сама садилась выше всех,
Думу думала она крепче всех:
«Как придти будет мне
В чужи люди,
Как назвать будет
Мне люта свекра?
Назвать “батюшкой”
Мне не хочется,
Назвать “свекором” —
Он рассердится.
Преломлю я свою
Гордость девичью,
Назову я свекра
“Батюшкой”,
Назову свекровь
Я “матушкой”.
Я от этого худа не буду,
Не спаду я с лица белого,
Не сойду с румянца алого».

Эта песня пелась значительно реже, чем остальные девичьи песни. Между песнями девушки пили чай. Затем младшая сестра или, если ее не было, самая близкая подруга начинала расчесывать невесте косу. В это время девушки поют последнюю песню:

Не во трубинку трубили-то
Рано по росе —

Плакала Мария-то
По русой косе,
Плакала Ивановна
По девичьей красе.
Со смалетства косоньку
Маменька плела,
А когда повыросла,
Сама стала плести:
Чесала, писала,
Сама себя красила.
А поутру косоньку
Свахи расплели,
Разделили косоньку
На шесть долей,
Заплели-то косоньку
На две косы,
Обложили русую
Вокруг головы.

Если девушка была сиротой, то ей пели такую песню:

Течет матушка Нева-река,
Государыня глубокая,
Что течет и не колыхнется,
С бережками не восплеснется,
С бережками не восплеснется.
Да на что же мне колыхнуться,
Да на что же мне колыхнуться —
Нет ни ветра, нет ни вихоря,
Нет ни ветра, нет ни вихоря,
Нет часта дождя осеннего,
Нет часта дождя осеннего.
Что осеннего последнего,
Что осеннего последнего.
Что сидит у нас Мария,
Что сидит у нас Ивановна,
Что сидит и не усмехнется,
Что сидит и не улыбнется.
«Да на что же мне смеяться,
На что глядя радоваться,
Полон двор у нас вороных коней.
Полна горница дорогих гостей.
Уж и все-то гости с гостьями,
Что один-то гость без гостеньки,
Что родимый-то мой тятенька
Без родимой моей маменьки.
Уж ты ясен сокол, милый брат,
Ты возьми-ка узду черную,

Узду черную сиротскую.
Ты поди-ка на широкий двор,
Обротаи ты ворона коня,
Заложиты беговы дрожки,
Поезжай ты ко божьей церкви.
Ты сходи к отцу духовному,
Попроси ключи церковные.
Отопри-ка ты божью церковь,
Ты взойди на колоколенку
И ударь-ка трижды в колокол.
Не в большое и не в малое,
Что во средне — заунывное,
Чтобы была чуть в сырой земле.
Расступися, мать сыра-земля,
Ты откройся, гробова доска,
Бел-тонкой саван,
Белый, тонкий, коленкорový.
Распахнитесь, руки белые,
Вы откройтесь, очи ясные,
Разожмитесь, уста сахарны,
Встань, родима моя маменька,
На мою на свадьбу горькую.
Что срядить то меня есть кому,
Благословить то меня некому.

Вечером девушки собирались к невесте на ужин. Ели на ужине сладкую похлебку (компот). Невесте давали самую старую ложку. После ужина она разбивала ее. Если невеста не смогла разбить ложку, то передавала ее подруге, сидящей рядом, чтобы та разбила. Кусочки ложки разбирали девушки и клали их на ночь под подушку, а утром кидали с крыльца через голову в ту сторону, куда хотели выйти замуж. Также разгадывали сны, которые приснились им в эту ночь. Близкие подруги и родные невесты оставались после девичника ночевать у нее. Утром она будила их плачем:

Уж голубушки ли вы, мои милые подруги,
Уж и спалась ли вам темная ноченька?
Мне ночей не спалось, да много виделось,
Лишь на зорьке я призабылася;
Нехорошие мне три сна приснились:
Уж как первый сон — быстра река,
А второй сон — бел горяч камень,
Уж как третий-то сон — орел-птица хищная,
Он в руках держит лебедушку,
Уж как я ли молода вас не дождалася,
Я сама себе все сны разгадалася:
Уж как первый-то сон — путь-дороженька.
А второй-то сон — чуж высок терём,
Уж как третий-то сон — чужой добрый молодец,

Что в руках-то держит лебедушку,
Что меня-то молодеженьку.

Утром, в день свадьбы, девушки собирались снова и пели те же песни, что и на девешнике. Невеста плакала. Девушки одаривают ее деньгами. Затем начинают чесать волосы и плести две косы. Невеста плачет о прошлой счастливой жизни. Косы плетет или младшая сестра, или близкая подруга. Девушки в это время поют песню «Не во трубинку трубили». Девушек угощают, затем убирают всё со стола, и невеста, стянув скатерть со стола, бросает ее на подруг, чтобы они скорее выходили замуж. Перед выходом из дома невесту благословляют отец с матерью, крестный и крестная. Благословляют ее одетую, одевает ее отец. Прежде чем одеть на нее пальто, отец обведет им вокруг дочери, а затем встряхнет пальто и так повторит три раза. Невеста причитает:

Благослови ты меня, родимый тятенька,
Благослови ты меня впервые и в остаточке,
Не прошу я у тебя ни злата, ни серебра,
А прошу я у тебя Христова благославеньица,
Уж и прощай ты, мой родимый тятенька,
Уж не покинь-ка ты меня на чужой сторонushке.

И так она прощается с матерью, крестным и крестной. Затем ее обводят вокруг стола и сажают на шубу, вывернутую шерстью вверх. Она сидит и плачет:

Государь ли ты мой, родимый тятенька,
Государыня ли ты моя, родная маменька,
Дорогие-то вы все, гости званые,
Уж голубушки ли вы, милые подруженьки,
Уж выдте-ка вы все на широкий двор,
На широкий-то двор во чисто полюшко.
Уж не вьется ли там вольна пташечка,
Уж и не ваше ли-то чадо милое.
Улетаю я от вас из дома родимого,
Уж и не год-то мне у вас годоватеньки,
И не ночку мне у вас ночеватеньки,
Уж последние-то я у вас минуточки».

При выходе из дома она плачет:

«Уж прощай ли ты, мой высок терем,
Уж прощайте-ка вы, все лесенки-ступенечки,
Прощайте все, соседни малы деточки,
Уж прощай-ка ты, широка улица,
Уж прощайте вы, все соседи ближние,
Не попомните мои грубости,
Вы почтите мои грубости за глупости».

После этого плача невесту бьют по спине красой (наряженной елочкой), чтобы она больше не возвращалась в родительский дом. Этот плач невесты был последним, и на свадьбе она уже не плакала. Если невеста вообще не плакала на девичнике, то люди говорили: «Не повопишь за столом — повопишь за столбом», — то есть предсказывали невесте несчастливую жизнь. Невесту везут под венец. После венчания молодые едут в дом к жениху, родители которого встречают их хлебом-солью и ведут в избу. Молодые, бережатые и шафера сидят в одной комнате, а родители и гости — в другой. Молодых сажают на шубу, вывернутую шерстью вверх, чтобы они всегда жили в тепле. На стол перед ними ставят чашку с молоком, в котором плавает уголек, чтобы дети были белолицые и черноглазые. Из этой чашки сначала пил жених, а потом невеста. За первым столом поют величальные песни родным жениха:

Как у чарочки, у серебряной,
Золотой у ней веночек.
Как у Василия-то, у Иваныча,
Дорогой разум-обычай:
Где ни пьет, где ни ест —
Ночевать он домой едет,
Ко двору-то подъезжает,
Он Авдотью выкликивает:
«Ты, Авдотьюшка, выдь,
Свет Ивановна, выдь».
«Недосуг мне, государь, встретить:
Уж я сына-то качаю,
Уж я сына величаю,
Я замену себе чаю,
Я замену дорогую —
Себе сноху молодую».

Если с величальной песней обращались к родителям невесты, то конец песни пели так:

Уж я дочь себе качаю,
Перепутье себе чаю,
Перепутье дорогое,
Себе зятя молодого.

Подшучивая над сватом, ему пели такую величальную песню:

Уж ты сватушка хорошенький,
Уж ты, свет Иванович,
Вынимай-ка шелкову мошну,
Доставай-ка золоту казну,
Одари-ка бедных девушек.

Сват одаривает девушек деньгами. Они благодарят его:

Благодарствуйте, хорошие,
Благодарствуйте, пригожие,
На твоём большом подарочке,
На твоей золотой казне.

Если среди гостей была вдова, ей пели:

Уж ты, вдовушка-сиротушка,
Что Наталья-то Ивановна,
Не носить тебе цветна платья,
Не видать тебе мила дружка.

Мужу и жене пели:

Над рекой было, над реченькой,
Вырастала тут и яблонька,
Вырастала тут и яблонька,
Расцветали тут два цветика,
Созревали тут два яблочка,
Созревали тут два яблочка.
Уж как первое-то яблочко,
Что Василий свет Иванович,
Что Василий свет Иванович.
Уж как второе наливное,
Что Авдотья-то Ивановна,
Что Авдотья-то Ивановна.

К вечеру все гости собирались вместе, в одной комнате, и девушки пели величальные песни молодым, бережатому и шаферам. Молодым пели:

Как летал сокол по вишенью,
Как летал сокол по зрелому,
Что не сокол — добрый молодец,
Николай-то свет Иванович.
Он искал себе голубушку,
Он нашел себе голубушку,
Голубушку красну девушку,
Всё Марию-то Ивановну.
Уж и где же только выросла?
Не во саде, не во вишеньяе.
Уж и кто же воспоил, воскормил?
Воскормил родимый тятенька,
Воскормила родна маменька,
Сорядили-то милы братья,
Соподобили милы сестры
Под златой-то венец стоячи,
Под судьбу божью достоячи.
Говорили Николаю-то,

Говорили мы Иванычу:
«Береги ты свою женушку,
Не давай людям в обидушку,
Не давай ты ветру дунути,
Не давай ты дождю ка<п>нути».
Говорили мы Марии-то,
Говорили мы Ивановне:
«Не ходи ты во чужо поле гулять:
Во чужом поле шатер стоит,
Во шатре-то добрый молодиц сидит,
Николай ли Иванович».
Он и чешет буйну голову свою,
Он и чешет, приговаривает:
«Прилегайте, кудри русые мои,
Ко моей буйной головушке.
Привыкай-ка уж ты, Марьюшка,
Ко чужой дальней сторонушке,
Ко чужому отцу с матерью».
А чужой-то отец с матерью
Уродились безжалостливые;
И сердца-то у них каменные,
Нутренним замком запертые,
А ключи у них потерянные,
Во синее море брошены.
Сине море возмутилося,
Жизнь-то Маши переменялася,
Сине море воссиялося,
Жизнь-то Маши пермутилася,
Жизнь-то бабья оказалась.

Величальная песня бережатому¹:

Виноград расцветает,
Виноград расцветает,
А ягода, а ягода
Созревает, созревает.
Виноград — всё Василий-господин,
Виноград — всё Иванович,
А ягода, а ягода —
Всё Мария-то,
А ягода, а ягода —
Всё Ивановна.
Им люди завидуют,
Им люди завидуют,
Что хороши,
Что пригожи,

¹ Бережатый — человек, который ведет молодых после венчания в дом жениха. — *Прим. соб.*

Во беседушке сидят,
Во беседушке сидят.

Величальная песня шаферам:

А кто у нас моден,
А кто благороден?
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
Моден-благороден
Михаил Иваныч.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
По горнице ходит,
В зеркало глядится.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
Хорош уродился,
Хорошо срядился.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
На коня садился,
Конь возвеселился.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
Он руками машет,
А конь под ним пляшет.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
Он в ладони хлопнет,
А конь под ним топнет.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
К роце подъезжает —
Роца расцветает.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.
Во и той во роце
Парочкой гуляет.
Ой, розан мой алый,
Виноград зеленый.

Березничек частоват,
А кто у нас не женат?
Ой, ли, ой, люли,
А кто у нас не женат?
Не женат у нас один,
Михаил-то господин,

Сын Иванович.
Ой, ли, ой, люли,
Сын Иванович.
К нему сестры подходили,
Ему сестры говорили.
Ой, ли, ой, люли,
Ему сестры говорили.
Что пора, братец, жениться,
К тестю в гости ехати,
Ой, ли, ой, люли,
К тестю в гости ехати.
Ко тестеву ко двору,
К невестину терему,
Ой, ли, ой, люли,
К невестину терему.
Ко двору-то подъезжает,
Он и Нюру выкликает,
Ой, ли, ой, люли,
Он и Нюру выкликает.
«Уж ты, Нюрушка, выдь,
Свет Ивановна, выдь,
Свет Ивановна, встретить».
«Я бы рада встретить —
Очень буйный ветерок,
Ой, ли, ой, люли,
Очень буйный ветерок,
С головушки рвет платок».
Михаил-то рассердился,
Ой, ли, ой, люли,
Михаил-то рассердился.
И назад-то воротился,
А Нюра-то ему вослед,
Ой, ли, ой, люли,
А Нюра-то ему вослед:
«Михаил-то, воротись,
Свет Иванович, вернись,
Ой, ли, ой, люли,
Свет Иванович вернись».
«Я бы рад воротиться —
Мои кони не стоят,
Ко двору они спешат.
Ой, ли, ой, люли,
Ко двору они спешат».

Как у месяца звезды частые,
А у солнышка лучи ясные,
У Михаила-то кудри русые,
У Ивана порасчесаны.

Как за эти за кудри
Его царь любил,
Его царь любил, городам дарил:
Первым городом — славным Питером,
Вторым городом — Москвой каменной,
Третьим городом — нашим Кашином.
Славным Питером — прокатится,
В Москве каменной — закупится,
В нашем Кашине — нам женится¹.

---

¹ Зап. Т. Андреева от А. А. Воронцовой, д. Бормосово Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., 1974 г. Тетр. № 36 (1, 2). Л. 23—67.

ЗАПИСИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА БЕЖЕЦКОГО УЕЗДА В ФОНДЕ А. Г. КИРСАНОВА¹

Вступительная статья и публикация А. А. Петрова

В 2013 г. студентами и сотрудниками Тверского государственного университета началось исследование личного фонда А. Г. Кирсанова в Государственном архиве Тверской области (ГАТО), в результате чего был подготовлен ряд статей и публикаций по данной теме². Записи, обнаруженные в фонде Кирсанова, позволяют описать работу бежецкого Научного общества по изучению местного края, а именно — собирание и изучение фольклора и этнографии в Тверской губернии в 1920-е гг. Итак, какие именно материалы по бежецкой свадьбе находятся в фонде А. Г. Кирсанова? Так как в папке, где хранятся документы, все записи находятся в беспорядке, то мы сделаем их предварительный реестр:

1. Описание свадебного обычая <Лапшиной, 5 «в»>. Рукопись. Л. 13—14 об.
2. Свадебный обряд <Немерово Теблешского р-на>. Машинопись. Л. 19—19 об.
3. Свадебные песни, записанные учительницей А. И. Шамшаевой, в дер.<евне> Сидоркове Рыбинской волости Бежецкого уезда. Машинопись. Л. 20—23 об. Машинопись (копия). Л. 186—188.
4. Девичник. <Зап. Н. А. Бычков от М. П. Бычковой, 70 лет, с. Еськи Бежецкого уезда, январь 1922 г.>. Рукопись Л. 59—60 об. Машинопись. Л. 26—26 об.
5. Песни девушек дер.<евни> Иевлево Ильгощинской вол.<ости> Бежецкого у.<езда>. <Зап. А. К. Стрючков, 13.V.1921 г.>. Рукопись. Л. 36—37. Машинопись. Л. 27—27 об. Конверт. Л. 37 а.
6. Работа «Свадьба» Т. Заонегиной, 5 «а». Рукопись. Л. 51—57 а.
7. Свадебные песни. <Зап. Н. Барбашинова, Радуховская волость. 31.IV.1921>. Рукопись. Л. 269—273 об. Машинопись. Л. 62—63 об.
8. А. Г. Кирсанов «Несколько замечаний к описанию свадебных обычаев...», январь 1923 г. Рукопись. Л. 81—82.
9. Свадебные песни дер.<евни> Бортников Морк.<инско>-Гор.<ской> волости. Зап. А. Преображенская. Рукопись. Л. 109—110 об. Машинопись. Л. 88—88 об.
10. Свадебные песни. <Бывшей Путиловской волости>. Рукопись. Л. 98—99 об.
11. Песня, которая поется на девичнике. Рукопись. Л. 100—100 об.
12. Некоторые из свадебных обычаев. <Зап. А. Михайлов, с. Чижово, 2.2.1922 г.>. Рукопись. Л. 115—115 об.
13. Свадьба в Дымцевской вол.<ости> Бежецкого уезда. <Зап. А. Михайлов от К. Феногеновой, 40 лет, с. Дымцево 22.2.1922 г.> Рукопись. Л. 119—121. Машинопись. Л. 185—185 об.

¹ Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-3162.2014.6).

² Дмитриева А. С. Традиционная культура тверских карел // Слово: Сб. науч. трудов студентов и аспирантов. Вып. 13. Тверь: ТвГУ, 2013. С. 68—70; Михайлова И. А., Петров А. А. Старинные свадебные обычаи в Бежецком крае (из истории тверской фольклористики: фонд А. Г. Кирсанова) // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 98—115. Переизд.: Бежецкий край: Историко-краеведческий альманах: Традиционная культура Бежецкого края / Ред. В. В. Козырев. Тверь: Твер. обл. типогр., 2014. № 11. С. 8—30; Петров А. А. Фольклорно-этнографические материалы в фонде А. Г. Кирсанова // Там же. С. 31—61.

14. <Свадебный обряд>. Село Пожарка. Рукопись. Л. 159—160, 58.
15. Картинка свадебных обычаев. <Исполнитель, 76 лет, д. Жельцово>. Рукопись. Л. 161—168 об.
16. Свадебные песни с. Камесково Моркино-Горской волости Бежецкого уезда. Работа Трицкой, 5 «в». Рукопись. Л. 169—172.
17. Свадебные песни с. Моркиных Гор. Рукопись. Л. 177—179 об.
18. Свадебные обычаи. Рукопись. Л. 182—184 об.
19. «Свадебные обычаи населения Радуховской волости Бежецкого уезда Тверской губ.<ернии>». Зап. А. и Н. Голыньские от А. М. Плетневой д. Сутоки, Белянчиковой, д. Сутоки, Королевой, д. Зиновки, Тюриной, д. Анофрик, март 1922 г. Рукопись А. Г. Кирсанова. Л. 191—198.
20. Местные свадебные песни. <Пог. Лесоклинск<ое> Лесоклинской вол.<ости> Бежецкого уезда>. Рукопись. Л. 200 об. — 201 об. Машинопись. Л. 275—275 об.
21. Обычаи, сохранившиеся при браке. Новская волость. Рукопись. Л. 231—232.
22. Песня «Бежит реченька...» (после богомоленья). Рукопись. Л. 234.
23. Свадебные песни. Рукопись. Л. 259 а — 264.

Как мы видим, в данном фонде содержатся различные записи, как самих краеведов А. Г. Кирсанова, А. И. Михайлова, так и учителей А. И. Шамшаевой, А. Преображенской и учеников Лапшиной, Т. Заонегиной. Это свидетельствует о том, что в 1920-е гг. в работе бежецкого Научного общества по изучению местного края были задействованы различные возрастные группы населения, как, например, и в Торопецком уезде Псковской губернии (ныне — Тверской области), где в это же время членами краеведческих кружков, ячеек и обществ велись сборы фольклорного материала¹.

Анализ записей из архива Кирсанова, а именно — ответов собирателей, показывает, что сборы проводились ими не спонтанно, а по разработанной программе, в которую входил следующий примерный круг вопросов: 1) есть ли карельское население; 2) описание местного населения; 3) его физиологический тип и язык (говор); 4) занятия населения (земледелие, ремесло и т. д.); 5) описание построек, обрядов и обычаев; 6) местные сказочники². Как видим, исследователей интересовали и карелы, проживавшие в этих местах. Далее шло описание населения, его материальная и духовная культура. Особое место занимал вопрос про сказочников, вероятно, потому, что в первой трети XX в. на территории Тверской губернии сохранялась устная сказочная традиция³.

Итак, есть ли какие-либо локальные черты, характерные для тверской свадьбы? Для ответа на этот вопрос мы укажем для сравнения на местные черты в свадебном обряде западных районов Тверской области (по современному административно-территориальному делению). В середине XIX в. такой отличительной чертой в некоторых местах Ржевского уезда (с. Бобровки, ныне Оленинского района) являлся обряд, по которому жениха ставили на сковороду, на что в 1849 г. обращает внимание священник П. Разумихин⁴. Вариант проведения этого обряда

¹ Попов Ю. Г. Незамеченный юбилей // Мой край (Торопец). 1997. 5 августа. № 63 (10081). С. 3; *Она же*. Первые краеведческие объединения и первые краеведы Торопецкой земли. Торопец: Торопецкая ЦБС, 2004. 36 с.

² Р-625. Оп. № 1. Ед. хр. 76. Л. 200 об. — 201 об., 275—275 об.

³ См. материалы экспедиций этих лет, отраженные в изданиях: *Гончарова А. В.* Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция. 1999. 344 с.; *Она же*. Золотые зерна. Книга 2: Сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь: ЧуДо. 2002. 348 с. Как показывает предварительный анализ материалов экспедиций ТвГУ, угасание устной сказочной традиции в западных районах Тверской области (Торопецкий и Западно-Двинский) пришлось на начало 1990-х гг. — А. П.

⁴ *Разумихин С.* Село Бобровки и окружной его околоток. Тверской губернии Ржевского уезда // Этнографический

подтверждает в 1855 г. и П. Сокальский, который также описывает ржевский материал¹. Одну из локальных черт мы находим и в торопецкой свадьбе XX в., так, в д. Наговье жених должен был занять свое место за свадебным столом, бросив на него шапку². Аналогичный обычай зафиксирован в 1987 г. в д. Рокотово этого же района³. Эти сведения получены из воспоминаний о свадебном обряде 1920–40-х гг. Данные особенности свадебного обряда не описаны в других районах области, таким образом, мы можем считать их локальным проявлением свадебного обряда. На востоке Тверской области также существуют свои местные свадебные черты. Например, по материалам экспедиции в Кашинский район в 1974 г., сообщается, что невеста на девичнике после ужина ломает об колено ложку, которой ела⁴. Вариант и дополнение к этому обычаю дает и другой информант: «Вечером девушки собирались к невесте на ужин. Ели на ужине сладкую похлебку (компот). Невесте давали самую старую ложку. После ужина она разбивала ее. Если невеста не смогла разбить ложку, то передавала ее подруге, сидящей рядом, чтобы та разбила. Кусочки ложки разбирали девушки и клали их на ночь под подушку, а утром кидали с крыльца через голову в ту сторону, куда хотели выйти замуж»⁵. Материалы же в фонде А. Г. Кирсанова наряду со сборником М. И. Рожновой и Ю. М. Соколова, куда вошли материалы экспедиций Тверского педагогического института, в том числе в Бежецкий уезд⁶, дают нам уникальные описания свадебного обряда Тверской губернии в 1920-е гг., таким образом, их публикация позволяет восстановить еще одну страницу тверской фольклористики XX в. Именно бежецкие тексты дают нам сведения о поджоге кудели на последней беседе невесты⁷: «На беседу приходят брат невест<ы>, родственники — ее сестра или тетка. На беседу приносят ребята елку и ставят ее к переднему углу. Невеста садится вторая от угла, лицом к елке. Все девушки сидят лицом к елке. Невеста приходит с прялкой. На прялке кудель <льняная>. Когда уже родственники пришли брать невесту — встают около порога в это время, то ребята и братья невесты отвязывают кудель с прялки и растеребливают его на елку (отвязывает один, теребят все). <...> Во время вопленья парни зажигают растрепанную кудель. Кудель сгорает на елке»⁸.

Ниже мы публикуем часть архивных материалов по бежецкой свадьбе. Орфография и пунктуация нами частично приближена к современной норме, но местами сохраняются особенности рукописей.

сборник. Вып. I. СПб.: Типограф. Министерства внутренних дел, 1853. С. 255.

¹ *Сокальский П.* Свадебные обычаи в Ржевском уезде // Этнографический сборник. Вып. V. СПб.: Типограф. Министерства внутренних дел, 1862. С. 59.

² Материалы диалектологической практики 1983 г. Отчет С. А. Балашевич, С. А. Мукосеевой. Зап. от А. М. Тумановой, 1902 г. р., д. Наговье Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл. Л. 20 об. — Л. 21 об. Архив кабинета диалектологии ТвГУ.

³ Дневник учебной практики по русской диалектологии студентки II курса (22 гр.) филологического факультета Калининского госуниверситета А. А. Цветковой 1987 г. Л. 61. Архив кабинета диалектологии ТвГУ. Более подробно об этом см. статью А. А. Петрова «История изучения свадебного обряда Торопецкого края» в данном сборнике.

⁴ Зап. О. Бородкина, О. Филиппова от П. М. Брянцевой, 1905 г. р., д. Старово Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 315–317. Более подробно об этом см. публикацию Ю. С. Заострожной в данном сборнике.

⁵ Зап. Т. Андреева от А. А. Воронцовой, д. Бормосово Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., 1974 г. Тетр. № 36 (1, 2). Л. 48. Архив кафедры истории русской литературы ТвГУ.

⁶ Фольклор Тверской губернии 1919–1926 гг.: Сб. Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой / Ред. А. Ф. Белоусов. СПб.: Наука. 648 с.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Р-625. Оп. № 1. Ед. хр. 76. Л. 159. Записи из с. Пожарка. К настоящему времени местонахождение этого населенного пункта нами не установлено.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. Свадьба в Дымцевской вол.<ости> Бежецкого уезда

Сватами обычно выступают отец или дядя жениха, а большею частью оба вместе приезжают в роли сватов. Приехав в деревню, где намечена невеста, сваты направляются в дом ее родителей, а жених идет на беседу. Если сваты не встречают категорического отказа со стороны родителей невесты, их разговоры при сватовстве вращаются главным образом около вопроса о приданом. Обычное приданое — корова и овца, но размер приданого зависит от состоятельности той и другой стороны. В связи с разговорами о приданом уговариваются и о «дарах» родственникам жениха. Когда в основном обе стороны договариваются, ставится самовар и приглашаются в дом (с беседы) невеста и жених. Родители невесты выходят в сени, вызывают туда же дочь и спрашивают ее согласия. При положительном ответе невесты происходит окончательный сговор. Невеста встает и начинает молиться Богу; затем зажигается свеча и все молятся. Затем приносят три полотенца и платок и передают их сватам, вешая полотенца на шею концами вперед; жениху, кроме полотенца, вешают платок (обычно самый лучший). Вслед за этим готовят яичницу (на молоке) и подают ее на стол. Нужно отметить, что сваты и жених не раздеваются и всё время остаются даже в кушаках. Яичница делается на сковородке и готовится на лучинках. Ее подают на стол, ставя на блюдо, а не на тарелку или подставку.

Невеста яичницы не ест; она уходит к печке и начинает плакать, обычно причитая по-карельски: «Кукине мамине, тятяне! Кунна тюе мю ма аннойта. Неужто тейле лю ма...» Когда яичница съедена, сковороду убирают, а в блюдо кладут (кто? — жених или сваты)¹ деньги. К блюду подходит мать невесты; она, не выбирая, берет одну монету и трижды ею обводит около рта, что-то приговаривая; затем она кладет монету обратно в блюдо, за ней подходят к блюду братья и сестры невесты, племянники и племянницы и берут по монете; что останется — берет жених. Это называют «продать невесту». Вслед за этим жених встает и идет к невесте, которая плачет у печки. К невесте его не пускают девицы, которые к этому времени уже набрались в избу и просят у жениха денег. Если он дает мало, просят еще. «Что ты нам даешь черных (меди), — говорили раньше, — у нас невеста белая». В конце концов, жениха пропускают к невесте; он подходит к ней и дает денег. Ребята иногда тоже берут с жениха деньги (раньше брали по 5 или 10 рублей; теперь такса 1/2 ведра самогонки). Этим сватовство заканчивается; сваты прощаются и уезжают. Полотенца снимают; в Васютине и Гу<л>ееве сваты в полотенцах едут до дома.

С момента состоявшегося сватовства невеста не выходит на улицу; она шьет сборники (это первая забота) и готовит приданое. Из дома невеста выходит только в те моменты, когда к окну избы приходят девицы и поют: «Вздумал батюшко с родимой матушкой меня в люди отдавать...» Невеста выходит и плачет, причитая по-карельски (в русском переводе): «Милые подруги, вы останетесь, а я-то куда пойду?» Если невеста не выходит плакать, ее осуждают: обрадовалась, что выходит замуж. Жених до свадьбы следует обычному порядку жизни и никакими требованиями этикета не стеснен. Девицы около дома невесты, напротив окон, ставят

¹ Прим. соб. — А. П.

елку, которая украшается разноцветными лентами, лоскутами. Накануне свадьбы жених приезжает к невесте. Его встречают девицы с елкой и не пускают. Он дарит девушек деньгами. Елку после этого разряжают. Жених привозит невесте гостинцы (раньше — конфеты, пряники, теперь — кокорки, мяку<ш>ки). Угостившись, жених уезжает. Вслед за его отъездом приходят девицы и начинают расплетать косу. Невеста плачет и не дает, причитая: «Куккине, эле кошша!» Коса с лентами. Ленты — подругам. С этого момента невеста не убирает волосы и едет к венцу с распущенными волосами. Девушки уходят, а невеста начинает о<т>кладывать в сундук свои вещи. Обычно одежда лежит в сундуках вывернутая наизнанку; невеста вывертывает их налицо, чтобы жизнь пошла хорошо.

Наступает день свадьбы. Невеста надевает какое угодно платье; венчаются (зимой) по большей части в шубах. Непременным лицом является дружка — самый близкий родственник невесты; его символ — кнут под кушаком или в руках. Дружка есть и у жениха. Венчаться всегда едут на лошади; если нет своей лошади, родные или знакомые считают своим долгом дать лошадь. Выезду невесты предшествует благословение. Невеста молится; в ноги ей кидают шубу. После благословения все (и невеста) на несколько минут садятся за стол. Дружка берет невесту за правую руку и выводит ее «по солнцу», как солнце ходит; кнутом он расчищает дорогу. Невеста перед венцом выполняет ряд примет (говорят: «Без примет не поедет»). Вот некоторые из них:

- 1) в платье невеста втыкает девять иголок без ушей — против порчи;
- 2) «колотиком» (растет в болоте) натирает щеки или кладет его в сапоги;
- 3) на крест что-то нашивают; употребляют корень «9 сил» и «одолим» (растут в реке).

Обязательная принадлежность наряда — янтарь (в крайнем случае, одну янтаринку вешают на крест). Лошади украшаются лентами, гривы заплетают. Жених привязывает к дуге то полотенце, которое ему подарила невеста. Лошадьми правит дружка. С невестой садится сваха-девушка. В повозку невесты кладутся подушки или подушка, простыня и одеяло, которые даются в приданое. К церкви должен приехать первым жених. Если приедет первая невеста, то останавливается в сторожке и едет к церкви, когда подъедет жених. Дружка берет жениха и невесту за руки и ведет в церковь. Из церкви также выводит дружка, расчищая дорогу своим кнутом. После венца жених и невеста садятся в одни сани.

Невеста сама не садится в сани, ее должен посадить жених. Но предварительно необходимо перенести в сани жениха подушку, простыню и одеяло из саней невесты. Это обязанности дружки. Между тем этими вещами завладели ребяташки, которые выдают их дружке, получив с него денег.

После венца молодые едут в дом жениха. Их вводят в дом не белым ходом, а через двор. Отец и мать встречают молодых в шубах, вывернутых шерстью вверх, с житом в руках. По входе в избу в одном из углов молодых кормят из одной ложки (до свадьбы молодым есть не дают). Затем молодой повязывают сборник и сажают молодых за стол. Когда гости сядут за стол, в избу пускают народ. Девицы приходят хвалить жениха и невесту. Сначала хвалят жениха, потом невесту, а затем дружку, кресну-матушку и других родственников. Молодые за столом сидят не так долго; девки уходят, а жениха и невесту ведет спать дружка с жениховой стороны — с кнутом и с веником; веником он распахивает дорогу. Ведут молодых или в другую избу, если их две, или в клеть, даже если она холодная. Свадебный пир продолжается.

Утром молодых будят поезжане — родня со стороны невесты, разбивая горшки об дверь клетки. Дружка выводит их из клетки в дом. Невеста выходит и кланяется в ноги отцу и матери жениха (?)¹. Затем дарят женихову родню. Невеста берет веник и начинает мести пол от порога. Ей в это время на пол бросают деньги. Второй день — продолжается пир у жениха, а кроме того ходят в гости к жениховой родне; веселье и угощение продолжаются до вечера. Дружка опять уводит молодых спать. В это время уезжает невестина родня. С невестой они не прощаются, чтобы она не скучала.

На третий день иногда гости едут в дом невесты. Это называется «отводины». Но иногда отводин не бывает, и для молодых третий день — день обычной работы. Если не бывает отводин, у невестинной родни пируют на масленице.

22.П.<19>22. с. Дымцево.

Записано со слов девицы К. Феногеновой (лет 40).

А. Михайлов²

2. Радуховская волость. Свадебные песни

<...> Накануне свадьбы невесте расплетают косу, причем она причитает:

Вы голубушки, вы мои подруженьки,
Подступи-ка-тесь к моей русой косе,
Во моей-то ли русой косе
Есть два ножичка булатные,
Не обрежьте вы свои белы рученьки,
Не замарайте вы мои могучи плечи,
Вы плетите из моей русой косы
Да по алой ленточке,
Носите вы не выплетаючи.

Когда расплетут невесте косу, девочка-сестра начинает ее чесать, а девушки поют:

Во саду было во садике,
Во зеленом виноградице,
Тут гуляла красна девица,
Она чесала свою русу косу
Да, чесавши, приговаривала:
«Прилегай-ко-те, русы волосы,
К моему-то лицу белому,
Приставай ты, добрый молодец,
К моему-то уму-разуму».
Приставать мне не хотелось,
За досаду показалось.
Уж и знать, что приставать будет,
Спеси-гордости убавить,
Ума-разума прибавить,

¹ Прим. соб. — А. П.

² Р-625. Оп. № 1. Ед. хр. 76. Л. 119—121 об. Перепечатано на л. 185—185 об. На перепечатке фамилия информанта указана как Финогенова.

Что и свекра назвать «батюшкой»,
А свекровь-то назвать «матушкой»,
А Ивана назвать «милый друг».

Песни, которые поются на девичнике:

Как при вечере-вечере,
Что и Маши девишничке,
Прилетал тут млад-ясён сокол,
Млад-ясён сокол, залетный гость,
Он садился на окошечко,
На серебряну прибоинку,
Никто его не узрел, не видал,
Только узрела-увидела,
Что и Машина матушка,
Она, увидевши, возговорила:
«Ты, родимо мое дитятко,
Что и Марья-то Григорьевна,
Приголубь-ка ясна сокола,
Ясна сокола залетного,
Добра молодца заезжего,
Что Ивана Васильевича».
«Ты, родима моя матушка,
Я бы рада приголубити,
Я сама-то чуть жива сижу:
Скоры ноженьки подсеклися,
Белы руки опустилися,
Очи ясны помутилися,
Голова с плеч <пошатилася>,
Закидалась, забросалася,
За подружек схоронялася».
«Вы голубушки-подруженьки мое,
Схорони-ка-те меня за себя,
Как приехал погубитель мой,
Погубил мою головушку,
Запоручил меня за себя,
За поруки-то за крепкие,
За замки-то за немецкие,
За ключи-то полуженые,
Не гниют они, не ржавеют,
Мою головушку стареют.

Ты, голубушка-подруженька,
Не клади-ка судобы-жалобы
Ни на батюшку, ни на матушку.
Ты клади-ка судобу-жалобу,
Что на свата на прилещичка,
На злодея-приговорщичка,

Что ходил сват почастехонько,
Говорил речи леснехонько,
Сват хвалил чужую сторону,
Как чужая-то сторонушка
Она сахаром обсеяна,
Медовой сытой уливана,
Виноградом обнесена,
У Ивана-то широкий двор,
Сорок сажен с половиною,
Среди-то двора горенка,
Она новая, крашоная,
Об семидесять окошечек,
У ней верей точеные,
А ворота-то стеклянные,
Подворотенка хрустальная,
У ворот кольцо серебряно,
Не жила млада, не ведала,
Про чужую-то сторонушку,
Пожила млада, спроведала,
Как чужая-то сторонушка —
Она горюшком усеяна,
Горючим слезам уливана,
Пусторечьем обнесенная.
У Ивана не широкий двор,
Три сажени с половиною,
Среди-то двора банюшка,
Она стара, некрашоная,
Об одном только окошечке,
У ней верей не точеные,
А ворота-то еловые,
Подворотенка осинова,
У ворот кольцо железное,
Вы, голубушки-подруженьки мое,
Ука<t>а-ка-те круту гору,
Вы спустите свата по гору
И сломите свату голову —
Не хвалил бы чужу сторону.

Уж вы, береги, береги,
Вы круты горы, высокие,
Полелейте мать быструю реку,
Мать быстру реку, текучую.
Вам недолго лелеяти —
От весны красной до осени,
Придет зима холодная,
Заморозит реки быстрые,
Завьюжат вьюги вьюжливые,
Государь, родимый батюшка,

И государыня матушка,
Полелейте чада милого,
Что и милого, любимого
Вам недолго лелеяти —
От четверга только до пятницы,
А в субботу-то девишничек,
А в воскресенье-то разлучный день:
Разлучают с отцом с матерью
И со всем-то родом-племенем,
И с голубушкам-подруженькам,
И со матушкой русой косой,
И со девичьей молодой красой.

Девичник бывает накануне свадьбы, а в самый день венчания, утром, невесту благословляют. Когда отец и мать благословляют невесту, то девушки поют:

Благослови-ко, Боже,
У Григорья в доме
Свадьбу играти,
Марью выдавати,
Первый гость на свадьбу —
Что Михайла-архангел,
Другой гость на свадьбу —
Николай со милостью,
Третий гость на свадьбу —
Что Лука Господний,
Сочетай Бог, повенчай Бог,
Что Ивана с Марьей,
На добрые годы,
На долгие веки,
Дай Бог жити-пожити,
Хлеба-соли нажити.

Если невеста сирота, поют другую песню:

Ты река ли, моя реченька,
Ты река моя текучая,
Ты течешь, не колыхешься,
С песком ты не возмутишься,
Во тебе ли, моя реченька,
Во тебе, моя текучая,
Доброго много камня,
Доброго камня нетутка,
Доброго камня яхонта.
У Татьяны гостей много,
У Васильевны-то сродников, —
Одного-то горя нетутка,
Дорогого гостя-батюшки (матушки)

Снарядить-то ее есть кому,
 Благословить-то ее некому,
 Благословил бы ее батюшка
 Со родимою-то матушкой.

Приезжает сват и стучит в окно, отец невесты выходит на крыльцо и угощает там свата, а девушки поют:

Вьюн на воде извивается,
 А сват у ворот выкланяется;
 Сват просил свое сужено и ряженое,
 Вывели ему вороня коня:
 «Это, сват, твое сужено-ряженое?»
 «Это не мое сужено-ряженое».
 Вынесли свату сундук с добром:
 «Это, сват, твое сужено-ряженое?»
 «Это не мое сужено-ряженое».
 Вывели свату красну-девицу:
 «Это, сват, твое сужено-ряженое?»
 «Это вот мое сужено-ряженое».

С последними словами песни сват входит в избу и оделяет девушек деньгами. Вскоре приезжает жених и вместе с невестой едет венчаться. После венца все едут к жениху в дом. На пороге или на крыльце молодых встречают их родители и осыпают житом и хмелем. Все садятся за стол, а девушки поют:

Из-за лесу было лесику,
 Из-за лесу было темного,
 Летит стадо серых гусей —
 Впереди их лебединое.
 Отставала лебедушка
 Прочь от стада лебединого,
 Приставала лебедушка
 Ко серу стаду гусиному,
 Не умела лебедушка
 По-гусиному кричати,
 Ее стали гуси щипати:
 «Не щиплите вы, серы гуси,
 Не сама я к вам залетела,
 Занесло меня погодою,
 Что погодою, буйным ветром,
 Буйным ветром, частым дождем».
 Из-за саду было садику,
 Из зелена виноградику,
 Наперед-то идут девушки,
 А позади идут молодушки.
 Отставала душа-Марьюшка
 Прочь от красных девушек

Приставла душа-Марьюшка
К молодьем-то молодушкам,
А молодушки журить-бранить:
«Не жури-ка-те, молодушки,
Не сама я к вам заехала,
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Ивановы».

Потом девушки величают молодых:

Уж ты, князюшка, хорошенький,
Уж ты, князюшка, пригоженький,
Что Иван-то Васильевич,
Ты от умного батюшки,
Ты от умной матушки,
Голова у тебя чесаная,
И русы кудри завиваные,
Кабы на эту головушку
Струблевую шапочку
И во тысячу бархату.

Ты, княгинюшка, хорошая,
Ты, княгинюшка, пригожая,
Что и Марья-то Григорьевна,
Ты белее снега белого,
Румянее цвета макова,
Ты изюмная ягодка,
Наливное сладко яблочко,
Ты по блюдечку катаешься,
Словно сахар рассыпаешься.

Сообщила учительница школы I ступ.<ени> Радуховской волости. Н. Барбашинова (31.V.<19>21)¹

3. Песни девушек дер.<евни> Иевлево Ильгощинской вол.<ости> Бежецкого у.<езда> Тверской губ.<ернии>

Расстояние от центра вол.<ости> с.<ела> Ильгощ и библиотеки 1 верста, от станции ж.<елезной> дороги 60 в.<ерст> (Тверь).

П Е С Н И С В А Д Е Б Н Ы Е

Примечание: за день до свадьбы, то есть вечером накануне венчания, девушки собираются к невесте расплетать косу; невеста плачет, а девушки окружают ее и поют следующую песню:

¹ Там же. Л. 268–273 об. Перепечатано на л. 62–63.

Не трубушка трубила рано по росе,
 Плакала подруженька по русой косе...
 А свет ты, моя косынька, русая была,
 А сегодня мою косыньку девушки расплетут...
 А как завтра мою косыньку свашеньки плести,
 Разделют мою косыньку на шесть дол,
 Заплетут мою косыньку на два плетня.
 Убовьют мою косыньку чрез головы,
 Наденут на головушку шляпу да колпак,
 А поверх этой шляпы — воронья гнезда...
 Сверх этой шляпы воронья гнезда, бабью красоту.

Песня поется протяжно и заунывно. Затем невеста дарит девушек ленточками, которые они заплетают в косы и расходятся. Через час собираются снова на так наз. <ываемый> «девичник». Невеста садится за стол, ее покрывают вязаной шалью, близкие ей подруги помещаются возле ее, утешают ее, чтобы она не плакала. Невеста — в центре стола. Девушки поют след. <ующее>:

Собирала подруженька своих милых подруженек...
 Усажала в ряд по лавочке, по скамеечкам,
 А сама села повыше всех,
 А наклонилась пониже всех...
 Завопила громким голосом...

Невеста плачет и причитает:

<Нрзбр.>
 Уж вы мои милыя подруженьки...
 Вы схороните меня за себя горемычную...
 Сёводня девишник мой,
 А как завтра — разлучный день:
 Разлучат меня лебедышку от стады лебедей,
 Прилучат меня ко серыем гусям,
 Ко серыем — шипучием,
 Шипучием — колючием,
 Колючием — липучием...
 Не шеплитесь серые гуси,
 Не сама я к вам пришла,
 Привезли меня кони вороные,
 Вороные белоногие,
 Белоногие-Ивановы (имя жениха).

<Девушки поют>:

При лучинушке,
 При Натальюшкиным девичнике (имя невесты),
 Прилетел тут ясный сокол-Иванушка,
 Он садился под окошечка,

Он хвалил свою сторонушку —
Она золотом усыпана,
Серебром высеребрена...
Не жила — горя не ведала,
Пожила — горя спроведала...
Как чужая-то сторонушка,
Она горем-горюшком усыпана,
Горючим слезам споливана.
Ты подруженька-обманщица,
Обманула красных девушек —
Своих милых подруженек,
Своих милых — любимых.
Не хотела, подруженька, замуж идти,
Не хотела и не думала,
Что одумал родной батюшка,
Выдает меня родная матушка,
Не за князя, не за барина,
За такого за крестьянина.

На следующий день жених приезжает к невесте на двух лошадях, запряженных (как бы это объяснить, ну, не вместе, а одна за другой, гусем, это так охарактеризовать). Эта процессия наз. <ывается> «поездом», который совместно с невестой и женихом следует к церкви.

Жених садится с правой стороны за столом и на санях, и по выходе из-за стола обходят его кругом. Девушки поют:

Мы споемте-ка, девушки, песенку
Всему круглому поезду...
Мы, пойдем-те-ка, девушки, до князя,
Мы до умного...
Мы пойдемте-ка, девки, по ряду,
Мы дойдемте-ка до ряду,
Мы до умного, до разумного,
До Ивана до Васильевича (имя жениха):
Ты Иванушка хорошенький,
Ты Васильевич пригоженький,
Ты лучше алого цвета,
Ты убелился снегу белого.

Не вылетай, соловушка, из саду вон,
Не выходи (имя невесты) ты,
Натальюшка, из дому вон.
Ты послушай-ка (имя), что наказывали тебе,
Ссунь-ка, ссунь-ка ты (имя), с постели дурака.

При возвращении из церкви все действующие лица размещаются за столами. Девушки в это время поют каждому гостю песню, он дарит их деньгами:

Как у нашего хозяина, как у нашего богатого,
Есть приезжий гость хорошенький Иванушка
(имя гостя, но прежде поется жениху и невесте),
Он хорошенький Васильевич,
Он от умного от батюшке,
Он от разумной от матушке.

Бывает, что гость почему-либо не дарит деньгами, то девушки поют:

Ты Иванушка, не скупися,
Не скупися, не скупися,
Золотой казной разгупися,
Тебе дома не <нажить>,
Ворона коня не купить.
Или же поют благодарность:
Спасибо тебе, Иванушка,
За твой большой подарочек,
Ты белее снега белого,
Ты алее цвета алого.

Иногда песня как-то меняется, когда гость не дарит:

Ты Иванушка не скупися,
Золотой казной раступись,
У вас дома скопится,
Ворона коня купити,
Вы да матушка,
Не худого отца с матерью.

А Ивана жена соряжала,
Соряжала, соряжала,
Три тысячи в плат завязала,
Завязала, завязала:
Это девушкам на белила,
Это красным на румяна.

(Сумма завязанного в плат меняется; раньше пели «Полтину в плат завязала»).

Расспасибо тебе, Иванушка,
За твои больша подарочки.

Мы Ивана-то заманили,
Во зеленый сад заманили,
На скамеечку посадили,
Чаем-кофеем угостили,
Ты Иванушка хорошенький.

Иногда вместо угостили поют: «...угощали, / У уста сахарные целовали, целовали».

13.V.<19>21. А. Стрючков¹

4. Свадебные песни дер.<евени> Бортников Морк.<инско>-Гор.<ской> волости

Песня поющая<ся> во время девичника, если нет отца или матери «Реченька»:

Ты река ли, моя реченька,
Ты река быстра текучие.
Течешь, речка, не колыхнесся,
Не колыхнесся, не столкнесся.
Отчего не колыхнесся?
Нет ни ветру, нет ни вихорю,
Ни часта дождя осеннего,
Ветерочка сполуденного.
У нас Мария на думах сидит,
Что какую думу думати:
Снарядить-то ее есть кому,
Благословить-то ее некому,
У ней нету родного батюшки.

Песня поющая<ся>, когда приедут дружки за невестой:

У нас Марьюшка изменница,
Дочь Ивановна обманщица:
Обманула своих девушек,
Своих милых подруженек,
Говорила, что я замуж не пойду,
Не пойду и не подумаю,
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатого, —
Сама вышла за крестьянина,
Что за Ивана Васильевича.

Эта песня поется, когда приезжают молодые от венца и еще не входят в избу:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор крутых высоких,

¹ Там же. Л. 36—36 об. Перепечатано на л. 27—27 об. На л. 37 об. мы видим следующие данные о собирателе: «Мой почтовый адрес: г. Детское Село, Агрономический институт, в канцелярию инструкторских курсов по огородничеству. Курсанту Александру Кузь. Стрючкову (Петроградской губ.<ернии>)». И далее его комментарий: «Конечно, здесь у меня описано не полностью, а только одна часть крестьянской свадьбы, т. к. существует множество обычаев всевозможных видов. Затем невеста плачет и причитает, а так как причитает, хотя и <нрзбр.> существует особое правило, которое невеста заблаговременно заучивает у кого-либо более сведущих в этом отношении, а иногда ей т.<ак> наз.<ванных> подвапливает кто-либо из умеющих. Невеста заранее приглашает надобную специалистку, чтобы не ударить в грязь лицом». Далее дописка: «Для причитаний существуют особые правила, которые невеста заблаговременно заучивает. Иногда ей, как говорят “подвапливает” кто-либо из умеющих. Сообщил местный уроженец А. К. Стрючков». На л. 37 а конверт письма, адресованное в Научное общество по изучению местного края, находящее по адресу г. Бежецк, ул. Льва Толстого, д. 18 (Шеманаевых).

Вылетало стадо гусей,
Что другое лебединое.
Отставала лебедушка
Прочь от стада лебединого.
Приставала лебедушка,
Что ко стаду ко серых гусей,
Ее гуси стали щипати,
А лебедка стала кричати:
«Вы не щиплите, серы гусеньки,
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня непогодою».

Эту песню поют, когда молодые садятся за стол. В ней прославляют жениха:

Молодой-то князь хорошенький,
Молодой-то князь пригоженький,
Что Иван-то Васильевич —
Он горазд пировать везде,
Он горазд песни слушати,
Он горазд нам певец подарить,
С не рубля с полтиную,
С не с полтиной,
Чем пожалуйте.
Мы <от роду> будем кланяться
Всему красному поезду.

Потом поют благодарность поочередно каждому гостю:

Благодарствуйте, Иванушка,
На твоём большем подарочке,
На серебленном на рублике,
Уж вы не воду выпили,
Золотую казну вынули.

Жена мужа соряжала, соряжала,
И русы кудри расчесала, расчесала,
И да резвым словом наказала, наказала:
Ты поедешь друг на свадьбы, на свадьбу,
Не равно будешь певец подарите, подарите,
Что бы было, чем подарите, подарите,
Ты дары равно не скупися, не скупися
Золотой казной расступися, расступися.

Благодарность всему поезду:

Вот спасибо дружкам, подружкам,
Всему красному поезду.

<Сообщила учительница Моркиногорской шк.<олы> 1 ст.<упени> А. Преображенская>¹.

5. Свадебный обряд

До свадьбы родители жениха вместе с ним идут «сватать» невесту. После сватовства (на другой день) родители невесты идут посмотреть хозяйство и дом жениха; затем договариваются о приданом. После того, как осмотрят дом жениха, тот собирает своих друзей, и идут пировать к невесте. Через некоторое время жених идет с подарками к невесте. После этого происходит свадьба. Приезжают гости, снаряжается свадебный поезд. Впереди поезда находится тройка лошадей, украшенная лентами и цветами. На шею лошади одевают кожаное ожерелье, к которому привязываются колокольчики. На тройке едут дружки. Свадебный поезд направляется к дому невесты, где после пиршества молодые едут в церковь венчаться. Из церкви молодые и сопровождающие их лица едут в дом жениха. Всё это происходит в течение 4–5 дней.

До свадьбы девушка, выходящая замуж, плачет, как бы прощаясь с девичьей жизнью. Начинает плакать она в четверг и кончает в субботу. А в воскресенье происходит свадьба. Еще до свадьбы к ней приходят ее подруги «гневить» ее. Поют песни о чужой стороне (т. е. куда девушка выходит замуж). Сваты, свекор в песне иногда называются даже «злодеями». Вот одна из таких песен:

На горе стоит елочка,
Под горой стоит светелочка,
Во светелочке княгинюшка,
Она стоит Богу молится,
Со слезами в землю кланяется.
Приходил к ней злодей-сватушка,
Он да и сватал ее потихонечку,
Потихонечку, полегонечку,
Восхвалял чужу сторонушку:
Уж как чужа-дальна сторонушка
Она сахаром усыпана,
Медовою сытой политая.

И вот ему отвечает невеста:

Не ходи, злодей-сватушка,
Не хвали чужу сторонушку,
Уж как чужа-дальна сторонушка
Она горюшком усыпана,
Горючими слезами политая.

Вот плачет невеста по своей русой косе:

То не трубы поют, не рано по заре,
Плачет, плачет Аннушка по своей русой косе:

¹ Там же. Л. 109–110 об. Перепечатано на л. 88–88 об.

«А куда же тебя, косынька, девать будет,
 Во темные лесапустишь — заблудишься,
 В быструю речкупустишь — утопишься,
 Во шелкову травупустишь — запутаешься,
 Во чисто полепустишь — загуляешься».

Свадебных песен женщины знают очень много. В каждом селении они различные. В данное время свадебный обряд происходит совершенно по-другому. Свадебные песни знают только пожилые женщины.

Когда-то, в давние времена, жители нашей деревни были крепостными. Барин не разрешал сыновьям отделяться от отцовского дома. В результате этого образовывались очень большие семьи. Всех членов семьи было около 40 человек. Жили в небольшой избе, ели отдельно: женщины за одним столом, мужчины тоже и т. д. принадлежали крестьяне некому Ранцеву. <...>

Немерово Теблешского р-на. Сообщил ученик I «в» класса БПУ <Бежецкого педагогического училища> Березин¹.

6. Некоторые из свадебных обычаев с. Чижово

Некоторые из свадебных обычаев. Девишник распадается на следующие моменты:

- а) расплетание косы;
- б) пляска (русская с припевками);
- в) чай — угощение;
- г) пляска;
- д) каравай.

Девушки на девичнике пьют и самогонку, и пиво; пьют иногда допьяна, пить на девичнике не зазорно. Невеста на девичнике — в трауре. Вообще она после «яичницы» ходит в трауре — в черном платье и платке, и участия в девичьих играх не принимает.

«Каравай» — верхушка сдобная отдается гармонисту, хлеб делится между девушками; его не едят, а захватывают с собой; кладут под подушку; что приснится, то и сбудется. На третий день после свадьбы бывает «срядник» — все гости наряжаются и ходят ряжеными; пируют на средства, общие как родных жениха, так и родных невесты. Первый же день пируют у жениха, второй у невесты.

П.П.<19>22. А. Михайлов².

7. <Свадебный обряд> с. Пожарка

Девушка просватана. На беседу она ходит редк<о>. Раза два или один раз перед самым венцом. Девушки поют:

Ты изменщица, обманщица,
 Изменила, лебедь белая,

¹ Там же. Л. 19—19 об. Обращаем внимание на о, что на данной машинописи стоит дата чернилами 2.IV.1946, что, вероятно, свидетельствует о том, что А. Г. Кирсанов не переставал интересоваться фольклором на протяжении всей своей краеведческой деятельности.

² Там же. Л. 115—115 об.

Говорила, что я замуж не пойду,
Говорила, не подумаю —
Вот теперича замуж пошла,
Не за князя, не за барина,
За (имя) за доброго молодца.

Отлетала лебедь белая,
Что от стада лебединога,
Приставала лебедь белая,
Что ко стаду, ко серым гусям,
Ее стали гуси щипати,
А лебедушки кликати:
«Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам залетала,
Занесло меня погодушкой,
Что погодушкой — буйным ветром,
Буйным ветром, добрым коням (имя)».

Эти песни поются на посиделках и при выходе из дома в церковь.

На беседу приходят брат невест<ы>, родственники — ее сестра или тетка. На беседу приносят ребята елку и ставят ее к переднему углу. Невеста садится вторая от угла, лицом к елке. Все девушки сидят лицом к елке. Невеста приходит с прялкой. На прялке кудель <льняная>. Когда уже родственники пришли брать невесту — встают около порога в это время, то ребята и братья невесты отвязывают кудель с прялки и растеребливают его на елку (отвязывает один, теребят все). Родственница садится рядом с невестой и начинает вопить:

Сяд<у> же я к тебе голуб<у>шка, <мила> сестра,
Уж как снимают твою вольную волюшку,
Красную-то красоту.
Уж как встань-ко ты на скорые ноженьки,
Распростишь-ка с друзьями-товарищами,
Что со своими да со подруженьками,
Со своим да со гуляньцем,
Со своим да со весельцем.

Во время вопленья парни зажигают растрепанную кудель. Кудель сгорает на елке. Когда сгорает кудель, невеста встает и идет с родственницей домой. Все девушки провожают невесту до дома. Девушки всей беседой идут в дом невесты. Невеста садится на долевую (не на <полоречную>) лавк<у>. Около дома невесту встречает мать или сестра и вопят:

Мое милое ты дитятко,
Уж как провожают-то тебя подруженьки,
Со веселой со беседушки,
Как спасибо вам, подруженьки,
Что не покинули, о, да не побросили.

Когда невеста села на лавку, с ней рядом садится сестра или родственница и вопят:

Что и запоручили же твою буйную головушку,
За поруки-то за крепкие,
Уж как твой-то кормилец-батюшка,
Со родимой-то с матушкой,
Уж как дали они слово крепкое,
Да верное, верное да непонятное...
Что спросили ли они сродцов-сродничков,
Посоветовали ли они с соседushками ближними,
Уж как жить-то во чужих людях,
У чужого отца-матери:
Понастоишься у стола дубового,
Да подождишься куска ожуреного,
Ожуреного-то да оговоренного,
Всё надо пройти да подумати,
Сказать слово да погадати,
Головушке надо быти поклонною,
Ретиву сердцу покорному.

Невеста плачет. К ней подсаживается ее подруга, расплетает косу и вопит:

Уж как сяду же я к тебе подруженька,
Что и порасплету-то твою русу косу,
Сниму твою красную красоту
И вольную-то волюшку.

Невеста отвечает:

Не расплетай-ка ты мою русу косу,
Во моей да во русской косе
Есть два булатные, да два ножичка,
Пообрежешь ты свои белы рученьки.

Подруга вопит:

Что не поднимаются мои белы рученьки,
Что и порасплести твою русую косу
И сниму же красную красоту,
Что и вольную-то да волюшку,
Да и снесу ее на белую уличку
И повешу ее на белую березыньку,
Что старой идет да подивуется,
А молодой идет да покрасуется.

Косу невесте расплели. Ленты из косы берет подруга и будет носить в своей косе. Невеста идет от подруги к матери, сядет с ней и вопит:

Пораздвинтись-ка, людишки добрые,
Что дайте-ка пути-дороженьку,
Что ко моей-то родимой матушке,
Погляди-ко ты, родимая матушка,
Что порасплела-то мою русу косу,
Что моя да подруженька.
Что попугала я мою подруженьку:
Что не расплети-ка ты мою русу косу,
Что во моей-то да во русе косе
Есть булатные да два ножичка,
Пообрежешь ты да свои белы рученьки,
Что не испугалась она да не утрашилась,
И расплела она мою русу косу,
Растрепала по единому волосу.

После идет к отцу и вопит тоже. После отца идет к брату и вопит:

Попрошу же я тебя, братец миленький,
 Не пожалей-ко ты поры-времечка,
 Не пожалей-ко ты ворона коня,
 Проводи-ка ты, братец миленький,
 Что меня-то до горяшицу,
 Что ко Божьей церкви да к матушке
 Под златы венцы.

Она идет к стене. На стене висят ленты. Берет ленты и дарит их своим подругам. Подруги с ней целуются и прощаются. Ленты называются «красотинками» и носятся в косах.

Невеста парится. Парит ее подруга без веника (с веником хоз.<яин> бить будет). На следующее утро ее будит мать и вопит:

Спрошу я тебя моя голубушка,
Что и поспалась ли тебе темная ноченька?
Не спалась, всё думушка думалась,
Что об житье да об замужнием.
Погости-ко ты, родимое дитятко,
У своей-то, родимой матушки,
У своего-то, кормильца-батюшки,
Во последочки, да во остаточки,
Во своей-то светлой горнице.

В этот же день она выходит замуж. Перед венцом приходит в избу народ и девицы. Невесту одевают при всем народе (сестра), а брат обувает, и в сапог кладут льняного семя, жита и ржи, и деньги. Сестра невесты вопит матери голосом:

Благослови-ка ты, родима матушка,
Со своим да кормильцем-батюшкой.

Если нет отца или матери, то невеста садится с сестрой на лавку к окошку и вопит сестра:

Погляди-ко, моя голубушка,
Что во светлое-то окошечко,
Не накурило ли снега белого,
Не постыло ли следу свежего,
Не приходил ли кормилец-батюшка,
Не приносил ли он Спаса-образа,
Что великого-то благословеньица.

Мать начинает благословение. На пол кладут шубу мехом вверх, и невеста кладет три земных поклона. После благословения невесту ведут из избы через двор. Девушки выбегают на улицу, стоят около лошадей и поют песню: «Отлетала лебедь белая» и т. д.

После свадьбы едут к жениху. Отец и мать жениха встречают молодых в шубах мехом вверх в сенях и обкидывают молодых житом. Молодым велят ловить жито. Они его и ловят. Молодых кормят только двоих или со свахой. Едят с одной ложки и из одного куска. Гости в это время угощаются во дворе и выкупают сундуки с невестиним приданым. Родственники привезли сундуки, говорят, что потеряли ключи, их поят, и они находят ключи. Когда молодые кончают есть, гости все идут в дом. Молодуху одевают в другое платье и заплетают косу на 2 (в церкви она была с распущенными волосами). Одевают сборник (повойник)¹.

¹ Там же. Л. 159–160 об., 58.

КНИЖНЫЕ РАРИТЕТЫ

М. А. Веневитинов

СТАРИННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ОБРЯДА СМОТРИН В ГОРОДЕ ТОРОПЦЕ

Подготовка текста А. А. Петрова¹

Картина, изображающая смотрины в городе Торопце Псковской губернии, долго хранилась в семействе одного местного купца и приобретена мною от воронежского уроженца Г. Т. Лебедева, посредством брака породнившегося с этим семейством и в числе приданного своей жены получившего и самую картину². За отсутствием указаний предания время написания этого изображения не может быть точно определено,

«Смотрины в г. Торопце».
Неизвестный художник, XVIII в.

но костюм мужчин, участвующих в обряде смотрин, заставляет предполагать с достоверностью, что картина относится к эпохе XVIII столетия и что ей, во всяком случае, никак не менее ста лет. Эта древность, в связи с изображенным предметом именно всё более и более исчезающим исконным народным свадебным обрядом, придают описываемой картине этнографическую ценность, помимо ее археологического значения как памятника утраченного быта.

Издатель журнала «Русская старина» М. И. Семевский еще в начале своей ученой деятельности, именно в первой половине 60-х годов, обратил внимание

¹ В связи с труднодоступностью книги М. А. Веневитинова мы приводим текст его публикации полностью по изданию: *Веневитинов М. А.* Старинное изображение обряда смотрин в городе Торопце. М.: Типограф. А. И. Мамонтова, 1888. 6 с.

² В настоящее время картина эта находится в Императорском российском историческом музее в Москве. — *Прим. М. В.*

на историю и древности города Торопца, одного из древнейших пригородов Пскова. Плодом исторических и бытовых исследований М. И. Семевского явилось его описание Торопца, первоначально напечатанное в «Библиотеке для чтения» (1863 г., № 12), затем с дополнениями изданное императорским Русским географическим обществом в своих «Записках» (1864 г., №№ 1 и 2) и, наконец, появившееся отдельной книгой в том же 1864 г. Впоследствии, именно в 1870 году, сочинение это послужило материалом для статьи о городе Торопце, напечатанной в журнале Гоппе «Всемирная иллюстрация» (№ 57–59)¹ в объяснение к помещенным там рисункам, изображающим вид города, одежду ее жительниц и занимающий нас обряд. Статья эта, подписанная буквами М. С., по всей вероятности, извлечена самим М. И. Семевским из вышеупомянутой его книги. Во всех указанных печатных источниках на занимающую нас картину обращено должное внимание и предлагается ее объяснение, впрочем, не лишённое, как увидим далее, некоторых неточностей.

«В одном из купеческих домов в Торопце, — пишет г. Семевский в своей книге «Торопец уездный город Псковской губ<ернии>», СПб., 1864 г., стр. 90, примечание, — есть картина, рисованная масляными красками: девичник в городе Торопце в 18-м веке. Громадный стол покрыт тарелками с десертом, тут же возвышается сахарная голова, вынутая из бумаги, стоят высокие подсвечники, пирожное, салфетки замысловато сложены рогульками. За столом на высоком стуле невеста с полузакрытым лицом, подле нее *сваха с открытым лицом*; далее, подружки на скамье в высоких венцах, лица их закрыты махальцами, т. е. веерами, на колени ниспадает богато вышитый платок; далее, женщины, как и все присутствующие, разряжены, лица полузакрыты фатами. В комнате гость, в немецких башмаках, кафтане, с шляпой и тростью в руке».

В описании картины, помещенном в № 59 (с. 127) «Всемирной иллюстрации» 1870 года, сидящая возле невесты женщина с открытым лицом также названа свахой, о фигурах же, входящих в дверь с левой стороны картины, встречаем такое объяснение: «У противоположного угла стола стоит *группа мужчин (?)*; впереди ее выступает фигура в чисто иноземном той эпохи костюме. Быть может, это — жених, какой-либо первостатейный горожанин, вследствие своего обхождения с иноземцами охотно променявший свой народный костюм на костюм иноземный, а может быть, это и *не (?) жених*, (что, впрочем, и вероятнее) (?), но *кто-либо из чиновных лиц города Торопца, как-то бургомистр (?)* и т. п.».

Приведенные строки едва ли в полной точности передают содержание картины и значение ее подробностей. Мы видим, во-первых, сидящих вокруг стола женщин. Пять из них закрыли лица махальцами. Это, несомненно, подружки невесты. Сама невеста, сидящая направо от стола, закрывает один глаз и смотрит другим на входящих; рядом с ней, с левой стороны, мы встречаем не женщину, а скорее девочку, которой, вероятно, по возрасту позволялось обычаем оставаться с открытым лицом. Это, во всяком случае, не сваха, которую скорее можно признать в женщине с открытым лицом, стоящей на левой стороне картины, впереди группы входящих лиц и за спиною мужчины в немецком кафтане; эта женщина единственная из числа всех не сидящих, а стоящих женщин, у которых лицо ничем не закрыто. Прочие женщины стоящей группы все закрывают лица фатою и глядят

¹ Семевский М. И. Торопец: Историко-этнографический очерк 1016—1869 гг. // Всемирная иллюстрация. 1870. Т. 3. Январь—Июнь. СПб.: Изд. Германа Гоппе. № 57. С. 95—96; № 58. С. 104, 105, 106; № 59. С. 126—127. Прим. наше. — А. П.

лишь одним, именно правым глазом. Группа мужчин, о которой говорит объяснительная статья «Всемирной иллюстрации», несомненно, состоит из выступившего вперед жениха и скрывающихся за свахой его посаженного отца и двух дружек или шаферов. Сомнение автора статьи относительно значения мужчин на картине не имело бы места, если бы он захотел согласить смысл картины с ее заглавием, им же самим приводимым. В таком предполагаемом случае он не решился бы придавать действительному жениху значение торопецкого бургомистра или представителя местного чиновничества. Присутствие их на девичнике едва ли может быть оправдано требованиями обычая, между тем как жениху и его родне скорее всего принадлежит место на свадебном обряде. Вообще М. И. Семевский в книге своей излагает недостаточно подробно свадебные обычаи жителей города Торопца, хотя и приводит довольно объемистый сборник свадебных песен. Все эти соображения заставляют предпочесть печатным источникам то объяснение изображения Торопецкого обряда, которое находится в письме, еще в 1874 г. адресованном ко мне г. Лебедевым по поводу описываемой картины. Г. Т. Лебедев имел возможность узнать семейные предания прежних владельцев картины и указал мне, что сидящая рядом с невестой женская фигура изображает не сваху, а маленькую девочку, называемую *подневестницею*, т. е. дружкой невесты. Остальные сидящие за столом девушки и отличаются своими одеждами от прочих женщин, и исполняют также роль дружек. Наконец, в объяснение фигур, закрывающих свои лица, привожу из письма г. Лебедева следующую выписку: «При входе жениха в комнату все девушки веерами закрылись, а невесте позволялось в этот вечер взглянуть одним глазком на жениха, равно как и гостям жениха, женщинам, позволялось одним глазком взглянуть на невесту».

Только что приведенные указания позволяют еще точнее определить значение картины и признать за нею изображение обычая *смотрин*, т. е. первой встречи жениха с невестой, уже заранее назначенных друг другу по воле их родителей. Это соображение вводит нас всецело в старинный быт нашего городского и купеческого сословия. Присутствие мужчин в немецком платье не должно нас смущать. Богатое купечество, за весьма немногими исключениями, уже давно, со времен Петра Великого, стало облекаться в иноземные одежды и следовать западным модам. Впрочем, женихом мог быть и какой-нибудь чиновник, женившейся на местной купчихе и пожелавший сохранить память о свадебном обряде в его изображении, снятом с натуры. Что касается до женщин, то, помимо, общей черты их большего сравнительно с мужчинами коснения в преданиях и в сохранении старой одежды, самые народные женские наряды и уборы представляют в себе более данных, чем народное одеяние мужчин, для проявления роскоши, вкуса и других условий богатства и красоты. Не забудем, что при нашем дворе придворные дамы в торжественных случаях издавна являются в русском платье, между тем как народная одежда присвоена войску лишь в недавнее время и то скорее из побуждений удобства, чем вследствие указаний преданий.

В заключение считаю не лишним позаимствовать из «Всемирной иллюстрации» 1870 г. (№ 59, стр. 127) нижеследующее описание женского одеяния торопчанок, могущее служить наглядным объяснением к изображенным на картине женским костюмам. Кстати, при этом заметим, что обилие и роскошь жемчужных украшений на головных уборах сделаются понятными, если припомнить связи Торопца, как пригорода Пскова, с Ганзою, с Архангельском и с Волгою. Реки, впадающие в Белое море, изобиловали мелким жемчугом, а из Персии получались еще

новгородцами бурмитские зерна, т. е. крупный жемчуг. Богатые торопецкие горожане хранили в своих кладовых издавна скопленные богатства, в числе которых жемчуг, по указанию М. И. Семевского, имел большое значение.

«Наряд торопчанок разделяется на доброе, поддоброе, третье и т. д. Нечего и говорить, что вся разница этих костюмов состоит в ценности платья и головного убора, а не в общем его характере.

Вот эти наряды: сарафан (зимой на вате) иногда из парчи, а то штофный или атласный; сарафан не глухой, но распашной, на золоченых или серебряных пуговицах. Сарафан застегивается повыше груди; он на проймах, подпоясывается золотым поясом или шелковой лентой спереди; сверху донизу сарафаны обшиты золотым газом, в четверть ширины. У некоторых юбка покрыта длинным, до самих ног, цветной материи передником. Передник этот охватывает сарафан кругом и только сзади остается небольшой промежуток. Голова девушки покрывается *венцом*. Так называются высокие шапки из картона, в виде усеченного конуса; венцы обтянуты серебристым глазетом, низ обшит золотым газом и обсажен жемчугом; к краям венца пришиты *рясы*¹, которые закрывают половину лба; в ушах жемчужные, четырехугольные с камушками серьги. С венца ниспадает на спину белый платок, нередко шелковый, шитый золотом; для того, чтобы платок шире лежал по спине, под него подкладывается накрахмаленный плат или особая картонная подкладка. Платок подвязан под подбородком узлом.

Девушки беднейшего класса являются в сарафанах, в больших шерстяных, шелковых или даже кисейных передниках, голова обвязана таким же платком. Лет десять тому назад девушки-торопчанки, выходя на улицу либо являясь в гости на свадьбы, закрывали лица платками или махальцами (веерами).

Наряд замужних женщин, главным образом, отличается от наряда девушек головным убором. *Венец*, с выходом торопчанки замуж, заменяется *кокошником*; верх и затылок его обтянуты золотой парчой, передняя часть высажена жемчугом и жемчужными шишками, числом до тридцати и более, наибольшая шишка посреди лба; вверху каждой из них крупная жемчужина. Окраину кокошника составляют жемчужные *рясы*. Таковые шапки или кокошники у некоторых торопчанок, в старые годы, ценились от 2 до 7 тысяч руб. <лей> сер. <ебром>. На кокошник набрасывается белый шелковый или тюлевый, шитый золотом, платок. Как и у девушки, платок этот ровным, широким клином спускается на спину, закрывая подложенный под него накрахмаленный плат. Рукава рубашек, у девушек и у женщин, вышиты в тамбур с решетками; около рукавов манжеты из кружева. Ворот и манжеты стягиваются золотыми или жемчужными *запялами*, т. е. запонами, или широкими лентами. На шее бусы из нескольких ниток жемчуга.

Вдовы-торопчанки носят сарафан, платок и ленты черные; по местному обычаю, вдовы носят траур 3 года, а некоторые даже всю жизнь. Вне каких бы то ни было собраний, словом, в обыденное время, малый платок с его накрахмаленной подкладкой заменяется у женщин-торопчанок большой фатой; в старину ею закрывалось лицо, ныне же шитые нередко из шести обыкновенных платков фаты эти ниспадают с головы на спину.

Зимние шугайчики, меховые или на вате, нередко покрытые парчой или шелковой материей, обыкновенно носят очень короткие, так что не покрывают даже и талии. Края этих шугайчиков обшиваются белой или лиловой лентой.

¹ См. это слово в толковом словаре В. И. Даля. — Прим. М. В.

Уверяют, что в старые годы торопчанки не расставались с своими тяжелыми жемчужными кокошниками; в них они являлись не только на гульбища и в церкви, но даже занимались дома на кухне.

Костюм этот до такой степени своеобразен, даже в ряду массы прочих характеристических костюмов, там и сям встречающихся еще в старинных русских городах, что, как гласит предание, императрица Екатерина II выписала из Торопца несколько кукол, одетых в местный костюм. Император Александр I, как свидетельствует другое предание, проездом через Торопец, в августе 1822 года, весьма долго любовался нарядами и головными уборами торопецких женщин и девушек».

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ТВЕРСКОГО КРАЯ:
СВАДЬБА**

Сборник научных статей и публикаций

**Памяти Н. П. Кудряшова
(1924–1998)**

Отпечатано с авторских оригиналов

На обложке воспроизведен горельеф
неизвестного скульптура XVIII – начала XIX вв.
«Крестьянская свадьба. Пляска и угощение на свадьбе»
из собрания Тверской областной картинной галереи

Технический редактор А. В. Жильцов

По замечаниям и вопросам по изданию
обращаться по электронной почте:
aaetrov-kraeved@mail.ru

Подписано в печать 10.07.2014. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 8,25. Тираж 100. Заказ № 289.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.